

Америка

№ 86 Цена 50 коп.

Америка

Иллюстрированный журнал

2 «МЕМФИС — МОЙ ДОМ»
Нил Грегори

7 В СПОРТЕ ВСЯКОЕ БЫВАЕТ
С разрешения журнала *Лук*

10 ОСЕННИЙ ШУМ ВОКРУГ «БЕЗМОЛВНОЙ ВЕСНЫ»
Джефф Стансбери

11 ПЕВЕЦ ЗА ПИСЬМЕННЫМ СТОЛОМ
С разрешения журнала *Тайм*

12 С ФЕРМЫ НА КОРАБЛЬ
С разрешения журнала *Лайф*

17 ВАШИНГТОНСКИЙ КОРПУС ПЕЧАТИ
Дуглас Кэйтер

20 НАМ НРАВИТСЯ. А ВАМ?
Маделин Хантер

22 ПЛАСТМАССОВЫЙ ЧЕХОЛ В МОЗГУ
С разрешения журнала *Космополитэн*

23 АМЕРИКА ТВОРИТ

24 ИСКУССТВА В АМЕРИКЕ
Джон Ф. Кеннеди

28 ГОВОРЯТ МАСТЕРА ИСКУССТВА

34 ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
Джекс Волдуин

35 ХУДОЖНИК РАБОТАЕТ В ОДИНОЧЕСТВЕ

39 УОЛДЕН (отрывки по-английски)
Генри Дэвид Торо

40 ЧУДЕСА НАУКИ И ВОЗМОЖНОСТИ БУДУЩЕГО
С разрешения изд-ва *Нью-Йорк таймс*

FEB -1 2021

SUMMARY OF CONTENTS

86

DEPOSITORY DOC
BY THE U.S. DEPT. OF COMMERCE

Америка AMERICA ILLUSTRATED

Covers Front: Highway overpass under construction. Courtesy of Marquette Cement Manufacturing Co. Inside Front: Prize-winning sports picture. By Walter Doran, courtesy of New York Medical Center. Back: Student chorus. By Constantine Manos, Magnum Photos.

- 2 **"Memphis Is My Home"** In this interview a young Negro lawyer and civic leader tells what has impelled him to live and work in the Deep South. Speaking with reporter Neal Gregory, Russell Sugarmon describes the substantial progress that has been made in breaking down interracial barriers in his native city. Sugarmon himself has had a hand in this achievement. After seven years of study in the North (capped with a Harvard law degree) he still felt that the South was his home, and he decided that "I would come back and try to change certain features I didn't like."
- 7 **Moments in Sport** The camera catches the drama of sportsmen at peaks of tension and effort—a shortstop and a halfback sail into the air to nail a soaring ball, a racing yacht sweeps into a furious tack, flying horses come crashing down from a steeplechase fence. Such taut moments are captured in this round-up of prize sports photographs of 1962. Courtesy of LOOK.
- 10 **The Turbulent Autumn of Silent Spring** By Jeff Stansbury. Few books have so startled the American public as Rachel Carson's brilliant biological report, *Silent Spring*. Violently attacked and staunchly defended, this documented study of the dangers in the excessive use of pesticides has been thoroughly vindicated by a recent report of the President's Science Advisory Committee.
- 11 **Basso behind the Desk** Robert Oliver leads a double life: In the business world he is an executive in a company of management consultants; in the world of music, a singer whose rich basso profundo has won plaudits here and abroad. Courtesy of TIME.
- 12 **Farm Boy Goes to Sea** Photographs by Bill Eppridge. The saga of a teenager who tired of plowing Louisiana fields and joined the crew of a freighter plowing the blue main. Courtesy of LIFE.
- 17 **The Washington Press Corps** By Douglass Cater. The Washington editor of *The Reporter* magazine analyzes for our Soviet readers the important role of the capital's newsmen in shaping public opinion and the course of world affairs. More than 1,200 correspondents—men and women—keep constant watch over the three branches of government in a persistent quest for news.
- 20 **Lovely to Look at** By Madelyn Hunter. Soft knits with a dash of trimming make this year's sweater girl chic and cozy.
- 22 **A Plastic Jacket in the Brain** She had been as normal and happy as any busy wife and mother could wish. Then it happened—a piercing pain in the back of her head and neck, leaving a dull ache that grew steadily worse. Lawrence Galton tells how doctors detected multiple brain aneurysms and accomplished a remarkable cure by a new surgical attack—opening the skull and enveloping the damaged blood vessels in a tough silicone plastic.

■ **Creative America**—A sixteen-page section drawn from a new book illustrated by Magnum Photos, Inc. and published by Ridge Press in tribute to the National Cultural Center soon to be built in Washington.

- 24 **The Arts in America** By John F. Kennedy. An essay by the President points to the diversity and vitality of American culture, and declares that "the life of the arts, far from being an interruption, a distraction, in the life of a nation, is very close to the center of a nation's purpose—and is a test of the quality of a nation's civilization." A pictorial study of the human and natural landscape follows, symbolizing the sources that have inspired the artist in America.

Мортон Р. Ингельберг; 4, Мортон Р. Ингельберг, /ильямс; 5-6, Мортон Р. Ингельберг; 7, Дик Дарси Чернецкий («Юнайтэд пресс Интернационал»), Интернационал»; 9, сверху — Дуглас М. Уилсон — Дик Срода (газета *Висконсин стейт джорнал*); 19, Джон Ларц; 20, Джон Роулингс (журнал *Вог*); 21, Джером Дюкро; 23, сверху слева и справа и тре — Уэйн Миллер, внизу слева — Брус Дэвидсон, Эрху Эллиотт Эррутт, слева в центре — Деннис Сток, Эрнст Хаас; 29, слева — Брус Дэвидсон, сверху — он; 30, Эллиотт Эррутт; 31, слева — Дан Будник, ольд, внизу — Эллиотт Эррутт; 32-33, сверху — Брус Деннис Сток, Брус Дэвидсон, Барт Глини; 34, Мари отт Эррутт; 36-37, сверху — Деннис Сток, Ева Ар-Деннис Сток, Инге Морат; 40-41, Сам Фолк (газета хана (изд-во «Американ херитэдж паблшинг ком-Кларк»; 58-59, слева — фирмы «Спенс эр фотос», «о эриал сэрвейс», фирмы «Скайфотос» (Филадель-нийского управления общественных работ, отдел ня дорожного строительства.

«Америка» издается Правительством нельством СССР на основе взаимно-ающему распространение журнала а, а журнала «Америка» — в СССР. принимается в СССР местными от-бусловленного соглашением тиража. ЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

статьях и пожелания, относящиеся ала, просим направлять по адресу: ica Illustrated, Washington 20547, D.C., во, Москва, улица Чайковского, 19-21.

Амер

2 «МЕМОИ
Нил Гр

7 В СПОР
С разре

10 ОСЕННИ
Джефф

11 ПЕВЕЦ
С разре

12 С ФЕРМ
С разре

28 **The Masters Teach** The continuity of culture requires both teachers and students. Presented here are some brilliant exponents of the arts —George Balanchine, Walter Gropius, Leonard Bernstein — and a portfolio of amateurs, young and old, in their roles as learners.

34 **The Creative Process** By James Baldwin. "A society must assume," says the noted essayist and novelist, "that it is stable, but the artist must know, and he must let us know, that there is nothing stable under heaven." Consequently the artist's responsibility is to be constantly at war with society, a condition not likely to make him popular, Mr. Baldwin admits, but the only means of clearly revealing man and society to themselves.

35 **Artists Work Alone** Distinguished figures in many fields of art address themselves to their attitudes toward creative work. They range from violinist Isaac Stern's compelling sense of "the ecstasy and exaltation" of making music to movie director John Huston's offhand: "I look on making pictures as play."

39 **Walden** By Henry David Thoreau. For Soviet students and teachers of English we present excerpts, in English, from this classic account of the two years Thoreau spent living in a cabin by Walden Pond.

40 **The Wonders of Science: What Next?** By Lawrence Galton. In this interview, four Columbia University scientists peer into the future and see such outgrowths of our mounting knowledge as conversion of the oceans' heavy hydrogen into the world's fuel, and control of cell chemistry to alter heredity and forestall our most serious diseases. Courtesy of THE NEW YORK TIMES MAGAZINE.

43 **Apprentice in the Court** By Morton R. Engelberg; photographs by Robert Phillips. At the Yale commencement two years ago, Polish-born Jan Deutsch received his law degree and a Ph.D. in history, earned concurrently — which he added to a Master's degree from Cambridge in England. With this brilliant record, it is not too surprising that he was handpicked to serve as law clerk to Justice Potter Stewart of the Supreme Court, joining the very select band of young lawyers chosen every year by the members of the Court.

46 **TV's Bouncing Belles** Photograph by Larry Keighley. Five mornings a week, pretty exerciser Gloria Roeder and her six daughters bounce across the TV screen, showing housewives how to reduce. Courtesy of THE SATURDAY EVENING POST.

48 **Gettysburg: Battle and Affirmation** By Carl Sandburg. The sleepy town of Gettysburg lent its name to two events of 1863 in the Civil War: a crucial battle in American history and a speech by President Lincoln that has echoed down the years. This is an account of both, from Mr. Sandburg's *Abraham Lincoln: The War Years*.

53 **"All Together Now — Sing!"** Photographs by Fred Ward, Black Star. Soviet-American relations hit a high note last spring when kids from the two countries joined in a songfest at the Soviet Embassy in Washington. Proposed by the Montgomery County Little Singers, the party was welcomed by pupils of the Soviet Embassy School, who contributed their own songs, dances, and recitations.

54 **"Bobby" Fischer at 1963 U.S. Chess Tournament** By Henry F. Stockhold. International Grandmaster Robert J. Fischer, at nineteen, faced some strong challenges during the recent U.S. Championship Chess Tournament. In the final round, his flawless attack overpowered the "Berlin Defense" of former champion Arthur Bisguier to win him the national title for the fifth time.

56 **Highways and the City** By Laura Winslow. With some 80,000,000 cars, trucks, and busses on the road, downtown traffic in American cities is a major problem. It's being tackled with new expressways, with high-speed, limited-access highways, and with electronic aids for monitoring traffic flow, for changing speed limits, for opening and closing lanes to accommodate varying traffic patterns.

PICTURE CREDITS: 2, Bob Williams; Morton R. Engelberg; 4, Morton R. Engelberg except third from top — Bob Williams; 5-6, Morton R. Engelberg; 7, Dick Darcey, *The Washington Post*; 8, top — Art Chernecki, *United Press International*; bottom — Herbert Ludford, *United Press International*; 9, top — Douglas M. Wilson, *Eureka (California) Newspapers*; center — Dick Sroda, *Wisconsin State Journal*; bottom — Walter Green, *Associated Press*; 19, Jack Lantz; 20, John Rawlings, *Vogue*, © by The Conde Nast Publications, Inc.; 21, Jerome Ducrot; 23, top left, top right & right center — Dennis Stock; top center — Wayne Miller; bottom left — Bruce Davidson; center & bottom right — Ernst Haas; 25, top — Elliott Erwitt; left center — Dennis Stock; right center & bottom — Ernst Haas; 26-28, Ernst Haas; 29, left — Bruce Davidson; top — Burt Glina (2); bottom — Henri Cartier-Bresson; 30, Elliott Erwitt; 31, left — Dan Budnik; right — Bruce Davidson; center — Eve Arnold; bottom — Elliott Erwitt; 32-33, top — Bruce Davidson; Wayne Miller; bottom — Eve Arnold; Dennis Stock; Bruce Davidson; Burt Glina; 34, Marc Riboud; 35, Dennis Stock; Dan Budnik (2); Elliott Erwitt; 36-37, top — Dennis Stock; Eve Arnold; bottom — Wayne Miller; Inge Morath; 38, Dennis Stock; Inge Morath; 40-41, Sam Falk, *The New York Times*; 48-52, illustrations by Ray Houlahan, *American Heritage Publishing Co., Inc.*; 54, Dr. Richard Cantwell; 56-57, Joe Clark; 58-59, left — Spence Air Photos; top — Joe Munroe; bottom — Chicago Aerial Surveys; Skyphotos, Philadelphia; 60, top & bottom left — California Dept. of Public Works, Div. of Highways; inside back cover, Bureau of Public Roads.

- 43** ХОРОШЕЕ НАЧАЛО
Фото Роберта Филиппса
- 46** ТЕЛЕЗАРЯДКА
С разрешения журнала *Сатердэй evening пост*
- 48** ГЕТТИСБУРГ: БИТВА И КРЕДО
Карл Сандбург
- 53** А ТЕПЕРЬ — ВСЕ ХОРОМ!
Фото Фреда Уорда
- 54** БОББИ ФИШЕР НА ШАХМАТНОМ ТУРНИРЕ США 1963 г.
Генри Ф. Стокхолд
- 56** ДОРОГИ И ГОРОДА
Лора Уинслоу

НА ОБЛОЖКЕ:

- I** СТРОИТЕЛЬСТВО ШОССЕЙНОГО МОСТА
Фото с разрешения фирмы
«Маркетт семент мануфактуринг»
- II** ИЗ ЛУЧШИХ СПОРТФОТО: МОЛОДЫЕ НЫРЯЛЬЩИКИ
Фото Уолтера Дорана
С разрешения Нью-йоркского медицинского центра
- III** СТУДЕНЧЕСКИЙ ХОР
Фото Константина Маноса («Магнум»)

ФОТО С РАЗРЕШЕНИЯ: 2, Боб Уильямс, Мортон Р. Энгельберг; 4, Мортон Р. Энгельберг, за исключением третьего фото сверху — Боб Уильямс; 5-6, Мортон Р. Энгельберг; 7, Дик Дарси (газета *Вашингтон пост*); 8, сверху — Арт Чернецкий («Юнайтэд пресс Интернационал»), внизу — Герберт Лудфорд («Юнайтэд пресс Интернационал»); 9, сверху — Дуглас М. Уилсон (газеты г. Юрика в Калифорнии), в центре — Дик Срода (газета *Висконсин стейт джорнал*), внизу — Уолтер Грин («Ассошиэйтэд пресс»); 19, Джек Ларц; 20, Джон Роулинг (журнал *Вог*, авт. права изд-ва «Нонде Наст паббликейшнс»); 21, Джером Дюро; 23, сверху слева и справа и в центре — Деннис Сток, сверху в центре — Уэйн Миллер, внизу слева — Брус Дэвидсон, в центре и справа внизу — Эрнст Хаас; 25, сверху Эллиотт Эррутт, слева в центре — Деннис Сток, справа в центре и внизу — Эрнст Хаас; 26-28, Эрнст Хаас; 29, слева — Брус Дэвидсон, сверху — Бэрт Глинн (2), внизу — Анри Картье-Брессон; 30, Эллиотт Эррутт; 31, слева — Дан Будник, справа — Брус Дэвидсон, в центре — Ева Арнольд, внизу — Эллиотт Эррутт; 32-33, сверху — Брус Дэвидсон, Уэйн Миллер, внизу — Ева Арнольд, Деннис Сток, Брус Дэвидсон, Бэрт Глинн; 34, Мари Рибу; 35, Деннис Сток, Дан Будник (2), Эллиотт Эррутт; 36-37, сверху — Деннис Сток, Ева Арнольд, внизу — Уэйн Миллер, Инге Морат; 38, Деннис Сток, Инге Морат; 40-41, Сэм Фокс (газета *Нью-Йорк таймс*); 48-52, рисунки Рэй Хулихана (изд-во «Американ херитадж пабблишинг компани»); 54, д-р Ричард Кантуэлл; 56-57, Джо Кларк; 58-59, слева — фирмы «Спенс эр фотос», сверху — Джо Муно, внизу — фирмы «Чикаго зриал сэрвейс», фирмы «Скайфотос» (Филадельфия); 60, сверху и внизу слева — Калифорнийского управления общественных работ, отдел шоссейных дорог; 3-я стр. обложки, Управления дорожного строительства.

Иллюстрированный журнал «Америка» издается Правительством США по заключенному с Правительством СССР на основе взаимности соглашению, предусматривающему распространение журнала «USSR» в Соединенных Штатах, а журнала «Америка» — в СССР. Подписка на журнал «Америка» принимается в СССР местными отделениями Союзпечати в пределах обусловленного соглашением тиража.

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Отзывы о публикуемых нами статьях и пожелания, относящиеся к выбору материала для журнала, просим направлять по адресу: Ruth Adams, Editor-in-Chief, *America Illustrated*, Washington 20547, D.C., USA, или Американское посольство, Москва, улица Чайковского, 19-21.

«МЕМФИС—МОЙ ДОМ»

НИЛ ГРЕГОРИ • Беседа с адвокатом и видным негритянским деятелем Расселом Б. Шугармоном

Мемфис — портовый и промышленный город с более чем полумиллионным населением (почти 40 процентов его составляют негры) лежит на «Крайнем Юге», в юго-западном углу штата Теннесси, на берегу реки Миссисипи, по другую сторону которой простираются хлопковые и рисовые поля Арканзаса, и на самой границе штата Миссисипи, в районе, где особенно сильно ощущается сопротивление каким бы то ни было изменениям в существующих взаимоотношениях между расами.

Несмотря на это, за последние годы в Мемфисе, во всех местах общественного пользования — на городском транспорте, в школах, библиотеках, парках, на спортивных площадках — началась отмена сегрегации. Доступ в гостиницы, кинотеатры, аптекарские магазины, где подаются прохладительные напитки, в рестораны и закусочные универсамов в центре города открыт каждому, независимо от расовой принадлежности, и негры продавец работают наравне с белыми в больших и малых магазинах.

Такие глубокие перемены в нравах и обычаях Мемфиса, который часто называют «хлопковой столицей мира», произошли без насилия, без пропагандной шумихи.

Один из видных деятелей мемфисской социальной революции — молодой негр адвокат Рассел Б. Шугармон-младший. Беседа наша состоялась в его адвокатской конторе, находящейся в одном квартале от знаменитой Билл-стрит, откуда лились когда-то звуки «золотой трубы» Уильяма Хэнди и где родились первые мелодии блюза.

Вопрос: Мистер Шугармон, вы родились и выросли в Мемфисе, но несмотря на это одно время вы утверждали, что никогда сюда не вернетесь. Почему вы изменили ваше решение?

Ответ: Проживая в других частях страны, я много думал о том, чему посвятить свою жизнь, и мне казалось, что именно Юг ставит передо мной наиболее трудную, но ясную и определенную задачу. Юг — моя родина, и я понял, что отказываться жить в родных местах из-за сегрегации было бы с моей стороны малодушием. Поэтому некоторое время спустя я решил вернуться, чтобы постараться изменить то, что мне было не по душе в родном южном штате.

В. Какое у вас образование? Вы окончили среднюю школу в Мемфисе?

О. Да, затем я поступил в Морхаус-колледж в Атланте, в штате Джорджия, через год перешел в университет имени Рутгерса в Нью-Джерси и проучился там четыре года. Образование свое я закончил на юридическом факультете Гарвардского университета, где пробыл три года.

В. В Морхаус-колледже, насколько мне известно, учились многие из интеллектуальных вождей негритянского населения США — например Мартин Лютер Кинг, который руководил бойкотом автобусов в городе Монтгомери (Алабама), приведшим к отмене сегрегации на автобусном транспорте города. Расскажите, пожалуйста, про Морхаус-колледж.

О. Это небольшой мужской колледж, в котором учится около 800 студентов, но организационно он входит, как и отдельный женский колледж, в университет города Атланты — высшее учебное заведение для учащихся обоего пола. Правда, я был в Морхаус-колледже только на первом курсе и недостаточно хорошо его знаю. Но все же я считаю душой колледжа его ректора доктора Бенджамина Мэйса. Он обычно выступал перед студентами всего колледжа раз в неделю с лекцией или проповедью и нередко касался положения негров в Соединенных Штатах, анализируя разные его аспекты. Его выступления заставляли студентов задумываться и глубже знакомиться с материалами по этому наиболее важному вопросу. Естественно, что после окончания колледжа многие из них начинали активно бороться за расширение гражданских прав негров.

В. Почему вы избрали именно университет Рутгерса, учебное заведение одного из северных штатов, для окончания курса в университетском колледже?

О. Поступить туда мне, собственно говоря, настойчиво советовал один из преподавателей Морхаус-колледжа. Почему он так интересовался этим университетом, не могу сейчас вспомнить. Быть может, интерес этот связан с негритянским певцом Полем Робсоном, одним из наиболее известных питомцев Рутгерса. У многих негров имя Робсона ассоциировалось с этим университетом. В годы моего учения Робсон неоднократно там выступал.

Когда я поступил в университет Рутгерса, среди мужской молодежи в университетском городке Нью-Брансуика было тринадцать негров. В женском Дуглас-колледже, на другом конце города, было тоже несколько студентов негритянок. Теперь, вероятно, число негров в обоих вузах значительно возросло.

Готовясь к поступлению на юридический факультет, я избрал главными предметами в колледже историю и государственное право. Я увлекался футболом, был борцом в университетской команде и состоял в нескольких кружках и студенческих клубах. Один из кружков при кафедре английского языка и литературы приглашал видных деятелей выступать с докладами на актуальные темы. Только на последнем курсе я заинтересовался общественной работой. Я руководил тогда предвыборной кампанией первого негра, баллотировавшегося на пост курсового старосты. Он был спортсменом, пользовался популярностью в университете и легко прошел на выборах.

В. Вас всегда привлекала адвокатская деятельность?

О. Нет, сначала я больше увлекался историей. Но уже вскоре после поступления в колледж меня заинтересовали юридические науки. Один из преподавателей Морхаус-колледжа сильно повлиял на мой окончательный выбор. Мы часто говорили с ним о праве, и он дал мне несколько книг, которые заметно отразились на образе моего мышления. Упомяну среди них «Янки с Олимпа» Катрин Дринкер Боуэн — биографию знаменитого члена Верховного Суда Оливера Уэнделла Холмса. Прочитанная в подходящий момент, книга сыграла немалую роль в моем решении.

В. Если я не ошибаюсь, в Мемфисе у вас большая адвокатская практика. Какие дела вы главным образом ведете?

О. Наша практика довольно разнообразна. Я и мои компаньоны, мы мало занимаемся торговым правом. Мы ведем главным образом бракоразводные процессы, дела об утверждении в правах наследства и иски в связи с причиненными физическими увечьями. В нашей адвокатской конторе уголовные дела не в особенной чести, и мы их почти не ведем. Кроме того, мы иногда представляем интересы акционерных компаний.

В. А дела о гражданских правах негров?

О. Это одна из тех областей права, которой я особенно интересуюсь. Когда я вернулся в Мемфис, в суде как раз разбирались первое в нашем

городе дело об отмене сегрегации, и я присутствовал на процессе. Затем я начал активно работать в местном отделении Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и с тех пор стал в той или иной мере принимать участие в проведении дел по отмене сегрегации.

Первое рассматривавшееся местными судами дело, в котором я принимал известное — довольно скромное — участие, было дело Мемфисской транспортной компании. Эта частная компания имела концессию на городскую автобусную линию и требовала, чтобы негры занимали задние места в автобусах. Одна негритянка отказалась пересесть назад, и против нее возбудили дело. Но пока шло судебное разбирательство, город купил автобусную линию и отменил сегрегацию в автобусах. Мы втроем или вчетвером разрабатывали юридические вопросы, связанные с этим делом, подбирали материал. Теперь сегрегация полностью отменена во всех городских автобусах, некоторые из водителей — негры, а в городском транспортном управлении негр — один из трех его членов.

Всей юридической работой, связанной с отменой сегрегации, занималось человек пять негров адвокатов. Каждое новое дело поручалось одному из них. Мне было поручено вести дело Доббса Хауса. Речь шла о ресторане на аэровокзале. Процесс тянулся несколько лет, но это было первое мемфисское дело, прошедшее все инстанции, вплоть до Верховного Суда США, который вынес по нему благоприятное решение, запрещающее сегрегацию в ресторанах аэровокзалов.

Я участвую в рассматриваемом сейчас судами школьном деле. Городской отдел просвещения начал проводить отмену сегрегации в школах, по одному классу в год. Мы считаем такой темп слишком медленным. Федеральный окружной суд постановил, что необходимо принять новый план, и мы вскоре ожидаем рассмотрение нашей апелляционной жалобы. Я проводил также небольшую работу по делам о местах отдыха и развлечений и о городских парках; сегрегация в них постепенно отменяется, но и тут нужны, по нашему мнению, более быстрые темпы.

В. Насколько известно, в Мемфисе целый ряд мер по отмене сегрегации принимался без обращения в суд или же до вынесения судами решения по соответствующим делам. Находите ли вы это более целесообразным способом разрешения таких проблем?

О. Не думаю, чтобы на этот вопрос можно было дать категорический ответ. В Мемфисе наблюдалось взаимодействие различных влияний, сказывавшихся в чувствительных пунктах. Успехи десегрегации в Мемфисе объясняются, на мой взгляд, наличием более 75 000 зарегистрированных негров избирателей, которые не дают некоторым из занимающих выборные должности покойно спать. Ведь на каждых выборах значительное число этих избирателей может поддержать кандидатов оппозиции. Это-то, по-моему, и создает предпосылки для разумного подхода некоторых должностных лиц к заявлениям руководителей негритянского населения по различным вопросам и к планам отмены сегрегации в разных областях общественной жизни — к планам, предлагаемым смешанными комитетами, в которые входят представители обеих рас.

Нам в Мемфисе не пришлось иметь дело с запугиванием негров, желавших принять участие в выборах, что наблюдается в некоторых южных районах. Но перед нами стояла трудная задача проведения организационной кампании по регистрации негров избирателей. Негры у нас издавна голосовали, но в 1953 году было зарегистрировано всего 7000 человек. Это число возросло до 76 000 к президентским выборам 1960 года. Белых избирателей в Мемфисе около 160 000 человек.

В. Можно ли сказать, что именно этим обстоятельством, то есть влиянием негров избирателей, и объясняется мирная эволюция в Мемфисе, в отличие от беспорядков в Миссисипи и Арканзасе?

О. Да, пожалуй это верно. Трудно решить, какой фактор имеет первостепенное значение, но избирательные голоса негров несомненно играли большую роль. Оказывает влияние и сознание того, что в конечном счете, мы, как и прежде, так или иначе достигнем поставленной себе цели. Достаточно ознакомиться с делами, по которым были вынесены судебные решения в других районах страны, чтобы понять, что мы идем верным путем и что карта сегрегации бита. Вопрос теперь не в конечном результате, а в темпах. Мемфис оказался в сравнительно более благоприятном положении благодаря тому, что лица, занимавшие у нас ответственные выборные должности, не стали углублять раздоры или бороться до конца, как в других городах Юга. У нас это не наблюдалось отчасти потому, что было политически невыгодно из-за возросшего значения негров избирателей. Вместе с тем, в некоторых вопросах нам удалось добиться успехов путем переговоров, не доводя дело до суда, ибо все понимают, что в случае обращения в суд исход может быть только один. Именно совокупность этих факторов позволила, кажется мне, ускорить отмену сегрегации в Мемфисе.

В. Как вы думаете, сыграли ли голоса негров решающую роль при недавнем избрании Франка Клемента на пост губернатора Теннесси?

Рассел Шугармон беседует с демонстрантами — противниками сегрегации.

Его листовки призывают к бойкоту магазинов, не обслуживающих негров.

Почетным гостем на приеме у друзей Шугармона была сестра губернатора.

На собрании Шугармон призывает к активному участию негров в выборах.

О. Надо полагать, что сыграли, и не только чисто арифметически. Если бы вам удалось вызвать на откровенный разговор ближайших помощников Франка Клемента по предвыборной кампании, они сознались бы, что до одобрения его кандидатуры Советом избирателей, представлявшим значительную часть избирателей штата, предвыборная кампания проходила для него неудовлетворительно.

В. Что представляет собой Совет избирателей?

О. Совет объединяет такие политические организации негров на местах, как наш Демократический клуб округа Шелби (Мемфиса). Он ставит себе целью максимальное использование голосов негров избирателей путем их организации и координирования действий для увеличения их удельного веса в жизни нашего штата.

В. Можете ли вы рассказать подробнее, как в результате поддержки Советом избирателей кандидатуры Франка Клемента другие группировки тоже поддержали его?

О. Во всем штате энергично вели предвыборную кампанию три кандидата в губернаторы, причем каждый из них старался убедить избирателей в том, что именно у него больше всего шансов на избрание. Но убедительно доказать это ни одному не удавалось. И вот, когда Совет избирателей подавляющим большинством высказался за Франка Клемента, другие организации, занимавшие выжидательную позицию, так как им хотелось наметить кандидата с наилучшими шансами, тоже стали переходить на его сторону. За него высказались некоторые профсоюзы, а независимые объединения деловых людей и отдельные лица, склонившиеся на сторону Клемента после того, как его поддержали мы, стали оказывать ему организационную и финансовую помощь. Точно сказать, какое влияние оказало наше решение, — конечно трудно. Но когда организация, представляющая около 75 000 голосов потенциальных избирателей, поддерживает кандидата, это не может не произвести сильного впечатления на всех избирателей.

В. Как вы себе представляете положение в Теннесси, пока губернатором штата будет Клемент?

О. Я предвижу дальнейший прогресс во многих отношениях. У нас, конечно, не рай на земле. Клемент очень способный политический деятель и, занимая пост губернатора Теннесси, он играет главную роль в политике штата. Если у него есть еще более честолюбивые мечты, и он хочет играть роль в Вашингтоне, он должен себя зарекомендовать с положительной стороны и привлечь симпатии влиятельных элементов Демократической партии по всей стране, в особенности негров и профсоюзов в южных штатах. Вот почему я считаю, что политика администрации штата Теннесси будет отличаться прогрессивностью.

В. Вы первый негр, выставивший свою кандидатуру на ответственный пост в муниципальном управлении Мемфиса за последние пятьдесят с лишним лет. Баллотировавшись в 1959 году на должность заведующего коммунальными предприятиями — одного из пяти членов городского управления — вы оказались на втором месте, собрав 35 237 голосов против 58 951 голоса, полученного избранным на эту должность кандидатом. Остальные 35 000 голосов распределились между четырьмя другими белыми кандидатами. Что вы думаете об этой избирательной кампании?

О. Она, вероятно, останется одним из крупнейших событий в моей жизни. Негритянское население нашего города едва ли принимало до этого такое деятельное участие в политической жизни. Хотя ни один из кандидатов, опиравшихся на поддержку так называемого Комитета добровольцев, не был избран, однако немало людей, которые весьма пессимистически смотрели на возможность изменить положение негров путем выборов, усомнились после этого в своей правоте. Комитет привлек к политической работе многих, стоявших в стороне от политики. В результате Мемфис оказался одним из передовых городов в стране, если говорить о роли, сыгранной избирателями неграми.

В. Вы упомянули о Комитете добровольцев. Что это за организация?

О. Объединение политических лидеров негритянского населения, поставивших себе целью увеличить число зарегистрированных негров избирателей и дать этим внушительное доказательство их силы на выборах: Комитет был создан как внепартийная организация и выдвинул на муниципальных выборах четыре кандидатуры. Я был кандидатом в члены городского управления, мой компаньон по адвокатской конторе и активный работник Республиканской партии Бен Хукс баллотировался на должность члена суда для малолетних, а два пастора негра были кандидатами в члены Отдела просвещения.

Мы не распустили нашей организации после местных выборов и через год обеспечили на «первичных» выборах кандидата от Демократической партии в Сенат США огромное количество голосов сенатору Эстесу Кефверу, имеющему хорошую репутацию в вопросе о гражданских правах и в других интересующих негров вопросах. Кефвер получил в нашем округе большинство в 10 000 голосов, чего никто не ожидал.

В. Собираетесь ли вы и в дальнейшем выдвигать свою кандидатуру на выборные должности?

О. Нет, не собираюсь, но другие негры будут баллотироваться. В августе 1960 года мемфисский банкир негр Джесси Тэрнер был избран в исполнительный комитет Демократической партии округа Шелби. Среди тридцати одного его члена теперь пять негров. В комитете Республиканской партии нашего округа из шестнадцати членов два негра. Из года в год мы наблюдаем аналогичное движение по всему Югу. В Атланте негр был совсем недавно избран в законодательное собрание штата Джорджия. В Нашвилле (Теннесси) в муниципальном совете заседают пять негров, в Ок-Ридже в нашем штате негры также входили в состав городского управления. В Северной Каролине и в Кентукки негры избирались на муниципальные должности. Кроме того, в Северной Каролине они состоят членами различных комитетов штата.

В. До сих пор мы говорили и о судебных процессах. Что можете вы сказать о методах, применявшихся неграми в обход закона с целью отмены сегрегации в закусочных универмагов в центре города. Я, конечно, имею в виду разные виды бойкота и сидячие забастовки, которыми широко пользовались в южных городах и которые привели к крупным переменам.

О. Сидячие демонстрации служили в нашем городе известного рода катализатором. Число участвовавших в них было больше, чем раньше в борьбе

В. Ваша жена была одна из арестованных за участие в демонстрации. Если не ошибаюсь, вы были ее защитником в суде?

О. Да, в городском суде. Ее арестовали вместе с несколькими дамами в ресторане универсального магазина Гербера. Несмотря на то, что они были постоянными клиентами магазина и пользовались там кредитом, дирекция отказалась обслуживать негров в ресторане. Их обвинили в нарушении закона и оштрафовали на 25 долларов. Я подал апелляционную жалобу в окружной суд, но проиграл дело.

В. Разделяет ли жена ваше увлечение политикой и ваше стремление улучшить положение негров?

О. Да, я посвятил ее в мои планы еще до женитьбы. Она из Южной Каролины и разделяла мои взгляды. Она тоже хотела вернуться в родные места, так что ей нетрудно было приспособиться к условиям жизни на Юге. Жена участвовала в моей первой предвыборной кампании, когда я выставил свою кандидатуру в члены городского управления. На мой взгляд, она добилась хороших результатов в работе с молодежью: в предвыборной кампании участвовало несколько сот юношей и девушек, которые раздавали пропагандный материал, помогали рассылать его по почте, уговаривали родителей регистрироваться и голосовать на выборах. Энтузиазм молодежи повышал интерес к предвыборной кампании и у взрослых. У нас теперь трое детей, моя жена работает учительницей, поэтому, конечно, не может по-

Шугармон дает совет о компенсации за полученное на производстве увечье.

за равноправие, за человеческое достоинство. Негры входили в аптекарские магазины и в универмаги, долготелными клиентами которых они были, и садились у стойки. Места за ней в Мемфисе, как и в других южных городах, предназначались по традиции только для белых. Сперва заведующие прекращали обслуживание под каким-нибудь благовидным предлогом, например, из-за «ремонта», а некоторые даже требовали ареста негров за нарушение общественного порядка. На поддержку демонстрантов мы выставляли перед магазинами пикеты. Пикетирующие носили плакаты, призывающие негров и сочувствующих им белых не покупать в этих магазинах до тех пор, пока каждому не будет обеспечена возможность пользоваться на равных основаниях всеми видами обслуживания. Через несколько месяцев все магазины фактически отменили сегрегацию.

Эти события, по-моему, сильно повлияли на образ мыслей многих в нашем городе и будут иметь положительные последствия. Молодые люди, принимавшие участие в таких мирных демонстрациях, года через два или три закончат свое образование, станут взрослыми, начнут работать и войдут в качестве деятельных участников в общественную жизнь города. Я уверен, что активная борьба за расширение прав негров будет занимать важное место в их мировоззрении и правилах поведения.

свящать много времени общественно-политической деятельности. Но все же она проявляет достаточную активность.

В. Расскажите, пожалуйста, про вашу семью.

О. Мои родители уроженцы штата Миссисипи. И мать и отец родились и выросли в небольших городах, и переехали в Мемфис года за два до моего рождения в 1929 году. Первые годы жизни моих родителей в Мемфисе проходили под знаком борьбы с экономическими трудностями периода большой депрессии. Отец избрал полем своей деятельности продажу недвижимого имущества и вот уже почти сорок лет работает маклером. Отец жены был учителем средней школы в Алабаме. Сейчас Моргановский университет штата Мериленд в Балтиморе, где он в настоящее время преподает, предоставил ему отпуск, и он работает в Нигерии при министре просвещения консультантом по составлению школьных учебных планов. Дети наши подрастают, и мы, естественно, больше интересуемся вопросами народного образования. Недавно, в декабре 1962 года, родилась дочка Эрика-Мария. Наш первенец Тарик-Брант родился в ноябре 1956 года, а дочка Елена-Декоста — в сентябре 1958 года.

В. Теперь, когда у вас довольно большая семья, ваше стремление к социальному равенству вероятно еще усиливается в связи с заботой о детях?

О. Конечно. Мой сынишка учится в первом классе школы Пибоди, в которой еще в прошлом году учились только белые дети. Теперь сегрегация в ней отменена, и, по-видимому, пока все обстоит благополучно. Мы с женой участвуем в заседаниях Комитета родителей и преподавателей, и поступление в эту школу негритянских детей не вызывает как будто никаких затруднений. Дед и бабушка прислали внуку из Нигерии фотографии африканских детей города Кадуна, а бабушка написала довольно подробное письмо об их занятиях и играх. Судя по всему, класс Тарика остался очень доволен, когда учитель прочел бабушкино письмо, и дети с интересом рассматривали присланные из Нигерии костюмы. По-моему, детей лучше воспитывать именно так, не затрагивая расовой проблемы и избегая изоляции в воспитании и обучении, которая характерна для школ с сегрегацией.

В. Не кажется ли вам, что мемфисские негры больше интересуются теперь международным положением?

О. Безусловно, в связи с возникновением независимых африканских государств и с той ролью, которую играют в Организации Объединенных Наций некоторые из африканских лидеров, многие негры, раньше довольно безразлично относившиеся к вопросам внешней политики, стали живее интересоваться иностранной политикой США. Они считают, что новые африканские государства повышают удельный вес негров и вообще небелых народов мира, и начинают солидаризироваться с их стремлениями.

В. Вы были одним из официальных представителей Президента Кеннеди на торжествах по случаю независимости Тринидада. Каковы ваши впечатления от Тринидада, как одного из этих новых государств?

О. Это интересный вопрос. В Тринидаде преобладают темнокожие. Негры и индейцы составляют главные элементы населения Тринидада. Там имеются также и европейцы, или, вернее, лица европейского происхождения, но доминирующие расовые или этнические группы — это негры и индейцы. Они судят о Соединенных Штатах отчасти по тому, в какой степени наша страна обеспечивает своим неграм то, что обещает, то есть не привилегии, а равноправие.

В. Как реагировали мемфисцы на ваше назначение представителем США на празднествах по случаю независимости Тринидада?

О. Большинство моих друзей было, конечно, очень радо этому назначению. Я уверен, что в их представлении оно связывалось с той ролью, которую у нас в Мемфисе играют негры избиратели, и с большой работой, проведенной нашим Демократическим клубом по привлечению негров к политической жизни в Мемфисе.

В. Вы работаете в целом ряде общественных и религиозных организаций Мемфиса. Как вы все это успеваете?

О. Большинство моих сотрудников по адвокатской конторе посвящает, как и я, около трети рабочего времени общественной работе. Я состою членом правления Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и вхожу в Теннессикий консультативный комитет Комиссии по гражданским правам. Я состою также в правлении Совета города Мемфиса и штата Теннесси по правам человека. Мы занимаемся общественной работой, потому что мы ею увлекаемся и она дает нам законное удовлетворение. Недавно, например, я по поручению губернатора принял участие в деятельности комитета, который разработал правила, гарантирующие равные права представителям всех рас при поступлении на службу в государственные учреждения штата.

В. В течение двух последних лет негры в Мемфисе добились очень многого,

но всего лишь в 110 километрах к югу от Мемфиса, в городе штата Миссисипи Оксфорде недавно вспыхнули беспорядки в связи с попыткой негра Джемса Мередита поступить в университет штата. Какую цель, по вашему мнению, преследовал Мередит?

О. Один из моих компаньонов, Уиллис, принимал в этом деле активное участие, представляя интересы Мередита, и я несколько раз с ним встречался. Я не могу говорить от лица Мередита, но мне кажется, что он хотел не только завершить свое образование в своем родном штате как студент, а не как негр, но и показать вместе с тем другим неграм, что они могут и должны пользоваться всеми возможностями, предоставляемыми штатом. Он думал, что если население Миссисипи сумеет как-то примириться с его поступлением в университет, то все пройдет более или менее благополучно. Большинство из нас не разделяло его оптимистической точки зрения. Он подал заявление о приеме в университет, ему было отказано, и он начал добиваться своей цели судебным порядком. Суд потребовал его принятия в университет, но администрация штата отказалась подчиниться решению суда, после чего начались беспорядки с кровопролитием. Поскольку штат не сумел оградить прав Мередита, как гражданина, Президент США принял энергичные меры и направил в Оксфорд части национальной гвардии, чтобы обеспечить безопасность и законные права Мередита и дать ему возможность поступить в университет и посещать лекции. С тех пор еще один негр — Клив Макдауэлл — поступил в университет штата Миссисипи, и это прошло без всяких инцидентов. Так что в данном отношении положение заметно улучшилось.

В. Кто, по вашему мнению, может разрешить расовый вопрос: исполнительная власть Федерального правительства или же Конгресс?

О. И Конгресс и исполнительная власть, я полагаю, могут обеспечить решение вопроса, и внесенные недавно Президентом Кеннеди в Конгресс законодательные предположения должны будут оказать такое влияние. Но разрешить его придется на местах. Чтобы найти окончательное решение, прежде всего необходимо обеспечить право голосования в атмосфере, свободной от запугивания — начиная с лишения работы и кончая иногда даже применением насилия. По-моему, Федеральное правительство может принять меры против такого запугивания, но разрешить проблему должны сами жители штата Миссисипи. А это окажется возможным лишь тогда, когда негры станут играть значительную роль в политической жизни штата. Для этого регистрация и подача голосов без страха и опасений должна быть обеспечена негру, так же, как и белому.

В. Как вы думаете, что ожидает негров американского Юга, в частности, Мемфиса, в будущем?

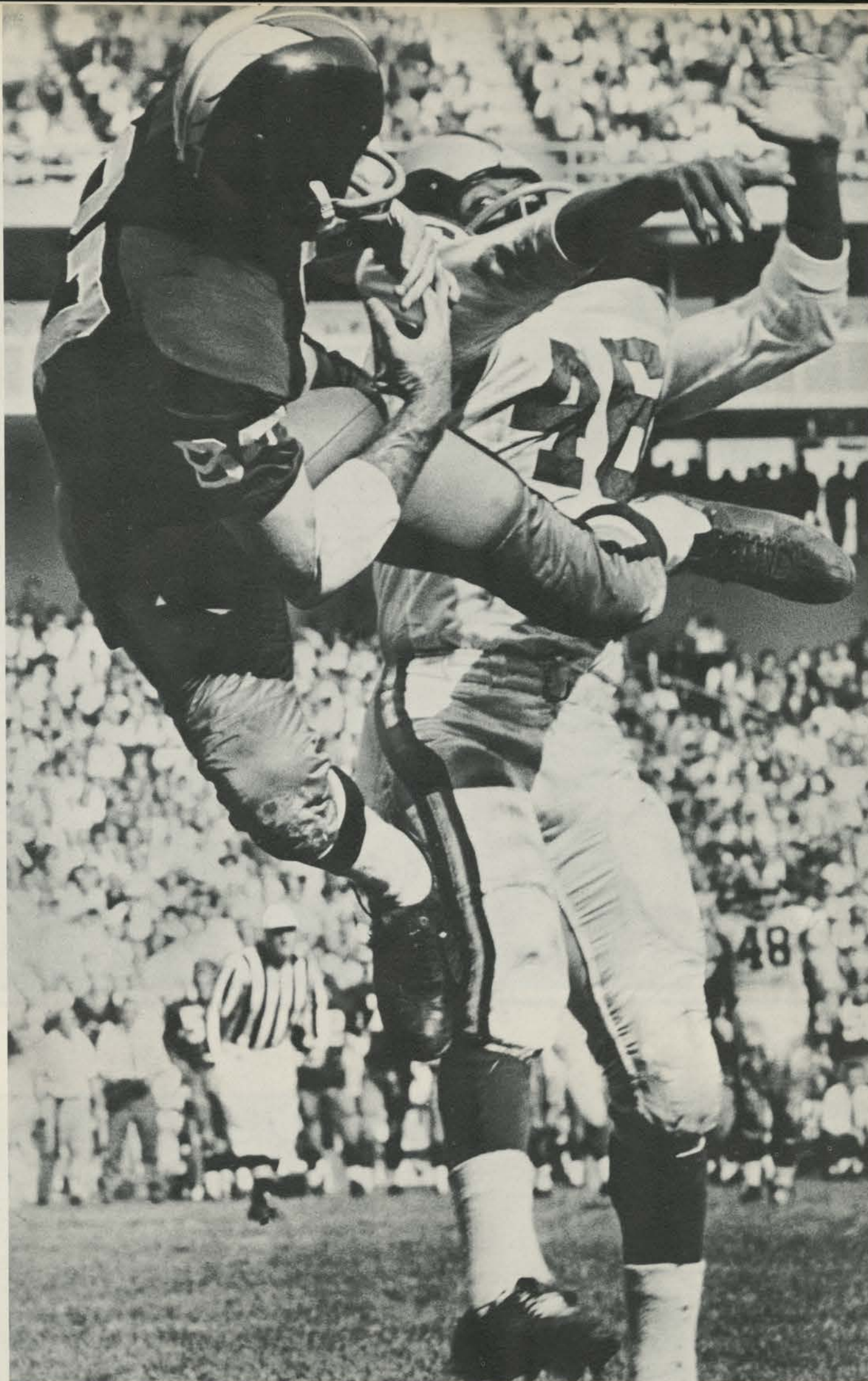
О. Министерство юстиции, возглавляемое Робертом Кеннеди, старается принудить Юг двигаться по пути прогресса. Темпы движения негров по этому пути ускоряются. Мы располагаем внушительными статистическими данными об увеличении численности негров избирателей во многих районах, хотя регистрация негров по постановлениям суда — чрезвычайно затяжной и дорогостоящий процесс. А самое главное, по-моему, это осуществление избирательных прав.

Что же касается моего родного Мемфиса, то, представляется мне, у нас все больше и больше негров чувствует себя независимыми, полноценными гражданами, способными принимать решения, основанные на собственном опыте. То же самое относится, по моему мнению, и к негритянским лидерам на всем Юге. Долгие годы, которые многие считали годами хороших взаимоотношений между расами, негритянские лидеры фактически лишь разъясняли неграм задачи, поставленные перед ними. Задачи эти часто диктовались не потребностями негритянского населения, а представлениями видных белых граждан-либералов о том, что, по их мнению, нужно неграм.

За последние годы, кажется мне, негры стали проводить в жизнь мероприятия, разрабатываемые и осуществляемые ими самими. Поэтому значение диалога между расами возросло, в нем стали выявляться точки зрения и идеи самих негров. Теперь мы едем по дороге с движением в двух направлениях, а не по улице, ведущей только от белых к черным. Думается, что с началом такого обмена, подлинного обмена мнениями, можно оптимистически смотреть на возможности осуществления желаний и стремлений негритянского населения. Я придаю немаловажное значение численному соотношению обеих рас. У нас около 40 процентов жителей негры. Надо же когда-нибудь озаботиться о включении в поступательное движение коллектива такого крупного сектора населения. Более полное использование человеческих ресурсов данного района необходимо не только по моральным соображениям, но и потому, что оно является залогом экономического роста. Лучшее образование и более широкое участие в различных областях американской жизни должны оказать благотворное влияние на стремления негров. Итак, мы, можно сказать, вышли в поход. Чем он окончится — пока еще сказать трудно, но совершенно ясно одно: нам предстоит дальний путь, и мы достигнем многого.

После рабочего дня в семейном кругу. У супругов Шугармон трое детей.

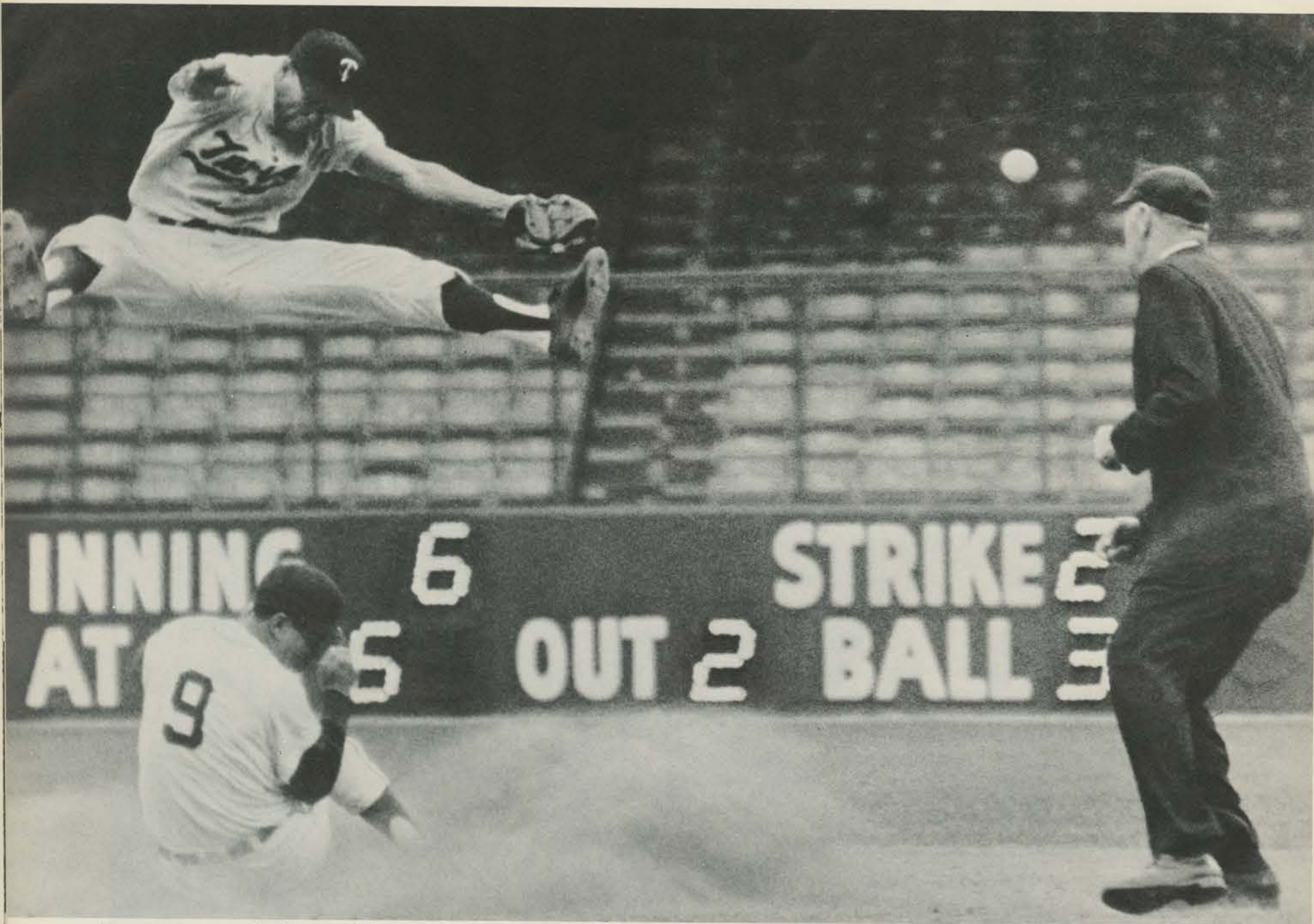

С быстротой молнии футболист поймал мяч. Его захватывающий дух бросок принес успех вашингтонской команде «Краснокожих».

В СПОРТЕ ВСЯКОЕ БЫВАЕТ

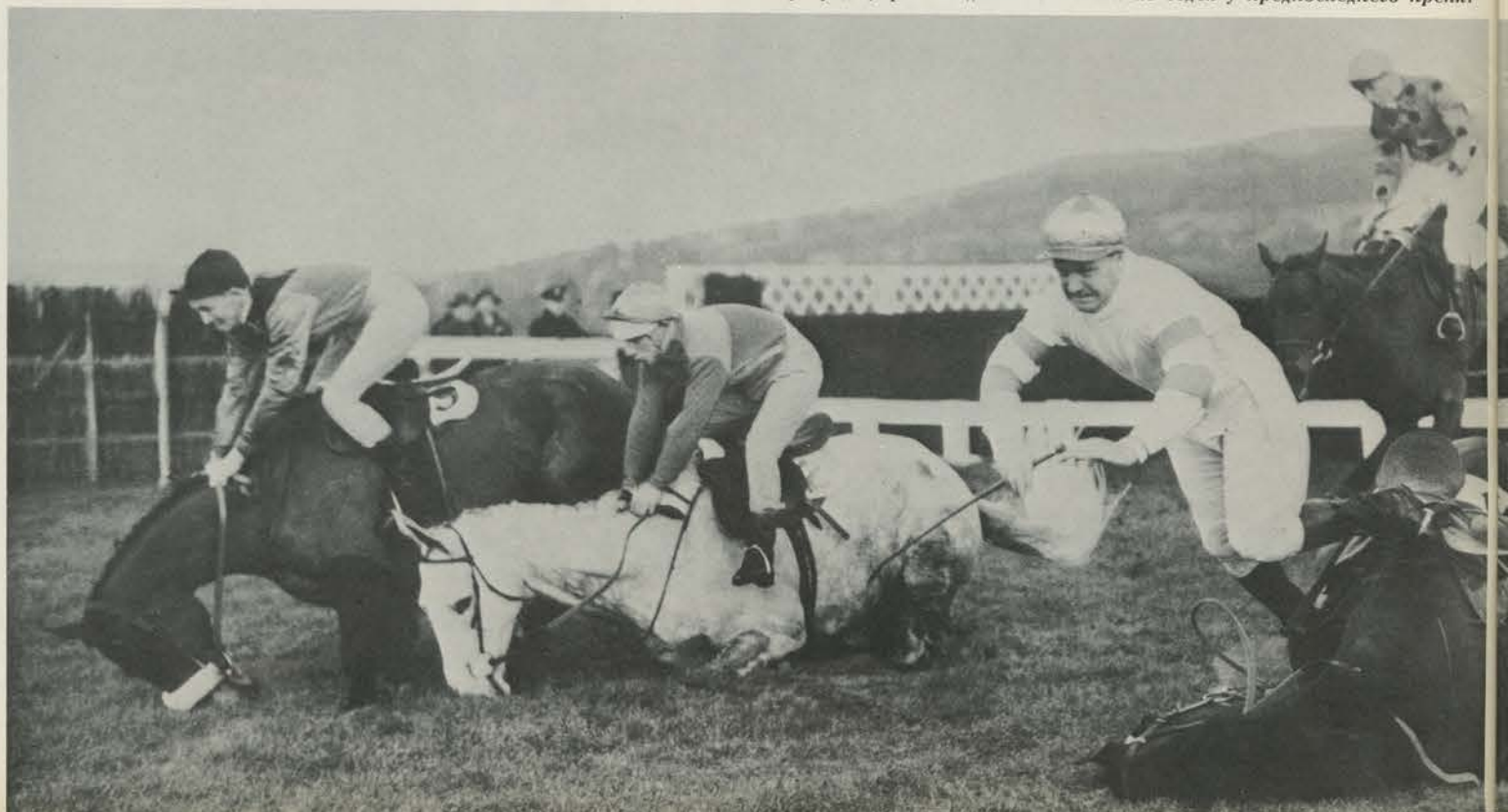
С разрешения журнала *Лук*

Умение появляться в нужном месте в нужное время — вот основное качество фотографа. В этом отношении его можно сравнить с футболистом (фото сверху), ловко принявшим посланный ему мяч. Здесь показаны шесть наиболее удачных работ, премированных на ежегодно устраиваемом журналом «Лук» конкурсе спортивных фотографов.

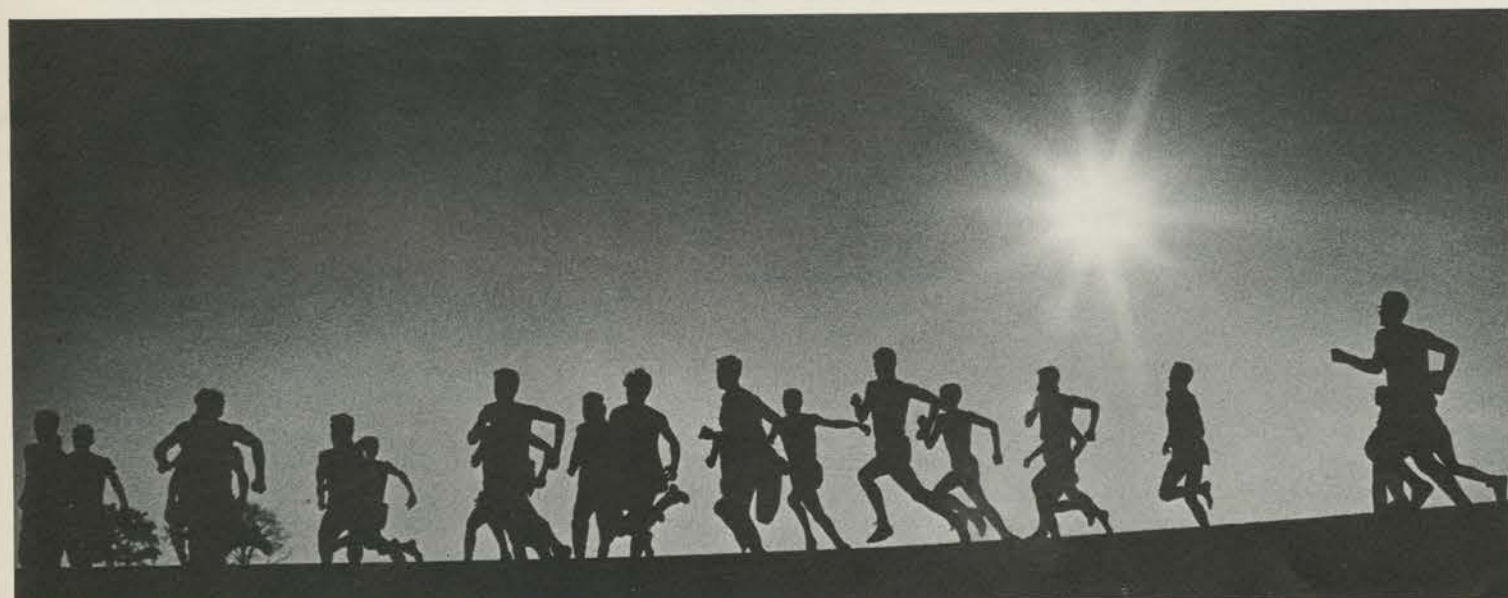
Кто это, танцор ансамбля Моисеева? Нет, это бейсболист миннесотской команды в прыжке хватает мяч, а тем временем игрок противника успевает прошмыгнуть под ним.

Преувеличения судьбы подстерегают и конников: блестяще преодолев все преграды, три наездника вылетели из седел у предпоследнего препят-

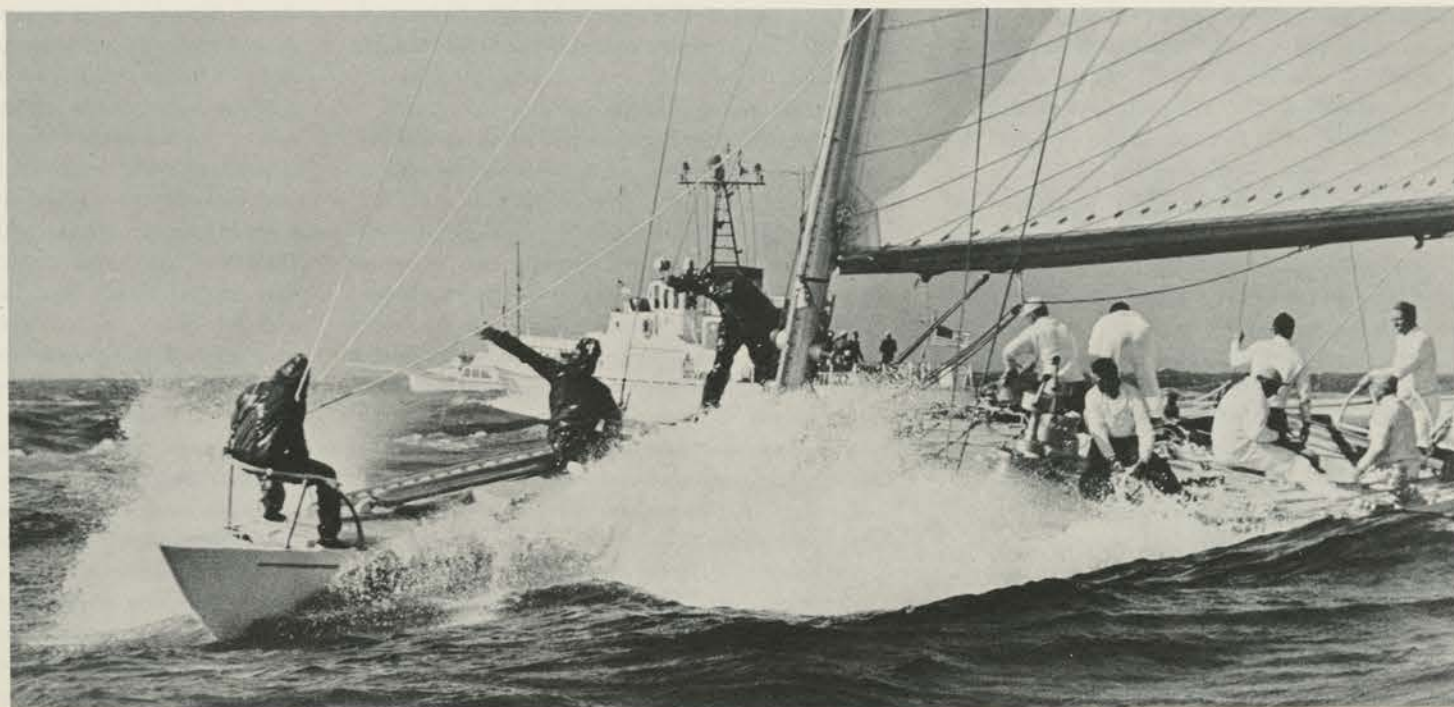

В ожидании удачного клева застыли — кто в лодке, кто на берегу — калифорнийские мастера удилища и крючка. Теперь остановка только за рыбой.

Навстрегу пальцему солнцу мчатся участники висконсинского кросса. Для них наступил решающий момент: там, за бугорком, — линия финиша.

ствия — подвели лошади.

Дружно работает команда австралийской яхты «Гретель», однако и на этот раз заветный кубок остался у яхтсменов США с «Уэдерли».

«Безмолвной весны»

ДЖЕФФ СТАНСБЕРИ

Книга Рэйчел Л. Карсон «Безмолвная весна» увидела свет 27 сентября 1962 года и немедленно вызвала тревогу в некоторых правительственных кругах и в связанных с земледелием отраслях химической промышленности. Тщательно подготовленная, проникнутая гневом и грустью книга быстро стала «бестселлером».

«Безмолвная весна» открывается аллегорическим вступлением. В нем описывается ландшафт недалекого будущего. Это мир кошмара, в котором не слышно жужжания пчел, в котором нет зеленеющих полей, нет рыбы в отравленных водоемах. Что же опустошило эту местность? Не саранча и не моровая язва — ее опустошили химические средства борьбы с вредителями. Рисуя такую безотрадную картину, автор хочет предостеречь человечество от тех горьких последствий, которые оно может навлечь на себя из-за непонимания законов экологии.

С того дня, как человек бросил в землю первые семена, он стал бесцеремонно преобразовывать природу, нарушая в свою пользу ее равновесие и все больше и больше подчиняя ее себе. За последние двадцать лет воздействие на природу со стороны человека стало еще эффективнее. Американские ученые, фермеры, лесопромышленники и работники Министерства земледелия, выступая единым фронтом на борьбу с организмами, вредящими здоровью человека и сельскому хозяйству, добились повышения урожайности, и без того высокой благодаря передовой технической оснащенности сельского хозяйства. Выход основных продуктов питания настолько превысил спрос, что снимаемый с каждого пятого гектара урожай теперь идет на экспорт или на создание запасов.

Хотя инсектициды и другие химические вещества принесли человеку огромную пользу, однако их применение ведет к некоторым вызывающим беспокойство результатам. Менее тревожным из них представляется появление иммунитета у организмов, подвергающихся действию химикатов. Так например, домашняя муха совершенно перестала реагировать на ДДТ. Поэтому биохимики вынуждены теперь создавать новые инсектициды быстрее, чем насекомые успевают вырабатывать к ним иммунитет.

Более зловещим нельзя не признать отравление в ряде местностей полезных представителей животного и растительного мира. Так, в результате применения ДДТ сотрудниками университета штата Мичиган против жучка, поражающего голландский вяз, погибло больше американских дроздов, чем самих вредных насекомых. Другой пример: когда крупноплодной клюкве, разводимой в болотистых низинах полуострова Кейп-Код, стал угрожать в период ее цветения вредитель, все растущие в районе кустарниковые дубы и сосны были вырублены, и клюква подверглась опрыскиванию инсектицидами с низко летающих самолетов. Ягода была спасена, однако лягушки, угри и форели поплатились за это жизнью.

Но самая скрытая, самая неувидимая опасность

от инсектицидов и фунгицидов заключается в накоплении их в почве и воде, что влечет за собой отравление организмов, необходимых для сохранения плодородия почвы. Согласно Рэйчел Карсон, химические яды просачиваются в подземные водоемы и многими годами позже выходят в реки и эстуарии, отравляя их фауну, а вместе с ней и тех, кто ею питается, до человека включительно. Проникшие в почву ядовитые растворы попадают в организм земляных червей, которые отравляют поедающих их землероек, кротов и дроздов, а те в свою очередь — ястребов и сов.

Проследить ход такой цепной реакции и выявить вредных и полезных представителей животного мира — задача поистине грандиозная. Разберем одну довольно простую экологическую систему, в которой главную роль играют личинки ночной бабочки *Hyalophora cecropia*, пожирающие листву дерева и следовательно являющиеся его врагом. Вместе с ними, однако, на том же дереве паразитируют шесть других видов насекомых, личинки которых усиленно охотятся друг за другом, а два вида из шести нападают на «хиалофору», но в свою очередь имеют трех врагов. Тут же обитает весьма многоликий жучок *Pleurotropis*. Уничтожая паразитов, пожирающих врагов личинок бабочки, он как будто является другом дерева. Но нападая одновременно на личинок, уничтожающих одного из врагов «хиалофоры», он сам становится вредителем. Возникает вопрос: друг ли *Pleurotropis* дереву или враг?

Этот несколько запутанный и вместе с тем чрезвычайно показательный пример экологической системы заставляет задуматься о главной опасности, кроющейся в инсектицидах. Даже при высшей степени точном и осторожном применении, совершенно невозможно предугадать их конечное воздействие на животный и растительный мир. Пострадают ли только враги растений или вместе с ними и друзья? Не вредны ли те, кого мы считаем полезными?

Вопрос в значительной мере осложняется отсутствием строгой последовательности в применении инсектицидов. Долгое время преобладал метод насыщенной обработки участков химическими веществами с целью полного истребления вредителей. Общественность относилась к вопросу безразлично, поскольку была плохо о нем осведомлена. Время от времени проблема отравления инсектицидами заострялась на периферии, среди полей и лесов, но на городских рынках она не возникала и к рождественским индейкам как будто отношения не имела.

Сегодня такое благодушное настроение начинает исчезать. «Безмолвная весна» сильно помогла многим читателям понять значение существующего в природе равновесия, которое так легко может быть нарушено из-за исчезновения хотя бы одного из видов. Теперь американские фермеры знают, что, обильно поливая инсектицидами прожорливого японского жука (как это

делалось на Среднем Западе), они могут уничтожить дроздов, жаворонков и фазанов. Они знают, что нет инсектицидов, поражающих только тех, против кого они направлены.

Как и все негодующие поборники той или иной идеи, Рэйчел Карсон склонна освещать вопрос несколько односторонне. «Безмолвная весна», написанная с не меньшим мастерством, чем другой известный труд автора «Море вокруг нас» (см. «Америка» №№ 19, 20, 21), изобилует фактами и производит сильнейшее впечатление. Хотя автор явно преувеличивает, его преувеличения опираются на строго проверенные данные, ибо Рэйчел Карсон не только блестящая писательница и отличный биолог, но и пылкий, исключительно добросовестный исследователь.

«Еще ребенком я мечтала стать писательницей», — говорит Рэйчел Карсон. — С биологией я впервые столкнулась только на втором курсе колледжа. Она настолько увлекла меня, что вскоре передо мной возникла дилемма: какую избрать карьеру — научную или писательскую? Возможность соединить обе мне тогда не приходила в голову. И лишь постепенно начала я понимать, что биология даст мне богатый материал для писательской деятельности».

С тех пор как двадцать пять веков тому назад прозвучала первая неремнида Ветхого Завета, громовые гиперболы, основанные на скромных ростках истины, нередко служили оружием острого социального протеста. Таким приемом широко пользуются некоторые американские публицисты, писатели и мастера политической карикатуры. В славных рядах этих гневных ратоборцев нашла себе место и Рэйчел Карсон. В 1902 году один из ее предшественников, доктор Харви У. Уайли, пригласил в подвальное помещение Бюро химических исследований группу совершенно здоровых молодых людей и попотчевал их точно отмеренными дозами формалина, борной кислоты и других химикатов, применявшихся в то время для консервирования пищевых продуктов. Молодые добровольцы отделались легким расстройством желудка, мясоконсервная промышленность пришла в ярость, а широкая общественность с возмущением узнала о злоупотреблениях консервирующими веществами. Тремя годами позже появился роман язвительного Эптона Синклера «Джунгли», разоблачающий положение на чикагских бойнях. Слегка мелодраматичный роман произвел такой шум и вызвал столько толков, что 30 июня 1908 года Президент Теодор Рузвельт подписал первый из целого ряда законов, контролирующих производство продуктов питания и медикаментов.

Американцы неизменно пользовались — пользуются и теперь — правом критиковать правительство. В некоторых случаях, как это было с д-ром Уайли и Эптоном Синклером, критика оказывается настолько эффективной и вызывает такое возмущение в обществе, что законодатели поспешно принимают новые законы, а фабриканты вводят улучшенные способы производства.

ПЕВЕЦ ЗА ПИСЬМЕННЫМ СТОЛОМ

«Безмолвная весна» встревожила общественность во многих частях страны, и хотя Рэйчел Карсон отрицает, что намеренно выступила походом против инсектицидов, она, по-видимому, весьма довольна ходом событий. «Очень легко уверовать в то, что кто-то другой отвечает за все происходящее, — говорит она. — Поэтому люди считают, что, будь инсектициды опасны, их запретили бы. Но это не совсем верно. Целиком полагаться на так называемых ответственных лиц недостаточно. Каждый из нас обязан проникнуться чувством личной ответственности».

Проявив в своей книге это чувство личной ответственности, Рэйчел Карсон переполошила прошлой осенью всю страну. «Безмолвная весна» раскупалась нарасхват со дня выхода из печати. В первые же две недели появились отзывы о ней в семидесяти газетах и тридцати пяти журналах, а вскоре на нее пал выбор «Клуба лучшей книги месяца». В редакцию журнала, печатавшего отдельные главы из книги, посыпались письма, из которых явствовало, что подавляющее большинство рядовых читателей разделяло взгляды писательницы. Сотни людей писали в редакции местных газет, требуя немедленно ограничить применение химикалий.

Представители химической промышленности, по которым «Безмолвная весна» была в первую очередь, реагировали с понятным негодованием и отвечали либо непосредственно, либо через свои профессиональные организации. Д-р Эдгар М. Адамс, заместитель директора биохимических лабораторий «Доу кемикал компани», заявил: «Мисс Карсон, видимо, тщательно собрала полную коллекцию несчастных случаев, злоупотреблений, недоразумений и нерешенных вопросов в области применения химических средств и преподнесла все это так, чтобы встревожить и напугать публику. Те времена, когда подобный подход мог сыграть положительную роль, давно миновали». Национальная ассоциация производителей сельскохозяйственных химикалий сочла необходимым подчеркнуть, что здоровье населения в полной мере оберегается законами о применении химических веществ и что продукция предприятий инспектируется органами Конгресса США, Службой здравоохранения, Национальной Академией наук и во многих штатах — состоящими при губернаторах комитетами. Главный администратор ассоциации Парк К. Бринкли отметил, что «любой вред, причиняемый инсектицидами, с лихвой возмещается пользой, которую они приносят».

С десятков представителей химической промышленности выступили в печати, опровергая по пунктам доводы писательницы, а один из них опубликовал статью под заголовком «Год опустошений», где в пику Рэйчел Карсон нарисовал не менее мрачную картину жизни без инсектицидов. Подобную, хотя менее агрессивную позицию занял Буфале Джонс, председатель Комитета по инсектицидам при Федеральном научно-техническом совете. Он заявил в интервью, что «достигнутая полная ликвидация малярии была бы невозможна без инсектицидов». Он признал, однако, что книга Рэйчел Карсон не даром настоятельно рекомендована американцами: возглавляемый Джонсом комитет был создан как раз во время печатания в журнале отдельных глав «Безмолвной весны».

Министерство земледелия США и Управление по контролю пищевых продуктов и медикаментов хранили молчание во время бурной полемики, касавшейся в основном подведомственной им области. Хотя один из представителей Министерства земледелия выступил с заявлением, что поднятие урожая 1962 года методами, принятыми в 1940 году, обошлось бы стране на 15 миллиар-

дов долларов дороже, однако его статистические выкладки не были прямым нападением на книгу Карсон. Молчание со стороны большинства ведомств, занимающихся вопросами здравоохранения, земледелия и охраны природы, указывало на то, что «Безмолвная весна» положила начало тщательному обследованию поднятого вопроса. Той же осенью на одной из пресс-конференций Президент Кеннеди заявил, что правительство находит необходимым изучение вопроса о влиянии инсектицидов на будущее, «в особенности, конечно, после появления книги мисс Карсон».

В мае текущего года Совет научных консультантов при Президенте, изучив поднятые Рэйчел Карсон вопросы, выступил в своем докладе на защиту инсектицидов. Признавая эффективность химических веществ в деле охраны пищевых ресурсов страны, Совет рекомендует устранить опасности их применения путем дальнейших исследований и просветительных мероприятий.

В научных и литературных журналах появились статьи нескольких ученых, почти единогласно пришедших к заключению о крайней односторонности автора обсуждаемой книги. Под влиянием этих отзывов некоторые сочли книгу не заслуживающей внимания, но многие горячо выступили на ее защиту, указывая, что только таким обвинительным актом, как «Безмолвная весна», можно пробудить общественное мнение. «Эту книгу должен прочесть каждый американец, который не хочет, чтобы она стала в недалеком будущем надгробной надписью всего мира», — сказал известный антрополог Лорен Айсли. Роберт Ч. Коуэн, редактор отдела естественных наук газеты «Крисчен сайенс монитор», писал: «Рэйчел Карсон безусловно затронула актуальную проблему. Чтобы заострить на ней внимание, писательнице, разумеется, пришлось усиленно бить в набат».

В «Безмолвной весне» есть много важных, не поддающихся опровержению сторон. Она основана на четырех годах исследовательской работы, и документация ее весьма солидна. И даже если автор аргументирует слегка мелодраматично, он не впадает в крайности. «Я не призываю к полному отказу, раз и навсегда, от умеренных форм химической борьбы с вредителями, — пишет Рэйчел Карсон. — Я добиваюсь одного: мы должны свести применение химикалий к минимуму и по возможности скорее разработать и усилить биологический контроль. Общественность должна знать о том риске, с которым сопряжено применение химикалий. В конце концов, ей принадлежит последнее слово в отношении дальнейшей судьбы инсектицидов, поэтому она должна знать все факты».

Прежде чем методы биологического контроля смогут заменить или сократить применение инсектицидов, эти методы должны быть тщательно изучены. «Безмолвная весна» освещает исходные проблемы, связанные с таким изучением. Проблемы эти глубоки, противоречивы, вызывают раздражение и споры. Это неплохо. «Пришло время, когда каждый рядовой гражданин должен получить возможность объективно разбираться в тех методах, которыми человек пытается преобразовать окружающую среду, — пишет обозреватель журнала «Сайентифик американ». — Будучи экологом, я рад, что эта вызвавшая столько толков книга увидела свет».

В «Безмолвной весне» Рэйчел Карсон приводит слова американского эссеиста Э. Б. Уайта, в которых она увидела оправдание своей книги и серьезное предостережение нынешнему и будущему поколениям: «Я смотрю на человеческий род пессимистически, ибо его изобретательность не сулит ничего хорошего».

Достаточно взглянуть на Роберта Оливера, на его энергичные черты лица, на элегантный, слегка консервативный костюм, чтобы сразу определить в нем ответственного работника. Так оно и есть: в свои сорок лет Оливер возглавляет отдел бухгалтерского учета в фирме «Кепнер-Трего ассошиэйтс» в Принстоне (Нью-Джерси). Но зато голос Оливера не соответствует его должности: он обладает изумительным вагнеровским басом, сочным, бархатным, редкой глубины и тембра. Голос этого администратора столь необычен, что Игорь Стравинский, услышав его, включил в свое произведение вокальную партию особо низкого регистра и попросил Оливера исполнить ее.

В 1958 году Оливер выступил на Международном фестивале современной музыки в Венеции. Произведение Стравинского «Threni, id est Lamentationes Jeremiae Prophetae» («Погребальная песнь, или плач пророка Иеремии») — сложное сочинение для шести вокальных солистов, хора и симфонического оркестра — рассчитано на 33 минуты. Особо трудна партия баса, диапазон которой простирается от си-бемоля средней октавы до нижнего ми-бемоля. В «Плаче Иеремии» ведущая роль принадлежит тенору, но, как вспоминает проводивший репетиции хора дирижер Роберт Крафт, в Венеции все лавры достались Оливеру. Уже несколько лет в продаже имеется грамзапись «Плача» в этом исполнении, и любители музыки сами могут вынести суждение о поразительном пении Оливера.

Оливер родился и вырос на пенсильванской ферме. Высшее образование он получил в Бивер-Фоллс (Пенсильвания), где выступал в хоре. Именно тогда Оливер впервые почувствовал, что у него «неплохой голос». Но он не развивал своего дара, если не считать кратковременных занятий в нью-йоркской музыкальной школе имени Джульярда, которую он посещал сразу после демобилизации по окончании Второй мировой войны. Вместо того, Оливер решил пробить себе дорогу в деловом мире.

Значительно позже он просто для своего удовольствия стал выступать в Лос-Анжелесе в хоре Роджера Вагнера. Там его услышал известный преподаватель пения Юго Стрелицер и тут же решил сделать все возможное, чтобы отшлифовать этот мощный голос.

Вначале, вспоминает Стрелицер, Оливер пел «неравномерно — то прекрасно и плавно, то чересчур резко. Чтобы в полной мере выявить свои вокальные качества, ему нужно было развивать дыхание, добиваться обертонов и резонанса „в маске“. Оливер много работал и достиг великолепных результатов».

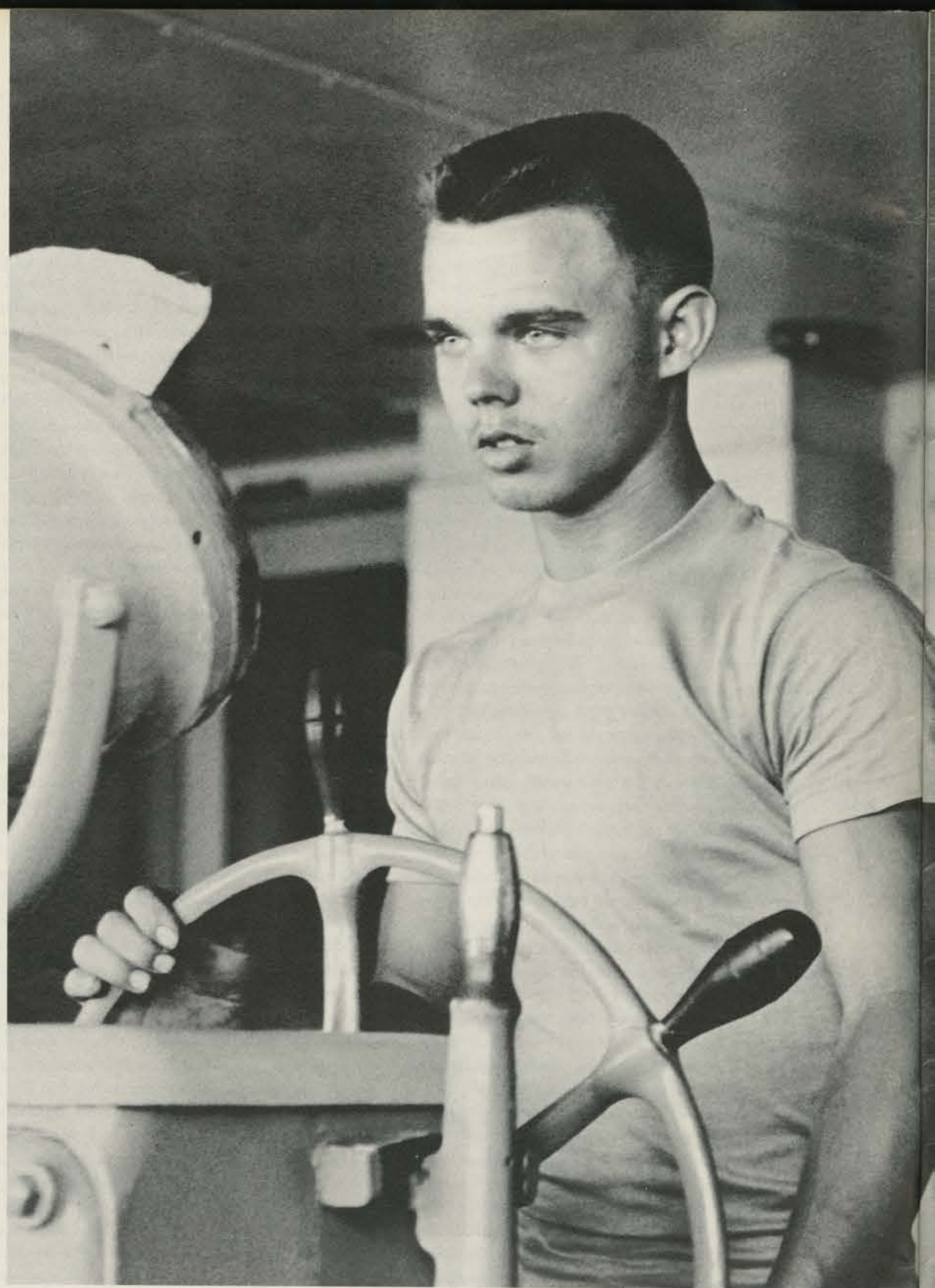
Первым успехом был «Плач Иеремии». Затем Оливер исполнил четыре арии Моцарта с симфоническим оркестром Санта-Моники, выступал на открытой сцене в Голливуде в роли Цуниги в опере «Кармен». Разучивая басовые партии всех вагнеровских опер, он брал у Стрелицера пять уроков в неделю, а теперь продолжает заниматься в Бруклинской музыкальной школе. Посвящая много времени музыке, Оливер все же не собирается стать профессиональным певцом, но, с другой стороны, он знает, что обычно бас достигает расцвета годам к сорока пяти, и такая перспектива порой заставляет его подумывать о вокальной карьере. «Когда чувствуешь, что захватил внимание всего зала, трудно избежать искушения стать певцом», — говорит Оливер. ▀

Авт. права: изд-ва «Тайм».

С ФЕРМЫ НА КОРАБЛЬ

Фото БИЛЛА ЭППРИДЖА

С РАЗРЕШЕНИЯ ЖУРНАЛА *Лайф*

Первые уроки: под зорким глазом боцмана молодой матрос учится завязывать морской узел.

Работа для новичка: Нобле снимает старый слой краски; красить ему пока еще не доверяют.

Ответственный момент: глаза устремлены вдаль, руки впервые легли на штурвал.

В Луизиане, на молочной ферме около небольшого городка Амит, работал семнадцатилетний паренек. Надоело ему доить коров да плугом бороздить поле. Все мечталось о кораблях и о синих океанских просторах. Сколько ребят до него уже покинули фермы и ушли в плаванье! И вот Дж. П. Ноблс-младший — а в семейном кругу просто «Младшенький» — решил попытать счастья. В один прекрасный день он отправился в Новый Орлеан. Здесь его записали в Международный союз моряков и послали на «Дель Монте» — морское дизельное судно, направлявшееся в Бразилию.

Взойдя на палубу корабля, Ноблс натолкнулся прямо на Джемса Вуда — сухопарого боцмана, который славился своим умением делать из сельских увальней настоящих матросов. Оглядев парня, боцман сказал: «Мы отваливаем через час. Выбирай: дом или корабль?» — «Корабль», — пролепетал юноша. Так «Младшенький» фермерской семьи стал младшим матросом.

Тоска: в такую погоду морская служба совсем не романтична.

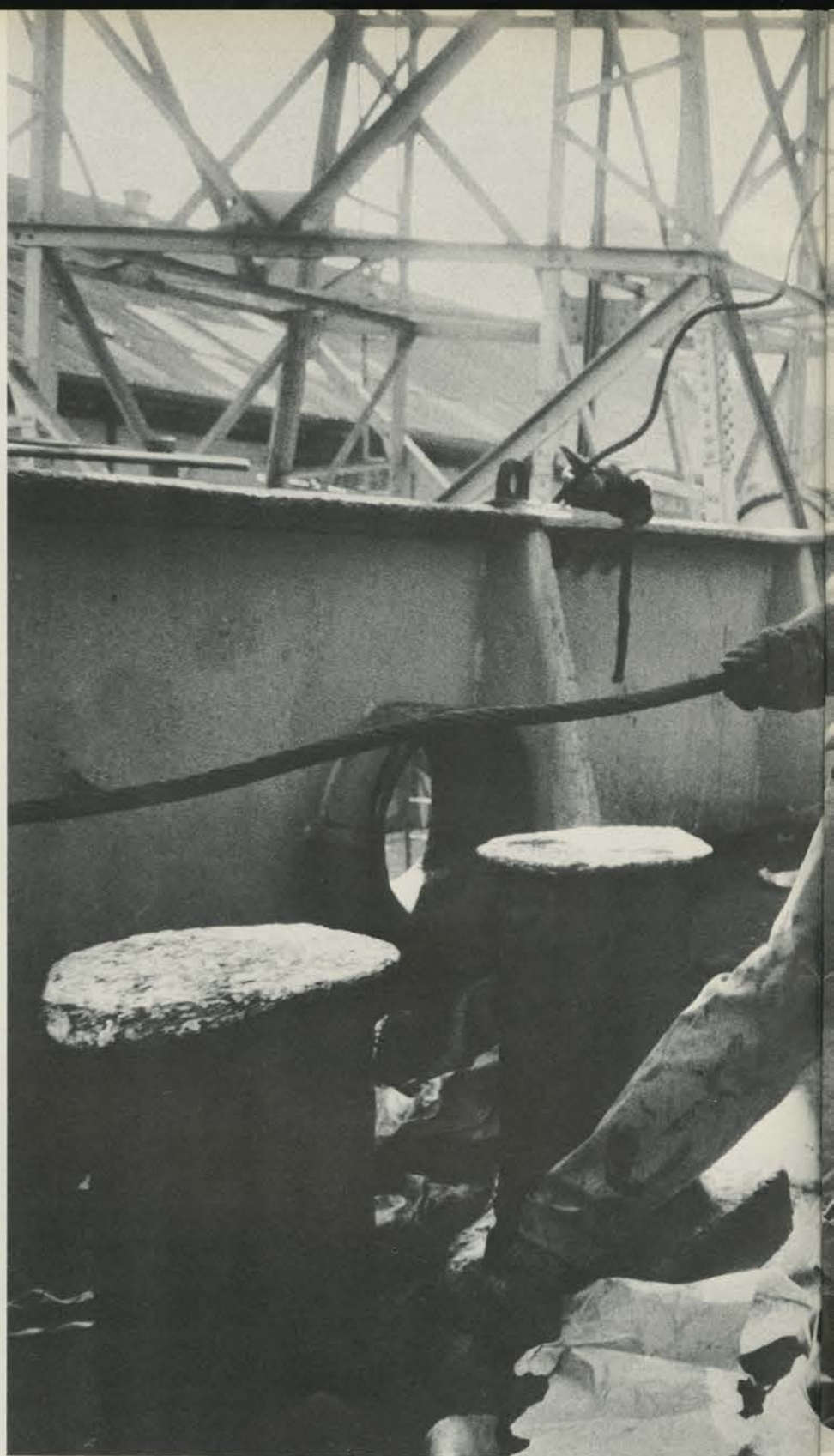

Акробаты в открытом море: в ясный солнечный день Ноблс вместе с другими матросами надраивает грузовые стрелы.

СТАНЕШЬ МАТРОСОМ — УЗНАЕШЬ МНОГО НОВОГО

«В первые дни я просто не знал, с какого конца начинать, — рассказывает Ноблс, — и всегда ждал приказаний боцмана». Немало пришлось поработать «Младшенькому», прежде чем он постиг искусство матроса. Во время плавания Ноблс познакомился ближе с членами команды — с толстяком машинистом, которого все называли просто «Шариком», со «Шведом», плававшим еще на парусных шхунах, с болтливым «Крокодилом», чьим рассказам никто не верил. Но скоро Ноблс и сам научился рассказывать небылицы.

На руке новопеченного моряка появляется первая татуировка: «Мама».

С этим обладателем татуировки Ноблсу тягаться, пожалуй, невозможно.

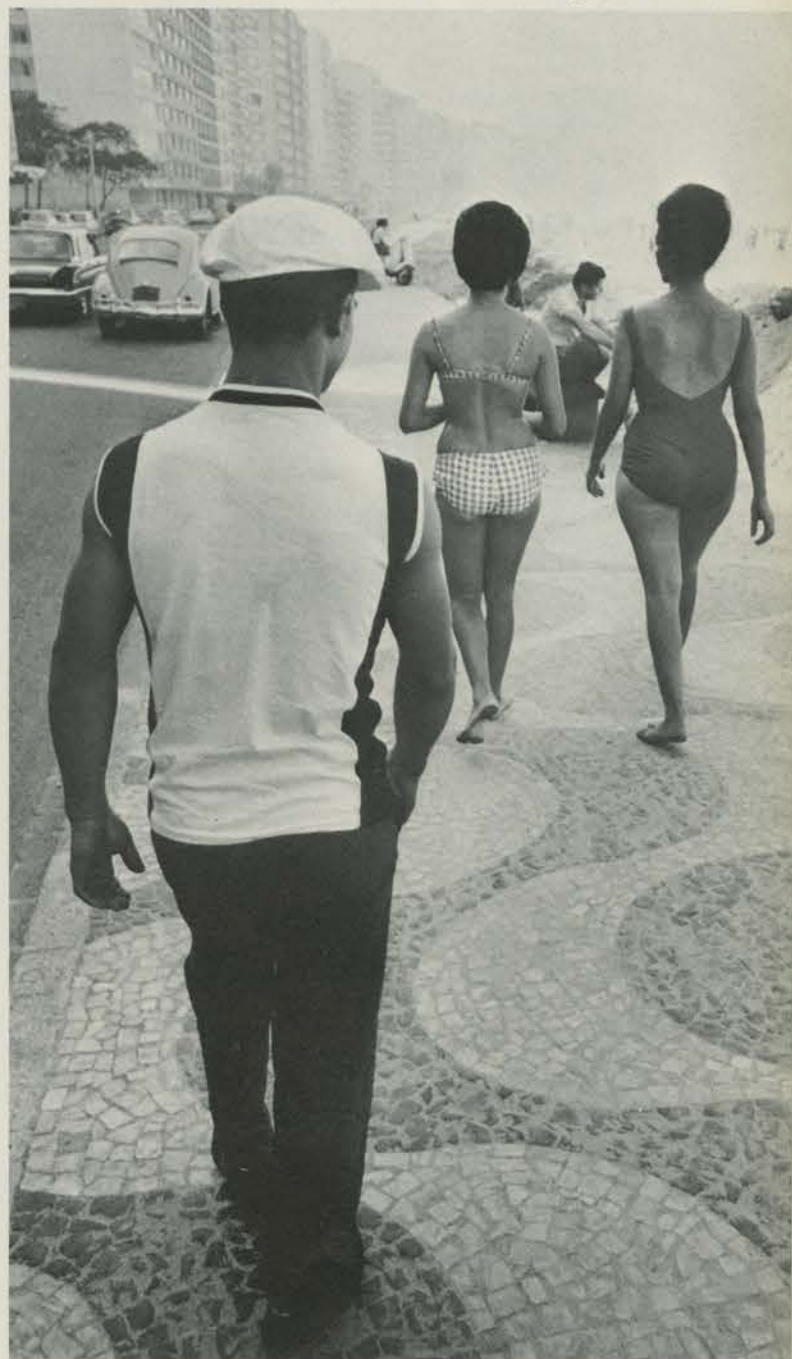

Со временем даже гроза моряков, всемогущий боцман, становится другом.

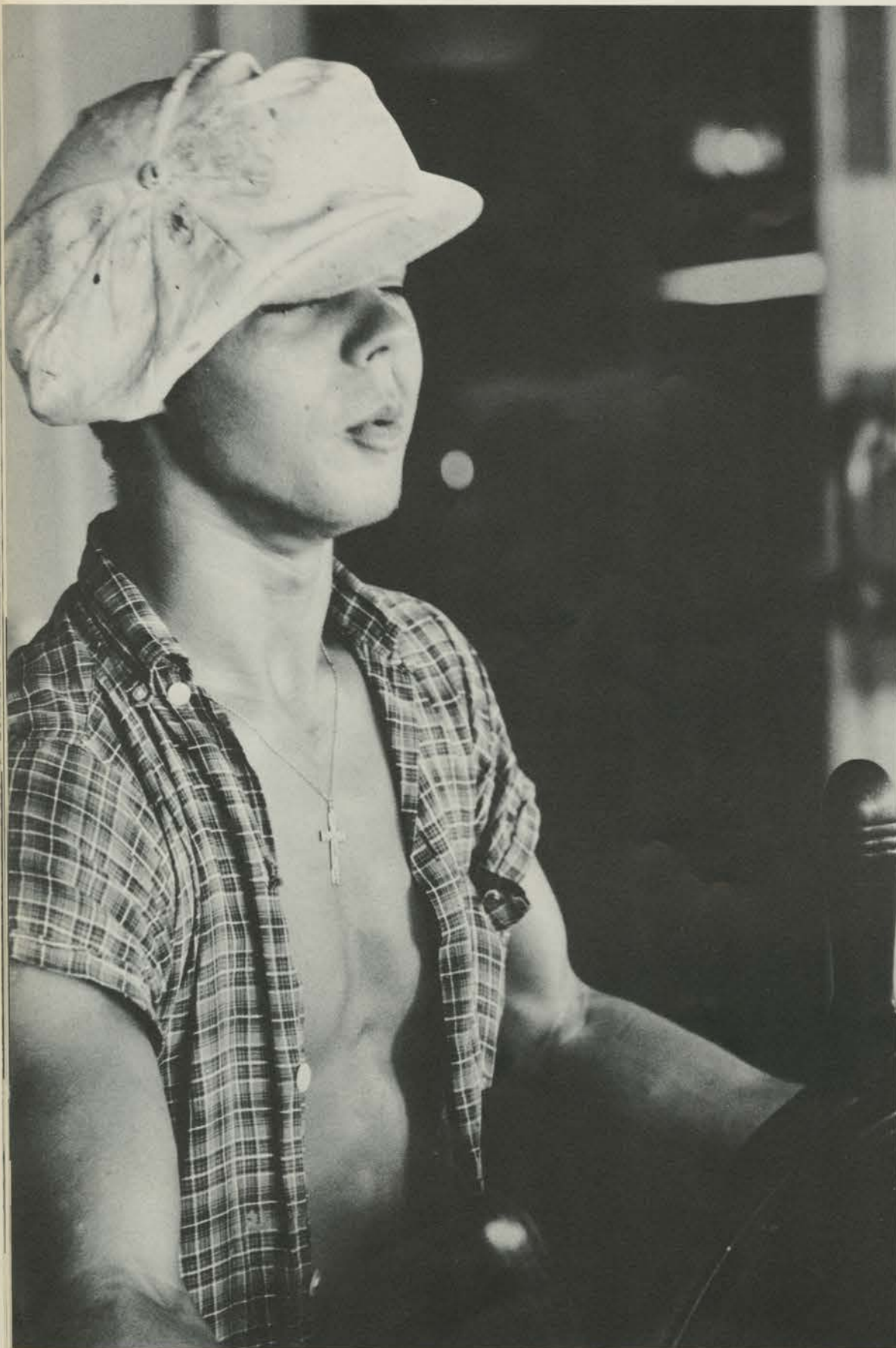

Для матроса покидать порт — это отдать и убрать концы.

И чего только не увидишь на улицах незнакомого города!

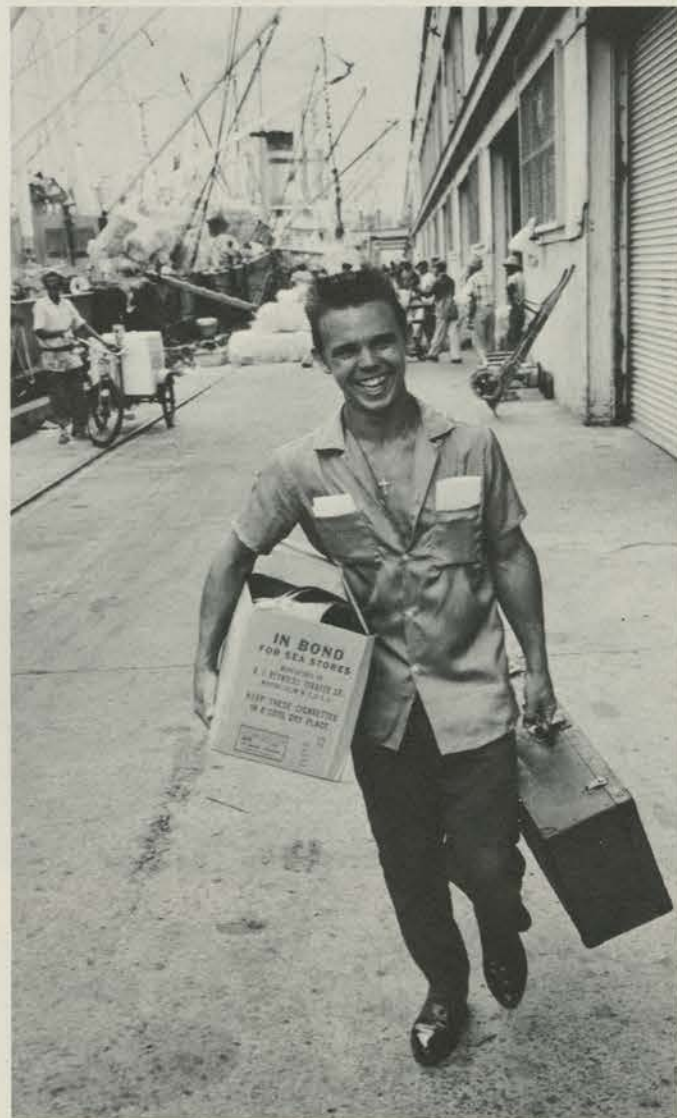
В бразильском порту Сантос судно простояло девять дней, и молодому моряку наконец удалось отдохнуть.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «МОРСКОГО ВОЛКА» ДОМОЙ

У штурвала: о полученном опыте говорят уверенные движения.

В Новом Орлеане: за десять недель в море — 1022 доллара.

Домой плыл уже не «Младшенький», а матрос Нобле, который не только выглядел, но и вел себя как бывалый моряк. Стоя у штурвала, в сбитой набекрень шапке, он беззаботно посвистывал, и «Дель Монте» (водоизмещение 6100 тонн) повиновался каждому его движению. Нобле держал курс на Новый Орлеан. Дома он пробыл всего несколько недель: помог вспахать кукурузное поле. Море уже вошло в плоть и кровь молодого парня; он скоро покинул ферму и отправился туда, где его ждали корабль, кубрик и голубые просторы.

Среди своих: подарков и морских рассказов хватило на всех.

ВАШИНГТОНСКИЙ КОРПУС ПЕЧАТИ

Дуглас Кэйтер

Мистер Кэйтер возглавляет вашингтонскую редакцию журнала «Репортер». Он автор книги «Четвертая власть в государстве», в которой рассматривается роль вашингтонского корпуса журналистов.

В обычный день в Вашингтоне произносятся тысячи слов на политические темы и происходят сотни «событий». От вашингтонского корпуса журналистов зависит в значительной мере судьба этих слов и событий: какие из них немедленно привлекут внимание миллионов людей, какие, подобно деревьям, падающим с шумом в дремучем лесу, останутся забытыми навеки.

Вашингтонский корреспондент — это хроникер деятельности правительства и вместе с тем ее участник. Он включен в систему государственного управления, основанную на разделении властей. Подобно членам правительства и более, чем многие из них, он оказывает влияние на направление политики правительства. Он обязательный посредник между различными органами правительства. Он освещает ход политических дел и в известной степени помогает придать им заостренность и ясность. Но, разгласив преждевременно то или иное политическое мероприятие, он легко может уподобиться неосторожному фотографу, «засветившему» и погубившему непроявленную пленку. В худшем случае, если он пристрастен и недобросовестен, он может стать виновником беспорядка и сеятелем дезинформации. И напротив, нельзя не признать весьма положительным влияние лучших вашингтонских журналистов.

Ни в одной другой столице журналист не играет такой политической роли. Бывший вашингтонский корреспондент лондонского «Обсервера» Патрик О'Донован однажды заметил:

«Влияние, которым пользуется американская и особенно вашингтонская печать, вызывает изумление большинства иностранцев. Она выполняет чуть ли не конституционные функции. Порой, возможно, ей не хватает стилистического блеска, но работает она настолько серьезно и с таким чувством ответственности, что британская пресса наших дней не в силах с нею тягаться».

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ В ГИГАНТСКОЙ ОТРАСЛИ ИНДУСТРИИ

Вашингтонский корреспондент — своего рода «акционер» гигантского промышленного предприятия, в котором работает больше 1200 человек. Предприятие это, как и большинство современных крупных предприятий, дошло до такой специализации, какая даже и не снилась журналисту несколько десятков лет тому назад. Рост информационного дела — это не простое увеличение масштабов, вызываемое необходимостью охватить расширяющуюся сферу деятельности правительства. Это также рост во времени и пространстве: рост возможностей освещать жизнь большего числа стран в более сжатые сроки. «Производство» информации для широкой публики стало скоростной, непрерывной и многообразной операцией.

Костяк этого производства и до известной степени его центральную нервную систему образуют гигантские телеграфные агентства с таким количеством работников, которое способно уследить за каждой важной новостью столицы и справиться с непрерывным потоком слов, исходящих из Вашингтона. Современный сотрудник телеграфного агентства мало похож на традиционного репортера, ежедневно диктующего машинистке черновые наброски истории. Его скорее можно сравнить с водоносом, в любое время дня и ночи черпающим новости из неиссякаемого родника информации. Периферийные отделения телеграфных агентств превращают эти новости в газетные колонки.

Другой значительный контингент вашингтонского корпуса прессы составляют «локализаторы» новостей. Их деятельность — постоянное подтверждение того факта, что Соединенные Штаты, став мировой державой, все еще во многом не утратили глубоко провинциальных интересов. Эти репортеры смотрят на Вашингтон глазами своего читателя, живущего где-нибудь в Дюбуке (Айова), Каламазу (Мичиган) или Нашвилле (Теннесси). Они работают либо в одиночку, либо в крупных агентствах, специализирующихся на поставке информации с учетом интересов жителей любого штата — от Мэна до Техаса.

Затем следуют вашингтонские представительства отдельных крупных городских газет и газет «трестированных», издаваемых в различных городах под одним общим руководством. Такие представительства варьируются от больших бюро, вроде вашингтонского отделения «Нью-Йорк таймса», где работает 24 человека, до скромных аванпостов с одним или двумя сотрудниками, какие содержат провинциальные газеты — например, денвер-

ский «Пост» или выходящий в Провиденсе «Джорнал». Эти представительства — прямые духовные наследники издавна известных «собственных вашингтонских корреспондентов», и они больше, чем кто-либо другой, создают крепкую основу информационной ткани.

Другие корреспонденты обозревают вашингтонскую сцену с иных точек зрения. Представители информационных еженедельников, вроде «Тайма» или «Ньюсуика», — работники узкой специальности на конвейере, идущем от телеграфных агентств. Они обеспечивают лишь один элемент еженедельного обзора событий: подборку важнейших фактов. Другие элементы — стиль, отделка, толкование — придаются позднее на другом конвейере — в небоскребах нью-йоркских редакций.

Вашингтонские отделения таких журналов, как «Сатердэй ивнинг пост», «Лук» и «Репортер», интересуются больше всего подоплекой событий, их происхождением. Корреспонденты радиовещания и телевидения заняты непрерывными поисками новостей, которые лучше всего воспринимаются ухом и глазом. Наиболее независимые поставщики информации — так называемые «синдицированные» журналисты, обзоры которых печатаются во многих десятках и даже сотнях газет, — занимаются анализом событий, расшифровкой их значения. Они снабжают свою клиентуру материалами два раза в неделю или чаще, причем содержание их статей варьируется от вопросов иностранной политики до фрахтовых ставок.

Профессиональная пресса просеивает столичные новости в поисках самородков, особенно ценных для тех или иных организованных групп населения, внимательно наблюдающих за деятельностью правительства.

Это обилие охотников за новостями, представляющих различные точки зрения и интересы, таит в себе одно громадное преимущество для публики: оно служит гарантией того, что каждая точка зрения дойдет до читателя и что в борьбе за его внимание пресса отразит каждый важный или спорный факт. Всякая односторонняя информация, напечатанная, скажем, издателем, поддерживающим правительственный курс, уравновешивается подчеркиванием других сторон события в органах, настроенных резко оппозиционно. Экономическое давление конкуренции в американском журнализме так сильно, что каждый издатель, заинтересованный в расширении круга читателей, вынужден отводить место фактам и мнениям, находящимся в противоречии с его собственными политическими и экономическими взглядами. Кроме того, в киосках США продаются газеты и журналы всех стран мира, и они могут служить коррективом любой небрежности или партийной пристрастности американских периодических изданий.

СО ВСЕХ КОНЦОВ СВЕТА

Поскольку Вашингтон превратился в столицу, на которую устремлены взоры всего мира, представители иностранной печати заняли важное место в вашингтонском корпусе журналистов. Десятки корреспондентов иностранных газет, радиовещательных, телевизионных и телеграфных агентств (в том числе и ТАСС'а) размещаются в «Здании национальной прессы», являющемся штаб-квартирой американских журналистов и работников радио и телевидения. Многие другие представительства иностранной печати базируются на Нью-Йорк, откуда они могут давать информацию об Организации Объединенных Наций и вместе с тем сообщать о жизни Вашингтона, находящегося всего лишь в 360 километрах от Нью-Йорка.

Иностранный корреспондент в Вашингтоне работает в общем так же, как и его американский коллега. Заручившись соответствующим документом, он может стать постоянным членом группы журналистов, прикомандированных к Государственному департаменту и к Белому Дому, а также к Сенату и Палате Представителей («ложа прессы» в Капитолии). Многие сотрудники иностранных газет и радиовещания состоят членами Клуба зарубежных журналистов. На завтраках этого Клуба американские и иностранные государственные деятели часто выступают с речами, «не подлежащими оглашению», но помогающими журналистам проникнуть за кулисы событий. Большая часть пресс-конференций открыта для иностранных корреспондентов наравне с американскими. То же относится и к большинству официальных сообщений для прессы.

ПОДМАСТЕРЬЯ И ЗНАМЕНОСТИ

Как стать членом вашингтонского корпуса печати? Это достигается не одним каким-либо путем. По происхождению и образованию американский журналист в Вашингтоне мало чем отличается от работников правительственных информационных ведомств. Данные, с которыми ему приходится

иметь дело, усложняются и становятся сугубо техническими, поэтому корреспонденты все чаще убеждаются в необходимости высшего образования. Некоторые, хотя далеко не все, посещают специальные факультеты журнализма. Однако гораздо чаще репортер проходит практическую школу, начиная с работы в какой-нибудь местной газете или со скромной должности в крупном телеграфном агентстве.

Вашингтонский корреспондент обычно аккредитован при Белом Доме, при обеих палатах Конгресса или при одном из правительственных ведомств. Такое аккредитование дается легко и не является абсолютно необходимым для корреспондентов. Необходимо лишь, чтобы какая-нибудь газета либо радиовещательная или телевизионная компания взялась оплачивать его работу по сбору информации в столице.

Некоторые вашингтонские корреспонденты играют видную роль в общественной жизни страны. Представители «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон, «Нью-Йорк геральд трибюн» Роберт Донован, «Вашингтон пост» Чалмерс Робертс и детройтской «Фри пресс» Эдван Лехи считаются наиболее выдающимися деятелями вашингтонского корпуса печати. Проработав на своем посту при нескольких Президентах и многих составах Конгресса, они осведомлены в вашингтонских делах лучше некоторых политиков и превосходят не одного из них своей опытностью.

Синдцированные обозреватели представляют собой характерную особенность американского журнализма. Продукция одного такого обозревателя становится известной миллионам читателей через газеты, редакции которых придерживаются порой диаметрально противоположных взглядов. Это делает вашингтонского обозревателя крупнейшей и влиятельнейшей фигурой. Быть может, самый знаменитый из них — Уолтер Липпманн, который вот уже три десятилетия тонко и прозорливо анализирует беспорядочный поток ежедневных событий и читается, а нередко и цитируется главами правительств всего мира.

Такие обозреватели, как Джозеф Алсоп, Дорис Флисон, Маркис Чайлдс, Дэвид Лоуренс и другие (есть среди них и консерваторы, и либералы) регулярно дают обильную пищу умам как рядовых читателей, так и политических деятелей. Одна и та же газета может в один и тот же день поместить две резко различные оценки текущих событий. Радио, а в последнее время и телевидение также имеют в Вашингтоне видных комментаторов. Из их числа можно назвать Хауарда К. Смита, Дэвида Бринкли и Эдуарда П. Моргана, немало содействующих широкому и многостороннему общественному обсуждению политических событий.

ПЕЧАТЬ И ПРАВИТЕЛЬСТВО

Организуя работу, вашингтонские представительства подразделяют американские правительственные учреждения на ряд «участков» — Белый Дом, Верховный Суд, Конгресс, различные министерства. В каждом из этих учреждений свои порядки. В государственных ведомствах, а нередко в отделах и подотделах ведомств, имеются собственные службы информации, обеспечивающие связь с прессой. Общее число правительственных информационных работников, у которых можно навести справку о текущих делах, достигает почти трех тысяч, то есть более чем вдвое превосходит численность самого корпуса печати. Репортеру, работающему на одном из «участков», приходится часами рыться в горах материалов — в mimeографированных сообщениях для прессы, содержащих те материалы, которые с точки зрения правительства заслуживают внимания.

Однако работа корреспондента далеко не исчерпывается такими официальными связями с правительством. Корреспондент, ограничивающийся разговорами с секретарями по делам печати и чтением официальных сообщений для прессы, считается в Вашингтоне лодырем. Он непременно должен идти выше — искать личных контактов с теми, кто «делает политику». Репортер чувствует себя оскорбленным, если не может добиться встречи с министрами и другими членами правительства. Даже государственный служащий, занимающий сравнительно высокий пост, учится на горьком опыте не избегать встреч с журналистами. Хотя это и не входит в его прямые обязанности, однако его служебная карьера может зависеть от умения снабжать репортеров информацией во время политических кризисов.

Вашингтонский корреспондент обладает привилегиями, которых нет у журналистов ни в одной другой столице. Он имеет доступ к главе исполнительной власти. Сразу направо за входом в западное крыло Белого Дома, где находится кабинет Президента, есть комната, предназначенная специально для работников печати, для их пишущих машинок и телефонов. Здесь проводят большую часть дня от двадцати до тридцати постоянных корреспондентов, занятых исключительно сбором сведений об этом важнейшем «участке» — Белом Доме. Напротив этой комнаты расположен кабинет президентского секретаря по делам печати, соединенный отдельным коридором с кабинетом Президента (должность секретаря занимает сейчас Пьер Салинджер). Секретарь по делам печати — главный рупор Президента: дважды или трижды в день он беседует с постоянными и всеми другими

корреспондентами, которым случается зайти в Белый Дом. Эти беседы могут ограничиваться самыми банальными темами, но иногда принимают драматический оборот. Аналогичные неофициальные встречи с печатью проводятся информационными работниками Государственного департамента в промежутках между пресс-конференциями государственного секретаря. В Капитолии лидеры большинства и меньшинства Конгресса и другие видные законодатели то и дело попадают в руки репортеров по пути из своего кабинета в Сенат или в Палату Представителей.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕЗИДЕНТА

Одно из важнейших событий в жизни вашингтонских корреспондентов начинается тогда, когда они, в количестве двухсот или трехсот человек, заполняют зал Государственного департамента для участия в пресс-конференции Президента. В назначенный час двери перед опоздавшими закрываются, и из бокового входа быстро появляется первый гражданин страны — глава государства, руководитель правительства, верховный главнокомандующий и лидер своей партии. Он приветствует собравшихся с фамильярностью человека, встречающегося с давними знакомыми. За ним следуют его помощники, участвующие в конференции в качестве советников, но редко вмешивающиеся в беседу Президента с журналистами.

Иногда Президент выступает с короткой заготовленной речью или с важным заявлением по вопросам государственной политики, а затем едва заметным кивком головы открывает конференцию. Корреспонденты, желающие задать вопрос, вскакивают и ждут разрешения. В течение следующего получаса Президент не спускает глаз со всего зала, кивком головы предоставляя слово одному из присутствующих. Его выбор, в общем, случаен, хотя обязательно включает некоторых корреспондентов, настроенных по отношению к правительству критически. Последовательность вопросов и ответов тоже может быть случайной и хаотичной. Однако всей пресс-конференции, как правило, присуща некоторая торжественность. Ибо в течение получаса Президент Соединенных Штатов стоит лицом к лицу с представителями печати и беседует с ними без всяких официальных посредников, обычно отделяющих его от публики.

При Президенте Дуайте Д. Эйзенхауэре пресс-конференции стали записываться и сниматься на пленку для последующей передачи по радио и телевидению. Президент Джон Ф. Кеннеди расширил эту практику, разрешив «живую» передачу конференций. В результате, жители Соединенных Штатов могут следить за конференцией в то самое время, когда она проходит. Передается она и за океан благодаря коммуникационному спутнику Телстар. Президент не имеет возможности вносить стилистические поправки в свои ответы, а тем более исправлять их по существу.

Характер пресс-конференций меняется с недели на неделю, из года в год, а также в зависимости от личности Президента. Иногда они протекают в спокойном, добродушном тоне. Иногда же превращаются в острую дуэль, когда журналисты настойчиво зондируют какую-либо животрепещущую тему, а Президент сердито парирует вопросы и контратакует спрашивающих.

Внезапно, по сигналу самой прессы, конференция заканчивается. В финальной сцене напряжение достигает высшей точки. Повернувшись спиной к Президенту, репортеры газет, телеграфных агентств, радиовещательных и телевизионных компаний срываются с мест и заполняют проходы, пробивая себе дорогу к телефонным будкам, находящимся сразу за входами в зал. Иногда гонка становится такой отчаянной, что один из ветеранов журнализма как-то сломал себе в давке ногу.

АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Вашингтонский корреспондент — постоянное связующее звено между Конгрессом и исполнительной властью; он выполняет эту функцию и в том случае, когда другие средства связи обрываются. Как оппозиция, так и рядовые члены правящей партии могут через корреспондента довести до сведения Президента интересующие их вопросы со значительной долей уверенности в том, что получат ответы. Некоторые корреспонденты на такой короткой ноге с лидерами Конгресса, что немногие сотрудники Белого Дома могут в этом отношении поспорить с ними.

Во время важных дебатов в Конгрессе, когда приближается момент голосования, кулуары обеих палат гудят как потревоженный улей: во всех углах законодатели и журналисты вполголоса совещаются друг с другом. Телетайпы лоббистов в Капитолии и при Белом Доме яростно отстукивают сообщения. В минуты последних решительных атак на позиции противника нередко можно видеть людей, торопливо пробивающихся к трибуне Сената с обрывками ленты телетайпа. По мере приближения словесной битвы к развязке, все яснее ощущается могучее влияние прессы на исход дебатов.

Источники информации вашингтонского корреспондента отнюдь не исчерпываются, конечно, органами правительства. В делах внешней политики иностранное посольство часто служит для него ценным комментатором мнений Государственного департамента. Иностранные послы пользуются

прессой как средством передачи и получения последних известий, и многие важные сообщения попадают на страницы печати благодаря этому сотрудничеству, одинаково полезному для обеих сторон.

Корреспондент поддерживает также постоянный контакт со многими лицами и учреждениями, представляющими другие организованные группы. Вашингтонские адвокаты издавна специализировались в области правовых проблем для широкого круга клиентов — от отечественных промышленных фирм до иностранных правительств. Репортер регулярно навещается и в правления профсоюзов, и во многие исследовательские институты, которые собирают и публикуют материалы по вопросам современности. Наконец, он активно участвует в общественной и «светской» жизни столицы. На каком-нибудь приеме, в коротком разговоре с дипломатом или с работником министерства он может уловить намек, который даст ему в конце концов возможность сделать сенсационное сообщение.

Вашингтонский корреспондент — неутомимый охотник за новостями. Но и на него самого идет охота. Политические деятели прекрасно понимают, что способ подачи материала в газете не менее важен, чем самый материал. Мы уже видели, что давление конкуренции и разнообразие специальных и нередко противоположных интересов ведут к тому, что любая информация, имеющая общественное значение, так или иначе находит путь в печать.

ИНФОРМАЦИЯ, РОЖДАЮЩАЯ СОБЫТИЯ

Каждый, кому приходилось участвовать в организации и проведении в жизнь крупного политического мероприятия, знает, что успех или неудача нередко зависят от того, как оно преподносилось общественному мнению на каждом этапе своего осуществления. На одном собрании журналистов, посвященном чествованию инициатора Плана Маршалла, оздоровившего послевоенную Европу, бывший Государственный секретарь США рассказал о том, как много содействовала пресса проведению этого мероприятия. «Не так уж трудно разработать общий план, — говорил генерал Джордж К. Маршалл. — Гораздо труднее выполнить его, довести до намеченного конца. В этом-то и состояла в данном случае вся задача». Далее генерал напомнил, какие препятствия приходилось преодолевать, чтобы добиться общественного признания Плана. Он рассказал о том, как в июне 1947 года, когда он произнес свою известную речь в Гарвардском университете, он опасался, что представители консервативных штатов Среднего Запада наложат вето на План, прежде чем он будет соответствующим образом разъяснен американскому народу. Но чего он никак не предвидел и что чрезвычайно помогло Плану — это был благоприятный отклик лидеров европейских государств на его речь. После этого главное внимание прессы сконцентрировалось на Европе и на европейском общественном мнении. Сообщения о менее восторженном отношении к Плану Маршалла таких штатов Среднего Запада, как Охайо и Индиана, интересовали американскую печать несравненно меньше.

Эту способность средств информации становиться стимулом развития событий не следует недооценивать, как ни трудно ее точно учесть. Иногда она является следствием чистого случая. Иногда (как утверждают современные специалисты в области общественных отношений) она может быть результатом некоего маневра. А иногда может явиться плодом сознательных действий печати. На упомянутом выше собрании администратор Плана Маршалла Поль Гоффманн высоко оценил заслуги вашингтонской прессы. «Мы никогда не получили бы нужных средств, — сказал он, — если бы нас не поддержали члены Клуба зарубежных журналистов».

Работа корреспондента ограничена известными рамками. «Новости» — трудно определяемые объекты и угадываются скорее инстинктом, чем с помощью книжных правил. Иностранцы, присутствующие на заседаниях комиссий Конгресса, всегда изумляются тому, как репортеры, сидящие в несколько рядов за столами прессы и слушающие показания свидетелей, все враз берутся за карандаш, словно по мановению дирижерской палочки. Решая, что включить в отчет, корреспондент исходит из оценки тех фактов деятельности правительства, которые больше всего интересуют общество.

Обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Артур Крок так сформулировал различие между подходами работника печати и государственного деятеля:

«Наши обязанности сводятся к тому, чтобы решить, помещать ли данную информацию: правдива ли она? законным ли путем получена? пригодна ли для печати, то есть может ли быть предана широкой огласке или, наоборот, является частным делом? Коль скоро на эти вопросы дан положительный ответ, факты готовы для печати».

«Государственный деятель руководится иными соображениями: не преждевременна ли информация? не затруднит ли ее опубликование ход дела? не внесет ли она скорее смущение в умы людей, вместо того, чтобы разъяснить им положение вещей? Такие вопросы встают перед государственным деятелем, особенно если этот деятель — Президент Соединенных Штатов, отдающий все свои физические и духовные силы решению колоссальных задач, возникающих перед ним в критические моменты истории».

Знаменательный момент работы вашингтонских журналистов: непринужденная беседа с Президентом Кеннеди по окончании очередной пресс-конференции.

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ В ГОСУДАРСТВЕ

Иностранцев наблюдателей часто вводит в заблуждение исключительная роль вашингтонского корпуса журналистов и внимание должностных лиц к работе печати. Нигде в мире, пожалуй, печатью столько не занимаются. Исходя из чисто внешних впечатлений, посторонний наблюдатель может заключить, что при существующем порядке вещей общественному мнению и ее рупору — печати — придается даже слишком большое значение.

Однако причина тому коренится в самом американском политическом строе. Конституция США основана на разделении властей. Президент не может заставить Конгресс подчиниться исполнительной власти; Конгресс не вправе отдавать приказания Президенту; решения Верховного Суда контролируют деятельность Президента и Конгресса. Ряд управленческих функций закреплен за властями штатов, и, наконец, многое относится к компетенции органов местного самоуправления. В этих условиях для осуществления правительством тех или иных мероприятий требуется прекрасно налаженная система информации. Работники печати, не принадлежа к правительству, помогают его органам поддерживать контакт друг с другом. Еще важнее то обстоятельство, что они содействуют связи правительства с народом, обеспечивая общественную поддержку важнейших мероприятий. Благодаря той же неофициальной, но хорошо налаженной коммуникационной системе, журналист помогает государственным учреждениям согласовывать их работу и успешно выполнять стоящие перед ними задачи.

Все это возлагает на работника печати громадную ответственность. Он, в сущности, — представитель четвертой, псевдоофициальной власти, содействующей установлению более тесного сотрудничества между тремя официальными — исполнительной, законодательной и судебной. В наше время, когда темп событий нарастает с каждым днем, роль их истолкователя — журналиста — приобретает еще большее значение. Его репортажи и комментарии, публикуемые в пределах страны и за ее рубежом, оказывают немалое влияние на курс американского государственного корабля. ▼

Слева: Жакет в сочетании с вязаной блузкой. Справа: Свитер со стоячим воротником и крупными пуговицами.

МАДЕЛИН ХАНТЕР

Нам нравится. А вам?

Свитер, не так давно считавшийся самым обыденным нарядом, ныне обрел множество новых фасонов—от вечернего свитера-блузы до спортивного свитера-рубашки—словом, на всякий вкус и для любого случая. Джемперы и пуловеры отличаются свободной формой и красивой вязкой. Делаются они из легкой и мягкой шерсти, часто из мохнатой ангорской. В городе ли, на курорте—стильные и элегантные свитеры неизменно пользуются большим успехом.

Пуловеры из ангорской шерсти: ярко-красный с карманчиками (слева) и теплый двухцветный (справа).

Свитеры из ангорской шерсти: просторный с короткими рукавами (слева) и рельефной вязки (справа).

ПЛАСТМАССОВЫЙ ЧЕХОЛ В МОЗГУ

Для калифорнийской хозяйки — назовем ее Мэри Робертс — этот день начался как сотни других беззаботных дней. Позавтракали всей семьей: она, ее муж Боб и дети — девятилетняя Эллен и семилетний Бобби. А затем каждый ушел по своим делам, в школу или на службу, включая и Мэри, которая читает курс истории в университете.

Преподавать Мэри начала вскоре после окончания колледжа. Сначала она устроилась в одной частной фирме, но, проработав там год, вернулась в колледж, получила степень магистра и стала преподавать в университете. Вскоре Мэри вышла замуж за Боба, молодого доцента по кафедре экономики, однако не бросила работы до самого рождения Эллен. А потом, когда маленькому Бобби исполнилось два года, она вновь взялась за преподавание.

Теперь, в свои сорок лет, Мэри находит, что жизнь ее полна и разнообразна. В детях она души не чаёт и гордится успехами Боба, который успел уже стать профессором. Мэри в свою очередь защитила докторскую диссертацию и, следовательно, также получила право на профессорское звание.

За обедом в тот день Мэри была особенно счастлива и разговорчива: ей удалось выхлопотать субсидию для задуманной исследовательской работы. Вдруг Мэри замолчала. Сначала она почувствовала острую пронизывающую боль в затылке и шее, а затем ей показалось, что мозг залила какая-то жидкость. Стараясь не волновать семью, Мэри сказала:

— Мне немного нездоровится. Пойду в спальню, прилягу на часок.

Пока она поднималась по лестнице, острая боль перешла в тупую ломоту. Приняла аспирин, но это не помогло.

— Приму-ка я снотворное, — решила больная. — Крепкий сон сделает свое дело.

Однако вышло иначе. Утром боли и онемение в затылке и шее распространились по всей спине. Когда она вытягивала ноги, боли усиливались.

На следующий день Мэри стало хуже. Вызвали домашнего врача. Осмотрев больную, он сказал не на шутку взволнованному Бобу:

— Вашей жене нужна помощь специалиста. Я должен немедленно отправить ее в больницу.

Исследования показали присутствие крови в спинномозговой жидкости. Сделали рентгеновский снимок мозга, и все стало ясно.

Случается, что кровеносные сосуды, особенно артерии, слабеют и расширяются, вздуваясь в отдельных местах подобно изношенным автомобильным шинам. Это явление называется аневризмой. Болезнь развивается как следствие

Авт. права: журнала *Космополитэн*

высокого кровяного давления, инфекционного заболевания или врожденной слабости сердечно-сосудистой системы.

Аневризма всегда грозит разрывом стенки сосуда в области вздутия и кровотечением. Разрыв сосуда в мозгу может вызвать кровоизлияние со смертельным исходом. Даже самое ничтожное прободение и медленное кровотечение могут повлечь за собой осложнения во всем организме, включая сильные боли и паралич, в зависимости от того, где началось кровотечение и какие ткани мозга поражены.

У Мэри рентген обнаружил три мозговых аневризмы: одно большое вздутие во внутренней сонной артерии и два меньших в других сосудах.

Операция была неизбежна.

Еще несколько лет тому назад даже самый опытный хирург не решился бы оперировать аневризму в мозгу: смертельный исход такой операции был почти несомненен. Однако в последнее время, благодаря техническим усовершенствованиям в хирургии, удалось значительно уменьшить смертность.

Понизив путем гипотермии температуру тела до 30 градусов, Мэри дали общий наркоз. Правая сторона головы — от середины лба по линии волос и вниз до правого уха — была отмечена полукругом: в этом месте больной вскрыли череп. Для понижения количества жидкости и временного сокращения объема мозга впрыснули мочевину. Это облегчило оттяжку лобовой доли мозга, необходимую для обнажения аневризмы внутренней сонной артерии.

Шейка аневризмы оказалась достаточно длинной, чтобы зажать ее серебряной скобкой и таким образом прекратить туда доступ крови. Нарушения циркуляции крови при этом не происходит, а опасность разрыва ликвидируется.

Однако шейки двух других аневризм оказались слишком короткими, и наложить на них скобки не удалось. Эту хирургическую проблему пытались решить по-разному: пробовали для укрепления аневризмы обматывать ее отрезками мускулов, обертывать марлей или покрывать пластмассовой пленкой. К тому времени, когда Мэри Робертс лежала на операционном столе в больнице имени Хантингтона в Пасадене, общепринятого метода еще не было.

Но доктор Эдвин М. Тодд, Хантер Шелдон, Бенджамин Л. Кру, Роберт Х. Пьюденц и научный сотрудник Уильям Ф. Аньо решили испытать разработанный ими метод: они надеялись, что быстро затвердевающая кремниевая смола разрешит проблему укрепления аневризмы.

Врачи работали над одним особенно много-

обещающим составом — густой белой жидкостью, которая, соединяясь с катализатором, затвердевала в течение нескольких минут. Полученная таким образом пластическая масса оставалась прочной и эластичной при резкой смене температур и успешно противостояла действию влаги и окисления.

Доктора разработали и специальный тип шприца, с помощью которого можно было выдавливать небольшие количества кремниевой жидкости и окружать ею аневризму. В лабораториях они искусственным путем вызывали аневризмы у подопытных животных и обволакивали вздутия этой смесью.

Разработанный метод вполне оправдал себя на животных. Но окажется ли он эффективным на человеке и сможет ли спасти Мэри Робертс?

С величайшей осторожностью хирурги отделили аневризму и пораженный ею кровеносный сосуд от смежных тканей. Вздутия находились на расстоянии ровно одного сантиметра друг от друга, и хирурги, обволакивая их смесью, сумели захватить обе аневризмы сразу. Состав затвердел через три минуты. Операция была успешно закончена, и можно было приступить к наложению швов.

На протяжении всей следующей недели кровотечений не было, спинномозговая жидкость стала прозрачна, и симптомы болезни исчезли.

Мэри вернулась домой через десять дней, а через два месяца зажила нормальной жизнью.

Здорова она и теперь.

Недavno в «Журнале Американской медицинской ассоциации» д-р Тодд и его сотрудники, оперировавшие Мэри Робертс и других пациентов, рассказали о своей работе. Одна из больных, перенесшая несколько сильных кровотечений, страдала нестерпимыми головными болями, сделавшими ее совершенно беспомощной. Спустя шесть месяцев после операции она была вполне здорова и трудоспособна. Другая больная в результате кровотечения потеряла дар речи и была разбита параличом. Улучшение последовало через несколько дней после операции. Сейчас она уже занимается хозяйством, и состояние ее продолжает улучшаться.

В названной статье авторы подчеркивают необходимость накопления опыта в применении «пластмассовых чехлов», ибо лишь широкое испытание этого метода на практике позволит сделать окончательные выводы.

Как бы то ни было, пластмассовый чехол в мозгу Мэри Робертс вернул ее к счастливой и нормальной жизни, а операция ее вошла в историю медицины.

Лоуренс Галтон

Америка творит

Как творят деятели искусств в США?
Чтобы показать все стадии творческого процесса,
мы помещаем на 16 страницах статьи и иллюстрации
из сборника «Америка творит» (издательство
«Ридж пресс»). Цель сборника — пропагандировать
идею создания Национального центра культуры
в Вашингтоне. Фото выполнены бюро «Магнум фотос».

ДЖОН Ф. КЕННЕДИ

ИСКУССТВА В АМЕРИКЕ

Как-то в тревожный 1941 год на прием к Президенту Рузвельту явилось двое посетителей. Один из них был лорд Лотиан, британский посланник; он только что прилетел из Лондона и хотел рассказать Франклину Д. Рузвельту об ужасах лондонских бомбежек. Второй был Франсис Г. Тэйлор, видный искусствовед и директор музея.

Тэйлору пришлось два часа дожидаться окончания разговора Президента с Лотианом. Войдя, он увидел, что Президент «белее бумаги». Тем не менее, Рузвельт, как известно, провел тогда с Тэйлором не менее полутора часов. Разговор об ужасах войны сменила беседа о роли искусства в американской жизни. Рузвельт говорил о возможности пробуждения интереса к искусству в широких слоях населения и надеялся, что настанет время, когда «в каждой школе будут висеть работы современных американских живописцев».

Описывая эту встречу, известный американский художник Джордж Бидл добавляет от себя: «Рузвельт не особенно тонко разбирался в живописи и скульптуре. Но он, как никто, понимал, какую роль играет искусство в жизни общества, в формировании души нации».

В том же 1941 году сам Рузвельт вспомнил о другом американском Президенте, который в период бурных национальных потрясений тоже находил время для изящных искусств. «Шел третий год Гражданской войны, — говорил Рузвельт в речи на открытии Национальной галереи в Вашингтоне. — На глазах собиравшихся толпами людей тогда был достроен и увенчан бронзовой статуей Свободы купол Капитолия. Дело это было трудное, и стоило оно недешево. Находились критики, считавшие эти траты неразумными. Израсходованные средства, говорили они, можно было бы с большей пользой обратить на дело войны. У того крыла Капитолия, где заседает Сенат, появились новые мраморные колонны, в центральной части здания — бронзовые двери и всевозможные украшения. Когда слова критиков дошли до ушей Президента Соединенных Штатов, — а звали его Линкольном, — он возразил недовольным: „Пусть люди видят, как растет Капитолий, — они поймут, что и Союз наш будет расти“».

И Рузвельт и Линкольн понимали, что в жизни нации искусство играет роль отнюдь не второстепенную, что оно не отвлекает нацию от основных задач, а, наоборот, стоит наравне с ними и служит показателем уровня национальной цивилизации.

Меня поражает разнообразие и жизнеспособность нашей страны, поражает неисчислимое количество возможностей, которыми американцы удовлетворяют свою страсть к приобретению знаний, к физическим упражнениям, развлечениям и многому другому. Ни старые, ни молодые не сидят сложа руки. Наши шоссе и дороги и пляжи переполнены; национальные парки с каждым годом привлекают все больше и больше туристов. Процветают все виды спорта. Даже такое скучное занятие, как хождение по магазинам, приобретает праздничный оттенок в новых продуктовых универсамах. Неудивительно, что такая кипучая жизнь способствует повышению общего интереса к искусству.

Статистики сообщают нам весьма утешительные сведения. Американцы тратят миллиарды долларов на покупку книг, а на концерты — больше, чем на бейсбол; картинные галереи и музеи переполнены; по всей стране организуются театры и симфонические оркестры; число американцев, играющих на музыкальных инструментах, достигает тридцати трех миллионов. Все это говорит, на мой взгляд, не только об алчности, с которой наше неутомимое общество набрасывается на всевозможные жизненные блага. В современной цивилизации существует тяга к высшим ценностям, и это побуждает нас обращать пристальное внимание на те области жизни, которыми раньше мы нередко пренебрегали.

В прошлом мы слишком часто склонялись к отрицательной оценке как самого художника, так и поклонника искусства. Первого мы несправедливо упрекали в безделье и дилетантизме, второго — в утонченности и изнеженности. На самом деле, художник живет в суровом одиночестве. Не считаясь с материальными лишениями, не покладая рук, он добивается мастерства в своем деле. Он отказывается от дешевой славы, стремясь очистить свое мировосприятие от ненужных мелочей, от дешевой суеты. Работе он отдается полностью и соблюдает в ней строжайшую дисциплину. Что касается поклонника искусств, то, подвергая себя нарушающему иногда душевный покой воздействию со стороны художественных произведений, он служит опорой и поддержкой художника; при этом для себя он не ищет ничего, кроме духовного обогащения собственной жизни.

С каждым днем нам становится яснее, какую существенно важную роль играет художественное творчество. В этом я усматриваю отражение общеамериканского стремления к совершенству — раньше оно выражалось в восхищении техническими достижениями, теперь распространилось и на другие области человеческой деятельности. В этом отражается также понимание искусства как объединяющего и гуманитарного начала. Мы знаем, как важна для нас наука, но мы знаем также, что наука, оторванная от понимания роли человека и путей его развития, способна затормозить рост цивилизации. Поэтому образованные люди — и при этом люди, зачастую получившие отличное научно-техническое образование, — обращаются к ценностям, выработать которые способно лишь искусство. Они ищут знакомства с той стороной жизни, которая выражает наши чувства и воплощает идеалы красоты.

Факт этот, однако, налагает обязательства на тех, кто прокламирует свободу общества: мы должны оказывать искусству внимание, уважение, должны создать ему почетное положение. Свободное общество должно сделать необходимым то, что свобода делает возможным.

Правительство может оказывать лишь косвенное влияние на развитие искусства. Правительственный аппарат, созданный для управления и руководства общими делами страны, оказывается слишком громоздким и неуклюжим там, где речь идет об индивидуальных дарованиях. Но это отнюдь не означает, что правительство не может и не должно уделять внимания вопросам искусства. В свободном государстве правительство отражает волю и чаяния народа, а в конечном итоге — и его вкусы. Идеальное правительство, кроме того,

служит ведущей силой, примером, учителем для народа. Мне хотелось бы, чтобы вся деятельность правительства характеризовалась высокими качественными стандартами, чтобы в ней отражались лучшие достижения наших художников, проектировщиков и архитекторов. Я хочу быть уверенным в том, что проводимая правительством политика прямо или косвенно не будет напрасно чинить препятствий свободному и полному развитию творческих сил Америки.

Подобно другим областям американской жизни, деятельность искусства у нас отличается крайним разнообразием и децентрализацией. Меценаты, различные фонды, фирмы, общественные организации, школы и колледжи, городские и штатные органы объединяются в самых различных сочетаниях для поддержки культурных начинаний. И я надеюсь, что в будущем, по мере того как культурная жизнь у нас будет развиваться и принимать новые формы, Федеральное правительство тоже будет способствовать дальнейшему оживлению культурной жизни.

Задача эта увлекательна и плодотворна, потому что в развитии культуры заинтересованы буквально все граждане страны.

В любом обществе число истинных художников, людей, создающих с помощью словесных или зрительных образов настоящее искусство, по необходимости ограничено. Но даже и эта сравнительно небольшая группа в нашей стране непрерывно увеличивается. «Слышу, поет Америка», — писал Уолт Уитмен. Живи поэт в наше время, он безусловно услышал бы еще больше поющих голосов.

Перед горсточкой творцов стоит огромная аудитория. Вряд ли можно назвать другую страну, в которой интерес и тяга к искусству среди широких масс были бы развиты в такой степени. Во всей стране люди всех возрастов и всех профессий ждут поднятия занавеса — ждут, когда откроется дверь, ведущая к новым наслаждениям.

Эта замечательная черта — культурное равноправие — существует в Америке издавна. В тридцатых годах прошлого века Алексис де Токвиль описывал, как на окраине страны, в глуши, казавшейся «обителью невзгод», американцы сохранили культурные и духовные запросы. «Идешь в лесу по едва протоптанной тропинке, — писал де Токвиль, — доходишь в конце концов до расчищенной поляны и видишь на ней убогую хижину с подслеповатым оконцем». Можно подумать, продолжает он, что здесь живет неграмотный американский крестьянин. Ничего подобного: «Этот человек ходит в такой же одежде, как и вы, и говорит языком горожан. На его столе, сколоченном из грубо обтесанных досок, лежат газеты и книги».

В наше время такие хижины с подслеповатыми оконцами давным-давно исчезли. Но со сходными фактами мы сталкиваемся сейчас во многих домах, очень далеких, казалось бы, от интересов искусства. Домохозяйка, сбивающаяся с ног в уходе за детьми, ее муж, уставший после трудового дня, молодежь, ищущая веселого времяпрепровождения, — таким людям, как будто, мало дела до интеллектуальных и художественных стремлений. Но на столе у них лежат дешевые издания классиков всей мировой литературы, у проигрывателя стоят полки с пластинками лучших композиторов, на стене висят репродукции картин великих мастеров.

Непрерывно повышать общий культурный уровень народа, окружать художников еще большей любовью и уважением, углублять связь всех людей с искусством — такова увлекательнейшая задача, стоящая сейчас перед нами.

ИСТОЧНИКИ ВДОХНОВЕНИЯ

Зрители в летнем театре.

Зреющий колос.

Осенний лист.

Птица в полете.

Нью-йоркский небоскреб.

Мальчик летом.

Ковбой.

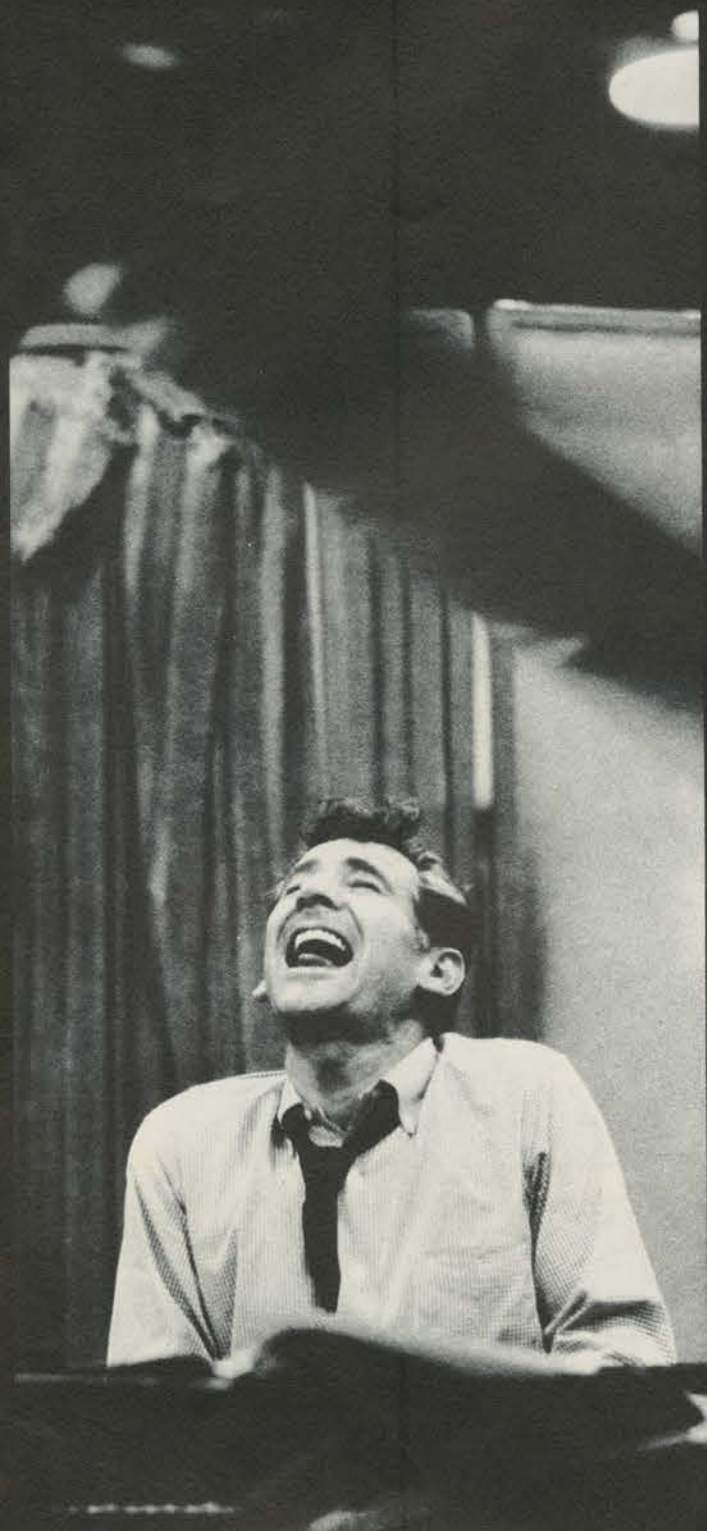

Побережье штата Мэн.

ГОВОРЯТ МАСТЕРА ИСКУССТВ

Хореограф Джордж Балаичин, художественный руководитель Нью-йоркского городского балета и виднейший американский балетмейстер: «Есть мастера, способные творить умозрительно, абстрактно, в уютном тихом кабинете. Я не принадлежу к их числу. Мне нужно видеть перед собой настоящих, полных жизни людей».

Дирижер и композитор Леонард Бернштейн, в лекциях по телевидению возбудивший интерес к музыке у миллионов американцев: «Музыка — это само время, которое следует обтесывать, чеканить и обрабатывать до тех пор, пока оно не уподобится статуе, не приобретет образ и форму».

Роберт Фрост, вот уже больше полувека любимый поэт Америки, избравший главной своей

темой любовь к людям:
«Пускай их делят, кому охота,
А я сливаю с давних пор
Мою забаву с моей работой.
Как оба глаза — в единый взор».

Поэт и публицист Поль Гудман будит и волнует мысль: «Меня интересует лишь одна тема: люди в условиях ими же созданных. Я вижу общность и разобщенность, культуру и варварство, самоотверженные порывы и горькие разочарования — и все это бурлит и движется».

Архитектор Вальтер Гропиус, принявший ближайшее участие в преображении наших городов: «Быт подвергался нами пристальному изучению. Как жить безбедно, как работать, двигаться, отдыхать, как создать животворную среду для изменившегося общества — вот что занимало наши умы».

ЗА УЧЕНИЕМ
СТАРЫЕ И МАЛЫЕ

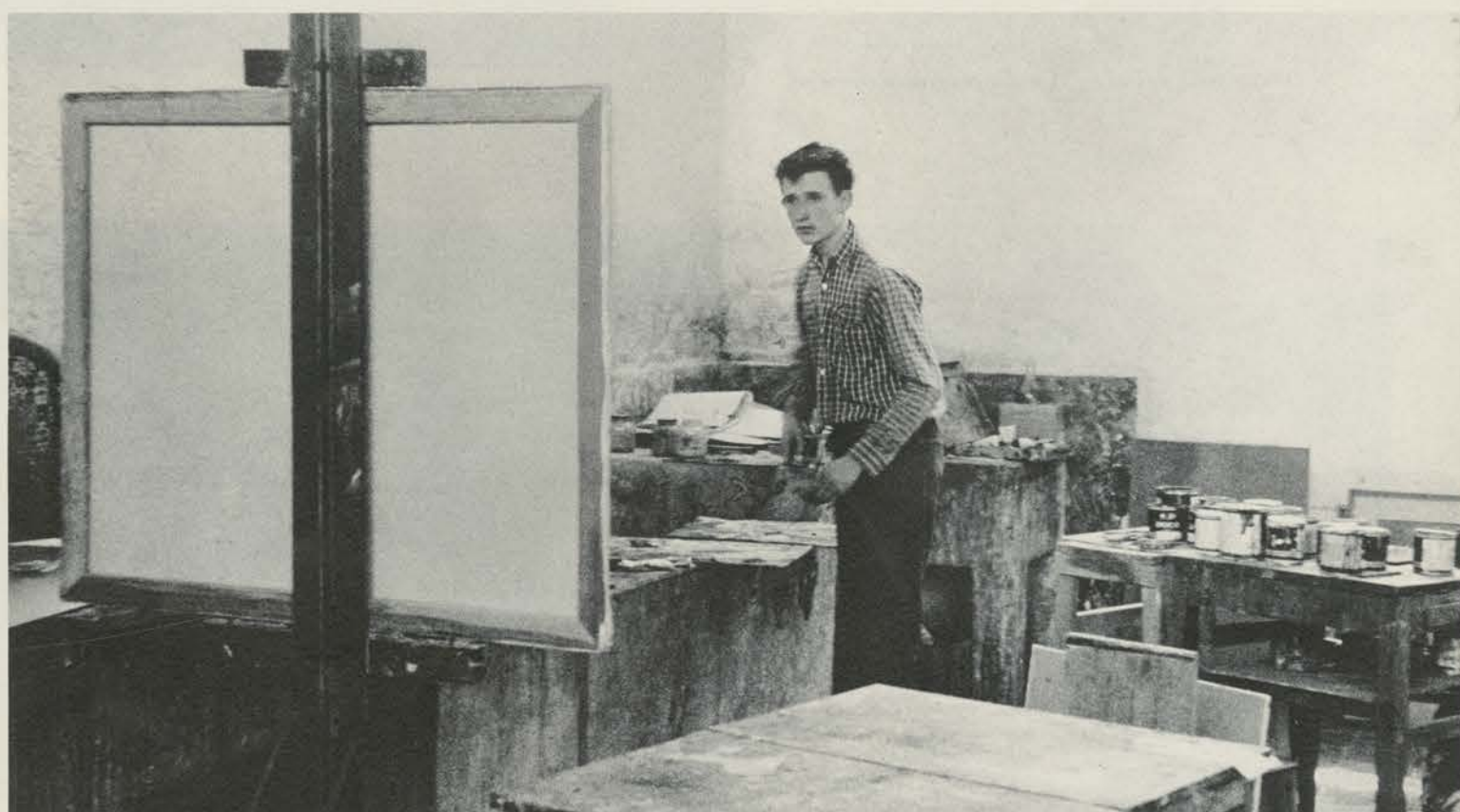
Класс ваия.

С книжкой в Центральном парке.

Юный абстракционист.

Молодой художник перед мольбертом.

ЗА УЧЕНЬЕМ
СТАРЫЕ И МАЛЫЕ
(продолжение)

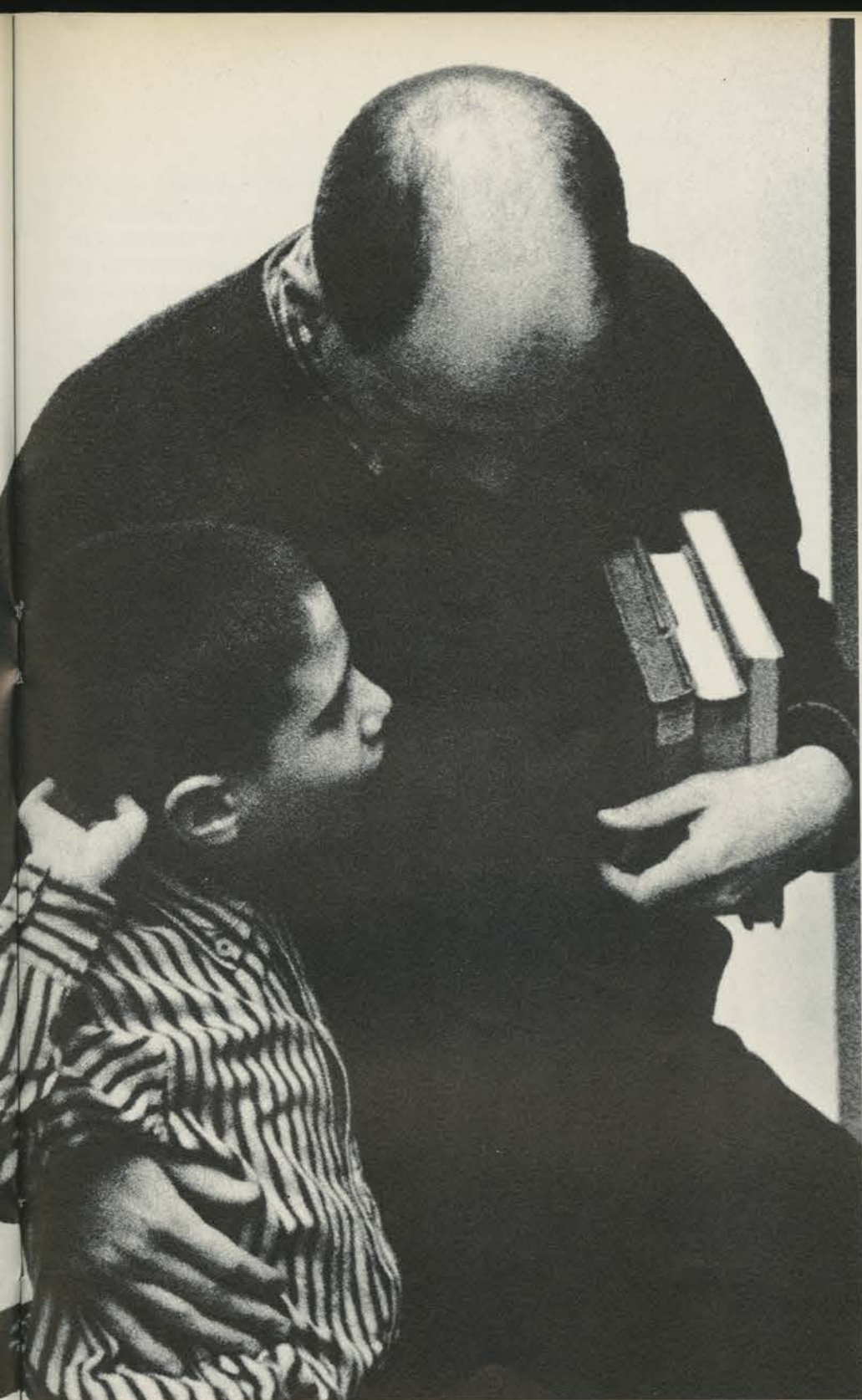

Отец с сыном у картины Джексона Поллока.

Студент художественного училища за работой.

Семья наслаждается музыкой.

Неперившаяся танцовщица.

Интересная книга.

Будущий архитектор.

Заглянув в тайники своей души, писатель Джеймс Болдуин со свойственной художнику проникательностью анализирует современный мир.

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС Пожалуй, основная отличительная черта художника состоит в том, что он должен активно культивировать состояние одиночества, по необходимости избегаемое большинством людей. Было бы банально утверждать, что все люди в трудную минуту бывают одиноки — эту истину часто повторяют и все же довольно редко в нее верят. Обычно мы недолго испытываем чувство одиночества, иначе оно может парализовать всю нашу деятельность. Испокон веков нужно было осушать болота, строить города, рыть шахты, кормить детей — все это невозможно осуществить в одиночку. Но человек рожден не только для освоения окружающего его мира, он должен также осваивать неизведанные недра собственной души. Потому-то на плечах художника лежит ответственная задача: осветить эту тьму, проложить путь через этот дремучий лес, чтобы мы в любых случаях жизни не теряли из виду цели. А цель эта — сделать мир более пригодным для человеческого существования.

Состояние одиночества не должно ассоциироваться с уединенными размышлениями меланхолика на лоне природы, на лужайке возле речки. Я в данном случае говорю об одиночестве, похожем на одиночество рождения или смерти. Оно близко к страшному одиночеству, читаемому в глазах страдающего, которому не можешь помочь. Или к одиночеству любви, этой таинственной силы, которую столько раз прославляли или проклинали, но которую никто не сумел постигнуть и которой никто не научился управлять. Говоря так, я не хочу возбуждать жалость к художнику (Боже меня сохрани!), я хочу лишь, хотя бы приблизительно, показать его устремления, хочу дать понять, насколько, в конечном счете, его состояние свойственно всем людям. Рождение, страдание, любовь и смерть — все это крайние состояния, крайние, всеобщие и неизбежные. Все мы знаем это, как бы ни хотели не знать. В том-то и состоит задача художника: исправлять заблуждения, жертвой которых мы становимся, пытаясь этого знания избежать.

Именно потому человечество веками вело борьбу с несправными нарушителями спокойствия — с художником. Сомневаюсь, чтобы в будущем это положение изменилось к лучшему. Ведь все цели общества сводятся к тому, чтобы построить бастион, защитить себя от хаоса внутреннего и внешнего — и этим сделать жизнь сносной и продолжение человеческого рода возможным. И поэтому совершенно неизбежно, что, как только зарождается какая бы то ни было традиция, люди в большинстве своем предполагают, что она существует издавна, и не только не склонны, но и просто неспособны помыслить о каких-либо изменениях в ней. Люди не могут себе представить жизнь без традиций, которые они отождествляют с самими собой. Достаточно им указать, что ломка традиций возможна и нужна, как наступает естественная реакция — паника. Такую панику, кажется мне, можно сейчас наблюдать повсюду: от уличных демонстраций в наших южных городах до кровавых схваток за океаном. Единственная наша надежда на уменьшение ущерба и числа жертв — это развитие более высокой сознательности людей.

Художник во многом отличается от всех других ведущих деятелей общества — политиков, законодателей, педагогов, ученых и им подобных: он сам является опытной лабораторией, работая по строгим, хотя и неписанным правилам, и ничто не в состоянии удержать его от выставления на показ всего, что ему удастся открыть в тайниках человеческого существования. Общество может ошибочно принимать нереальное за реальность, но художник всегда должен знать, что за видимой реальностью скрывается иная, более глубокая, и что все наши действия и достижения обусловлены тем, что недоступно глазу смертного. По природе своей общество не может сомневаться в собственной прочности, но деятель искусств обязан сознавать, что все не вечно под луной, и делиться этим знанием с другими. Разве можно строить школу, учить ребенка или управлять автомобилем, не основываясь на фактах, не нуждающихся в доказательствах? Но художник не смеет брать ничего на веру; он должен проникать в сердцевину любого готового ответа и находить скрывающийся в этом ответе вопрос.

Здесь мне могут возразить, что я слишком преувеличиваю роль людей, которых, как известно из истории, презирают при жизни и прославляют после смерти. Но в каком-то смысле эти запоздалые

почести, которые любое общество оказывает своим художникам и писателям, говорят о правоте моих утверждений. Постараемся уяснить природу ответственности деятеля искусств перед обществом. Своеобразие этой ответственности и заключается в том, что художник обязан непрестанно вести борьбу с обществом — ради него и ради себя. Ибо вопреки очевидным фактам и вопреки нашим упованиям, все абсолютно находится в процессе изменения, и наша зрелость как национальная, так и индивидуальная измеряется тем, в какой степени мы готовы принять эти изменения, а потом уже воспользоваться ими себе на благо.

Каждый, кому приходилось над этим задумываться — например, тот, кто бывал влюблен, — знает, что видишь лица всех, кроме своего собственного. Твоя возлюбленная, твой брат или твой враг — все они видят твое лицо и читают на нем твои самые необыкновенные переживания. Наши действия и наши эмоции вызываются, как правило, необходимостью — мы отвечаем за свои поступки, однако мы их редко понимаем. Если бы мы себя лучше понимали, мы нанесли бы себе куда меньше вреда — это вряд ли нуждается в доказательствах. Однако наши знания о своем «я» мы скрываем от себя за высоким забором. О многом мы преднамеренно ничего не хотим знать. Мы живем в обществе и иначе жить не в состоянии, но ради общественного существования нам приходится от многого отказываться, и все мы без исключения боимся тех внутренних сил в нас самих, которые угрожают нашей весьма сомнительной безопасности. Силы, однако, помимо нашей воли остаются в нас, и мы с ними миримся — иного выхода у нас нет. Постичь это нельзя, если не хочешь признать правду о самом себе, а правда эта всегда расходится с тем, чем человек хотел бы быть. Нужно стараться как-то примирить эти две реальности — существующее и желаемое. Вот почему мы больше всего уважаем (а порой и больше всего боимся) тех, кто наиболее сильно, глубоко и интимно связан с такими стараниями: ибо в них чувствуется непоколебимая авторитетность людей, видевших и вынесших самое тяжелое. И тот народ наиболее здоров, который испытывает наименьшую необходимость не доверять этим людям, изгонять их из своей среды, преследовать их — тех, кого, как я уже сказал, мы почитаем посмертно, потому что где-то в глубине души мы знаем, что жить без них мы не можем.

Подвизаться на поприще искусств в Америке не более опасно, чем в любом другом углу земного шара, однако подстерегающие художника опасности у нас особого рода. Они — продукт нашей истории. Ведь во время освоения нашего континента не допускался тот особый род одиночества, о котором я говорил, — одиночества, в котором человек открывает, что жизнь трагична и поэтому — именно поэтому — невыразимо прекрасна. А что такой запрет типичен для всех складывающихся наций, будет, я не сомневаюсь, продемонстрировано в разных формах на протяжении ближайших пятидесяти лет. Покорение нашего континента человеком закончено, но привычки и опасения нас не оставляют. И совершенно так же, как человек, чтобы стать существом общественным, видоизменяет и приглаживает свой неизведанный внутренний хаос, подавляет его, а в конце концов даже малодушно жлет себе о нем, — так и мы в целом как нация поступали с темными силами нашей истории. Известно, что человек, неспособный сказать себе правду о своем же прошлом, в этом прошлом запутывается, становится парализованным пленником своего неоткрытого «я». То же можно сказать и о нациях. Страдающий таким параличом отдельный индивидум бывает неспособен разобраться в своих слабых и сильных сторонах и часто даже принимает одни за другие. Именно это сейчас с нами происходит. Мы сильнейшая нация Западного мира, но наша сила не в том, в чем мы ее видим, а в том, что мы обладаем возможностью, какой нет ни у одной другой нации: возможностью переступить границы расовых, классовых и кастовых концепций, свойственных Старому Свету, и осуществить наконец то, что наверно было у нас на уме, когда мы впервые заговорили о Новом Свете. Но добиться этого не так-то просто. Нужно сперва заглянуть в прошлое, мысленно пройти все этапы от зарождения нашего общества до сегодняшнего дня и честно и смело подвести итоги. Художник в свою очередь должен особенно внимательно проанализировать образы людей, сложившиеся в ходе истории страны. Общество не подозревает, что борющийся с ним художник в сущности влюблен в него. И при удаче художник пожинает плоды влюбленного: познает до конца предмет своей любви и этим обретает подлинную свободу. ▼

ХУДОЖНИК РАБОТАЕТ В ОДИНОЧЕСТВЕ

Скрипач Исаак Стерн, выступавший во всех концах мира: «Мне всегда немного жаль тех, кому не приходится иметь дело с музыкой. . . Музыкант должен с помощью своего инструмента передавать восторг и радость, а не пользоваться музыкой для игры на инструменте».

Художник Виллем де Кунинг, признанный всеми глава абстрактных экспрессионистов: «Я не стараюсь быть виртуозом, но творить я должен быстро. Творческий процесс — не игра в покер, где есть время набрать желаемую комбинацию карт. Творить — это игра в кости: кинул — и изменить уж ничего нельзя».

Скульптор Эрнесто Гонзалес Херес, родившийся в Кубе и проживающий сейчас в Новой Англии: «Когда я открыл возможности ацетиленовой горелки, я сразу понял, что надо забыть приобретенные знания и начать все заново. До сих пор я продолжаю экспериментировать. И впереди лежит еще длинный путь».

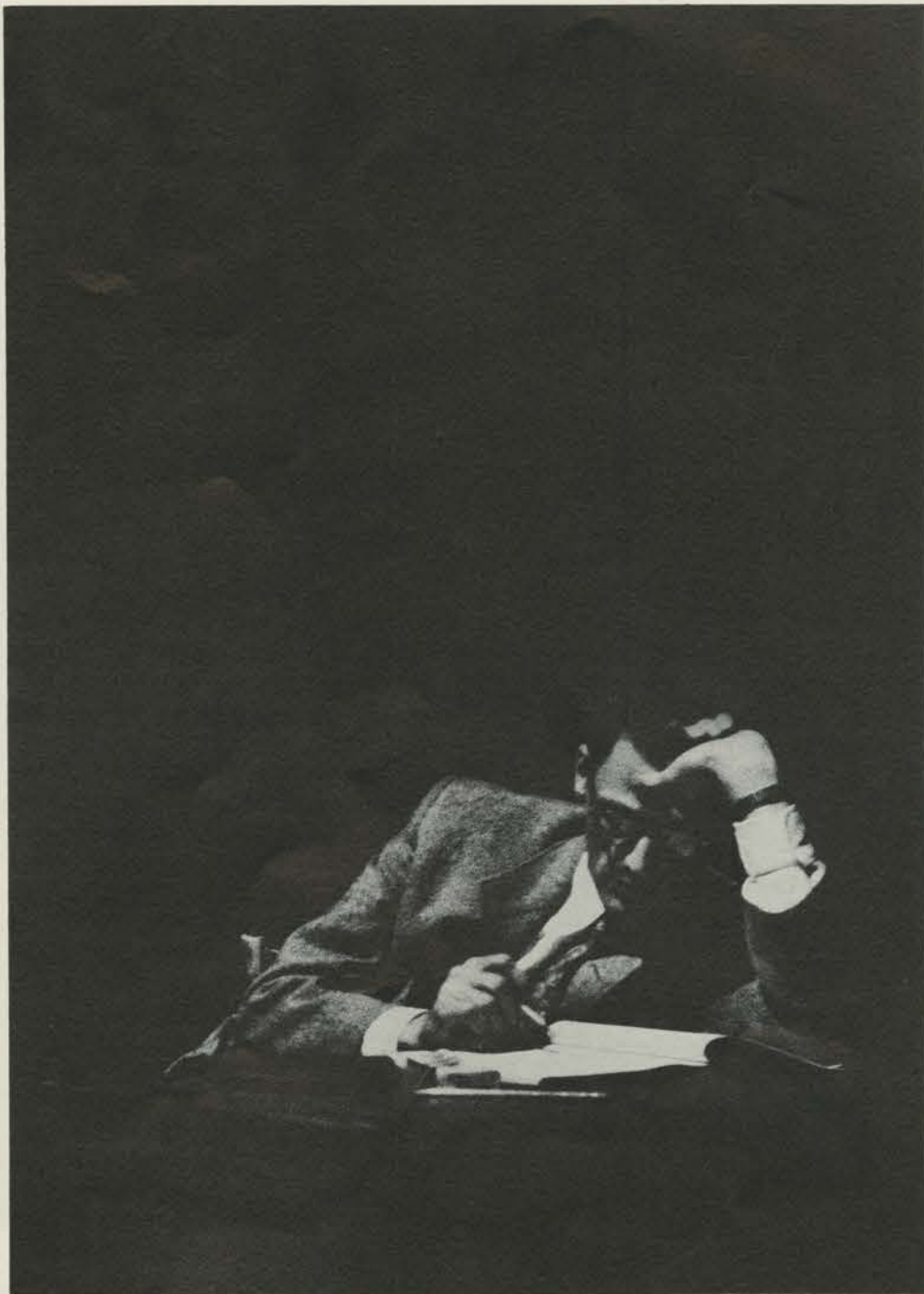
Поэтесса Марианна Мор, любительница животного мира и большая поклонница бейсбола: «Если с самого начала не удастся целиком уйти в работу, продолжать уже нет никакого смысла. Это относится ко всему: к стихам и прозе. Потому я очень придирчива к своим первым строчкам».

**ХУДОЖНИК РАБОТАЕТ
В ОДИНОЧЕСТВЕ**
(продолжение)

Актер Сидней Пуатье, который, выйдя на сцену, становится в два раза выше: «Для меня самое главное — это то, что дает мне исполняемая роль... Я готов работать всюду: в театре, кино, телевидении. Но пьеса должна быть высококачественной, выпуклой, освещающей и хорошие стороны жизни».

Художник Ричард Дибенкорн мастер портрета и пейзажа: «Главное — контраст и взаимосвязь окружения с человеческой фигурой. Мне кажется, что моя модель создает окружение, которое в свою очередь меняет и преобразует ее, а порой даже поглощает».

Драматург Артур Миллер, посвящающий свое творчество тайникам человеческой души: «Пьесы бывают двух родов. Одни повествуют о том, что вы знаете, другие показывают, с каким трудом и какой борьбой вы приобрели эти знания. Именно эти «другие» я и стараюсь писать».

Карикатурист Сол Стейнберг, любящий говорить иносказательно: «Все, что существует без души и целеустремленности, будь то общество, министерство или музей, напоминает мне крокодила. Я сажусь на него верхом и пытаюсь превратить в доброе чудовище».

Скульптор Александр Колдер,
создатель «мобилей»:
«Я считаю себя реалистом,
потому что я делаю то,
что вижу. А видеть и есть
самое главное... Если вы себе
представляете предмет,
отчетливо воображаете его
в пространстве, вы
можете его сделать. И тем
самым вы моментально
становитесь реалистом».

Кинорежиссер Джон Хьюстон,
который своим честным
подходом к искусству достиг
мастерства: «Для меня
ставить картину —
увлекательная игра, которая
доставляет мне удоволь-
ствие. Я рассуждаю просто:
если картина меня
увлекает — значит, она
попадется и многим
мне подобным».

УОЛДЕН

ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО

Книга Генри Дэвида Торо (1817–1862) «Уолден, или Жизнь в лесах» стала для американцев чем-то вроде Библии, и они часто черпают из нее духовную поддержку. Отказавшись от мирских сует, Торо поселился на берегу лесного озера неподалеку от Конкорда в Новой Англии. Построив своими руками хижину, он провел там два года, которым и посвятил эту книгу. В ней он делится с читателем опытом, приобретенным в те уединенные годы, показывает, сколь красива и содержательна может быть жизнь, если человек довольствуется самым малым. Книга полна тонких, остроумных афоризмов, которыми по праву гордится американская литература. Их образцом может служить высказывание автора о его жизни в этих краях: «Жизнь в Конкорде была для меня большим путешествием».

Для лиц, изучающих английский язык, мы помещаем несколько отрывков из книги Торо. Мы будем весьма признательны читателям, если они сообщат, какой материал может быть им полезен для изучения английского языка. Адрес редакции указан под оглавлением номера.

Some have asked what I got to eat; if I did not feel lonesome; if I was not afraid; and the like. Others have been curious to learn what portion of my income I devoted to charitable purposes; and some, who have large families, how many poor children I maintained. I will therefore ask those of my readers who feel no particular interest in me to pardon me if I undertake to answer some of these questions in this book. In most books, the I, or first person, is omitted; in this it will be retained; that, in respect to egotism, is the main difference. We commonly do not remember that it is, after all, always the first person that is speaking. I should not talk so much about myself if there were anybody else whom I knew as well. Unfortunately, I am confined to this theme by the narrowness of my experience. Moreover, I, on my side, require of every writer, first or last, a simple and sincere account of his own life, and not merely what he has heard of other men's lives; some such account as he would send to his kindred from a distant land; for if he has lived sincerely, it must have been in a distant land to me. Perhaps these pages are more particularly addressed to poor students. As for the rest of my readers, they will accept such portions as apply to them. I trust that none will stretch the seams in putting on the coat, for it may do good service to him whom it fits.

* * *

I went to the woods because I wished to live deliberately, to front only the essential facts of life, and see if I could not learn what it had to teach, and not, when I came to die, discover that I had not lived. I did not wish to live what was not life, living is so dear; nor did I wish to practice resignation, unless it was quite necessary. I wanted to live deep and suck out all the marrow of life, to live so sturdily and Spartan-like as to put to rout all that was not life, to cut a broad swath and shave close, to drive life into a corner, and reduce it to its lowest terms, and, if it proved to be mean, why then to get the whole and genuine meanness of it, and publish its meanness to the world; or if it were sublime, to know it by experience, and be able to give a true account of it in my excursion.

* * *

I say, beware of all enterprises that require new clothes, and not rather a new wearer of clothes. If there is not a new man, how can the new clothes be made to fit? If you have any enterprise before you, try it in your old clothes. All men want, not something to *do with*, but something to *do*, or rather something to *be*. Perhaps we should never procure a new suit, however ragged or dirty the old, until we have so conducted, so enterprised or sailed in some way, that we feel like new men in the old, and that to retain it would be like keeping new wine in old bottles.

* * *

Public opinion is a weak tyrant compared with our own private opinion. What a man thinks of himself, that it is which determines, or rather indicates, his fate. . . .

It is never too late to give up our prejudices. No way of thinking or doing however ancient, can be trusted without proof. What everybody echoes or in silence passes by as true today may turn out to be

falsehood tomorrow, mere smoke of opinion, which some had trusted for a cloud that would sprinkle fertilizing rain on their fields. What old people say you cannot do, you try and find that you can. Old deeds for old people, and new deeds for new. Old people did not know enough once, perchance, to fetch fresh fuel to keep the fire a-going; new people put a little dry wood under a pot, and are whirled round the globe with the speed of birds, in a way to kill old people, as the phrase is. Age is no better, hardly so well, qualified for an instructor as youth, for it has not profited so much as it has lost. One may almost doubt if the wisest man has learned anything of absolute value by living. Practically, the old have no very important advice to give the young, their own experience has been so partial. . . . I have lived some thirty years on this planet, and I have yet to hear the first syllable of valuable or even earnest advice from my seniors. They have told me nothing, and probably cannot tell me anything to the purpose. Here is life, an experiment to a great extent untried by me; but it does not avail me that they have tried it. If I have any experience which I think valuable, I am sure to reflect that this my Mentors said nothing about.

One farmer says to me, "You cannot live on vegetable food solely, for it furnishes nothing to make bones with"; and so he religiously devotes a part of his day to supplying his system with the raw material of bones; walking all the while he talks behind his oxen, which, with vegetable-made bones, jerk him and his lumbering plow along in spite of every obstacle.

* * *

For a long time I was reporter to a journal, of no very wide circulation, whose editor has never yet seen fit to print the bulk of my contributions, and, as is too common with writers, I got only my labor for my pains. However, in this case my pains were their own reward.

For many years I was self-appointed inspector of snowstorms and rainstorms, and did my duty faithfully; surveyor, if not of highways, then of forest paths and all across-lot routes, keeping them open, and ravines bridged and passable at all seasons, where the public heel had testified to their utility.

I have looked after the wild stock of the town, which give a faithful herdsman a good deal of trouble by leaping fences; and I have had an eye to the unfrequented nooks and corners of the farm; though I did not always know whether Jonas or Solomon worked in a particular field today, that was none of my business. I have watered the red huckleberry, the sand cherry and the nettle-tree, the red pine and the black ash, the white grape and the yellow violet, which might have withered else in dry seasons.

In short, I went on thus for a long time (I may say it without boasting), faithfully minding my business, till it became more and more evident that my townsmen would not after all admit me into the list of town officers, nor make my place a sinecure with a moderate allowance.

* * *

Society is commonly too cheap. We meet at very short intervals, not having had time to acquire any new value for each other. We meet at meals three times a day, and give each other a new taste of that old musty cheese that we are. We have had to agree

on a certain set of rules, called etiquette and politeness, to make this frequent meeting tolerable and that we need not come to open war. We meet at the post office, and at the sociable, and about the fireside every night; we live thick and are in each other's way, and stumble over one another, and I think that we thus lose some respect for one another. Certainly less frequency would suffice for all important and hearty communications. Consider the girls in a factory — never alone, hardly in their dreams. It would be better if there were but one inhabitant to a square mile, as where I live. The value of a man is not in his skin, that we should touch him.

* * *

I think that I love society as much as most, and am ready enough to fasten myself like a bloodsucker for the time to any full-blooded man that comes in my way. I am naturally no hermit, but might possibly sit out the sturdiest frequenter of the barroom, if my business called me thither.

I had three chairs in my house; one for solitude, two for friendship, three for society. When visitors came in larger and unexpected numbers there was but the third chair for them all, but they generally economized the room by standing up. It is surprising how many great men and women a small house will contain. I have had twenty-five or thirty souls, with their bodies, at once under my roof, and yet we often parted without being aware that we had come very near to one another.

* * *

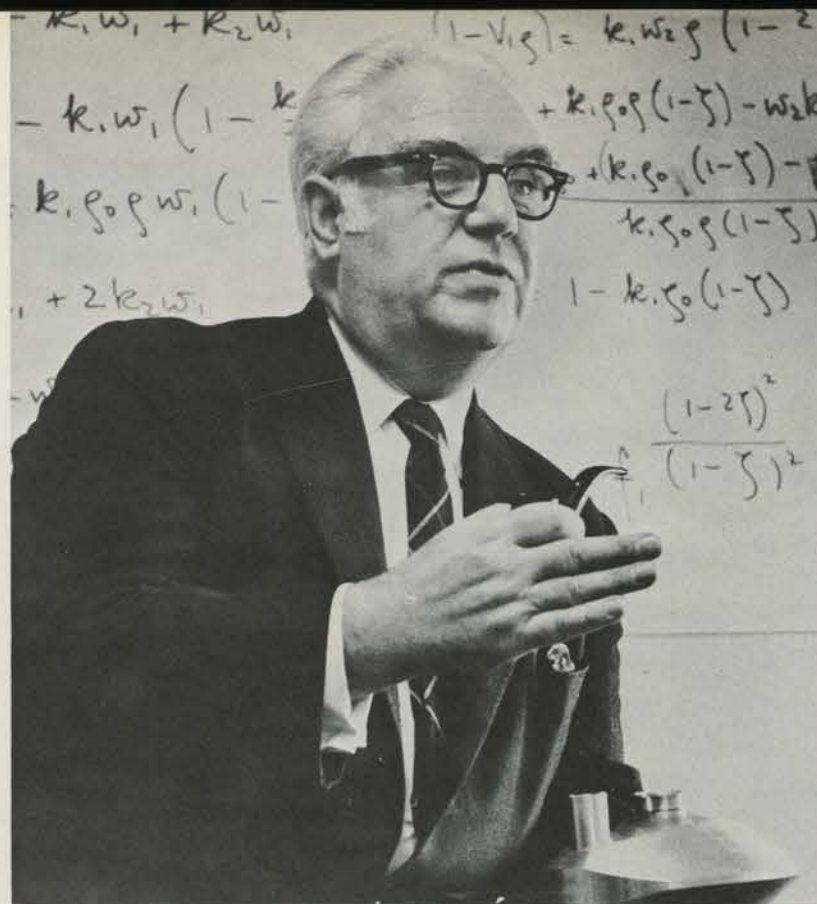
I did not read books the first summer; I hoed beans. Nay, I often did better than this. There were times when I could not afford to sacrifice the bloom of the present moment to any work, whether of the head or hands. I love a broad margin to my life. Sometimes, in a summer morning, having taken my accustomed bath, I sat in my sunny doorway from sunrise till noon, rapt in a reverie, amidst the pines and hickories and sumachs, in undisturbed solitude and stillness, while the birds sang around or flitted noiseless through the house, until by the sun falling in at my west window, or the noise of some traveler's wagon on the distant highway, I was reminded of the lapse of time. I grew in those seasons like corn in the night, and they were far better than any work of the hands would have been. They were not time subtracted from my life, but so much over and above my usual allowance. I realized what the Orientals mean by contemplation and the forsaking of works. For the most part, I minded not how the hours went. The day advanced as if to light some work of mine; it was morning, and lo, now it is evening, and nothing memorable is accomplished. Instead of singing like the birds, I silently smiled at my incessant good fortune. . . . This was sheer idleness to my fellow-townsmen, no doubt; but if the birds and flowers had tried me by their standard, I should not have been found wanting. A man must find his occasions in himself, it is true. The natural day is very calm, and will hardly reprove his indolence.

* * *

We might try our lives by a thousand simple tests; as, for instance, that the same sun which ripens my beans illumines at once a system of earths like ours. If I had remembered this it would have prevented some mistakes. This was not the light in which I hoed them. The stars are the apexes of what wonderful triangles! What distant and different beings in the various mansions of the universe are contemplating the same one at the same moment! Nature and human life are as various as our several constitutions. Who shall say what prospect life offers to another? Could a greater miracle take place than for us to look through each other's eyes for an instant? We should live in all the ages of the world in an hour; ay, in all the worlds of the ages. History, Poetry, Mythology! — I know of no reading of another's experience so startling and informing as this would be. ▼

ЯДЕРНЫЙ ФИЗИК ПОЛИКАРП КУШ: «Мировые океаны содержат достаточное количество водорода, чтобы обеспечить человечество энергией на сотни тысяч лет — надо только добиться контролируемой термоядерной реакции».

ХИМИК ЧАРЛЗ О. БЕКМАНН: «Быстро развивающееся искусство синтеза сложных химических соединений несомненно приведет к созданию новых, поразительных промышленных материалов, более эффективных медикаментов...»

ЧУДЕСА НАУКИ И ВОЗМОЖНОСТИ БУДУЩЕГО

ЛОУРЕНС ГАЛТОН

Каковы «чудеса света» в наше время? «Мощные ракеты, ускорители заряженных частиц, исследовательские реакторы с высокой плотностью нейтронного потока — вот символы нашего века», — говорит доктор физических наук Алвин М. Уэйнберг, директор Национальной лаборатории в Ок-Ридже (Теннесси).

Науке сейчас, бесспорно, принадлежит небывалая роль, и значение ее увеличивается все больше и больше. В 1960 году высшие учебные заведения, государство и промышленные предприятия США израсходовали на научные изыскания 12 миллиардов долларов, то есть в четыре раза больше, чем в 1950 году. Более того: ожидается, что в течение следующих десяти лет соответствующие расходы по меньшей мере удвоятся. Сейчас они составляют 15 миллиардов долларов в год. Деньги эти идут на осуществление огромного числа научных проектов в самых разнообразных отраслях — от космических полетов до повышения качества предметов домашнего обихода. Девяносто процентов всех известных в истории мира ученых живет и трудится именно в наши дни.

За последние тридцать лет наука дала нам радиолокаторы, антибиотики, космические корабли, атомные суда, полупроводники, полимеры, электронно-вычислительные устройства. Что даст нам наука завтра? В надежде получить ответ на этот вопрос, я проинтервьюировал нескольких видных ученых Колумбийского университета, в котором ведутся научно-исследовательские работы во многих отраслях знания. В результате передо мной предстала захватывающая картина современного состояния физики, химии, биологии и медицины, и раскрылись перспективы дальнейших успехов.

Физике, бесспорно, принадлежит главная роль в наш век, ставший благодаря ей «веком атома». Развиваясь в многочисленных направлениях, физика, однако, сталкивается со множеством новых проблем. Я попросил высказаться по этому поводу одного из ведущих американских ученых, декана физического факультета Колумбийского университета доктора Поликарпа Куша, удостоенного Нобелевской премии за исследования магнитных свойств электрона.

«В области физики перед нами открываются важные проблемы, — сказал профессор Куш. — В частности строение атома. Не так давно структура атома казалась относительно простой: небольшое состоящее из нейтронов и протонов ядро, вокруг которого вращаются электроны.

«Но за последние пятнадцать лет — благодаря бомбардировке ядра нейтронами и другим методам — мы обнаружили ряд новых частиц, и сейчас число известных частиц перевалило за двадцать. Обычно они существуют недолго: появляются, вступают в реакцию с материей и исчезают. Возникает вопрос: какова природа этих частиц и какова их роль?»

«Или возьмем другую область: силу тяготения. Она не поддается нашему

контролю, мы не умеем ее изменять, подобно магнитическим и электрическим полям. Строго говоря, со времен Ньютона мы ничего нового не узнали о гравитационных свойствах материи».

Неизвестно, когда произойдет сдвиг в этих областях: лет через тридцать, лет через десять или даже того быстрее. Возможно, не сегодня-завтра ученым посчастливится сделать ключевое открытие, последствия которого никто из нас не в силах предвидеть.

«Есть все основания предполагать, — продолжал доктор Куш, — что в ближайшем будущем удастся достигнуть значительных результатов во многих отраслях физики. В частности, например, в физике твердых тел».

ФИЗИКА ТВЕРДЫХ ТЕЛ

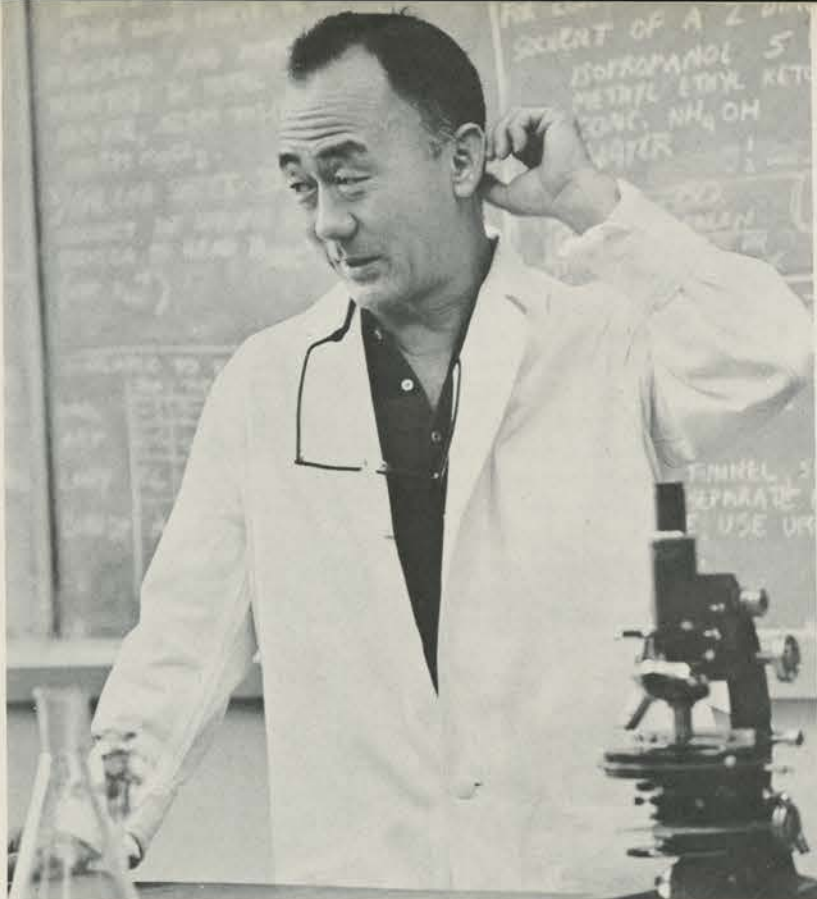
Эта область физики, имеющая дело с электрическими, магнитными и другими свойствами материи в твердом состоянии, дала нам уже полупроводники. Они избавили электронику от необходимости применения больших, хрупких и неэкономичных электронных ламп. Использование полупроводников открыло огромные возможности по созданию электронных вычислителей, радиоприемников-лилпуттов и слуховых аппаратов таких миниатюрных размеров, что их легко скрыть в оправе очков.

За последнее время, благодаря успехам физики твердых тел, появился ряд других подобных устройств, и работы в этом направлении продолжают. Недалек тот час, когда в быт войдет комбинированный радиоприемник-передатчик величиной с наручные часы и видеотелефон с телеэкраном вытеснит своего слепого предка.

«Физика твердых тел дала нам множество новых материалов, — отметил профессор Куш, — металлов, керамических и других соединений, обладающих небывалыми электронизиционными свойствами, прочностью и т. п. Эти материалы позволят нам произвести коренные перемены в освещении помещений: в домах появятся полупроводниковые светящиеся панели, прочные, выносливые, весьма эффективные. Такие панели имеются уже сейчас, но пока они еще носят экспериментальный характер и экономически себя не оправдывают».

Другой многообещающей отраслью физики является криогеника — физика низких температур. Некоторые металлы и сплавы, охлажденные жидким гелием до сверхнизких температур, перестают оказывать сопротивление потоку электронов. При высоких температурах атомы проводников сильно вибрируют, оказывая сопротивление электрическому току. При охлаждении вибрация прекращается, и проволока из таких материалов становится сверхпроводником, передающим электроэнергию почти без потерь.

На явлении сверхпроводимости основывается, например, проект создания электронного вычислителя, который поместится в морозильной камере размером с футбольный мяч. За таким вычислителем последуют электро-

БИОЛОГ ТЕРУ ХАЯШИ: «Предстоит бурное развитие новой науки — „биохевиористической физиологии“; она, быть может, выяснит причины многих душевных заболеваний и возможности их лечения на биохимическом уровне».

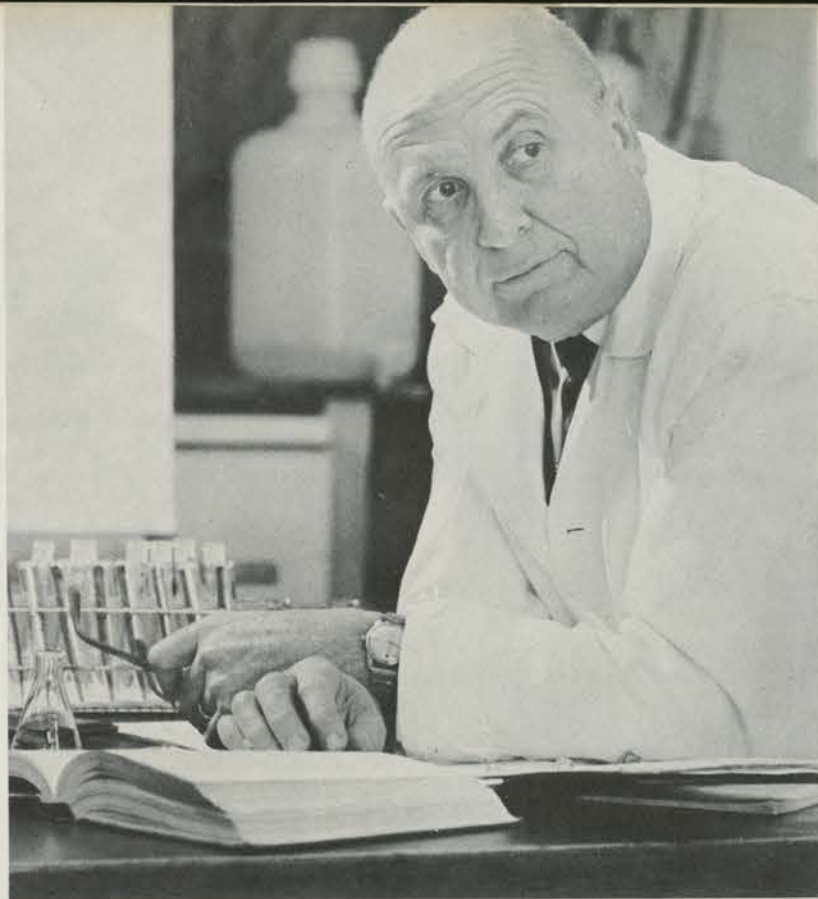
генераторы, по размеру и весу во много раз меньше существующих. Более того, сверхпроводимость позволит создать электромагниты огромной мощности: охлажденный магнит, весящий полкилограмма, будет в два раза сильнее двадцатитонного магнита обычного типа. Такие магниты помогут человеку обуздать термоядерную реакцию — реакцию типа водородной бомбы — и откроют новые возможности производства электроэнергии.

«Для синтеза атомных ядер, — отметил доктор Куш, — водород должен быть доведен до температур, превышающих температуру поверхности Солнца. При таких сверхтемпературах плавится и испаряется любой известный нам материал. Из чего же сделать контейнер, в котором могла бы происходить термоядерная реакция? Единственный выход — создать „магнитную бутылку“. Мировые океаны содержат достаточное количество водорода, чтобы обеспечить человечество энергией на сотни тысяч лет — надо только добиться контролируемой термоядерной реакции».

Сегодня сенсационной новинкой научного и технологического мира является «лазер» — выправляющее световые лучи устройство, которое было открыто три года назад. Обычный свет, например свет электрической лампочки, рассеян и представляет собой беспорядочный пучок световых волн различной длины. Лазер, основа которого состоит из твердого кристалла (например, искусственного рубина) или трубки наполненной газом, направляет лучи строго параллельно друг другу и перестраивает их на одну длину волны. В результате получается когерентный пучок лучей, который можно навести линзой на фокус диаметром не более 80 миллимикрон (или 0,08 микрона) в красном конце спектра. (Такой луч удалось направить на Луну с помощью мощного телескопа и затем вернуть на Землю, отразив от поверхности Луны.) Луч лазера обладает огромной энергией и может пробуривать отверстие в стальной плите или бриллианте. «С помощью лазера, — пояснил профессор Куш, — можно достичь большей концентрации энергии, чем каким-либо другим путем».

Пучок света, получаемый с помощью лазера, образует постоянный сигнальный поток, которым можно будет пользоваться для передачи сведений, как мы сейчас пользуемся радиоволнами. Поскольку частота колебаний луча лазера в несколько тысяч раз выше радиоволновых частот, такой луч мог бы передать во столько же раз большее количество информации. Это открывает колоссальные возможности. Лазер можно использовать для единовременной передачи десятков голосов или телесигналов на огромные расстояния. Теоретически один луч лазера может транслировать такое же количество информации, какое передают все радиостанции, ультракоротковолновые передатчики и телевизионные станции Соединенных Штатов. Сверх того, лазер может стать незаменимым инструментом сверхточной механики или может быть использован при хирургии на уровне клетки и в работах с биологическими препаратами.

«Даже если ближайшие двадцать пять — тридцать лет не ознаменуются новыми достижениями физики, — добавил профессор Куш, — то и в таком случае, думаю, мне, уже существующие теории и методы открывают перед технологами почти неограниченные возможности. Сейчас предстоит освоить огромное количество новой информации и переработать ее в технологическом отношении. Значительная часть современных технологических процессов вполне адекватны, но, я бы сказал, эти знания несколько наивны и далеко не всегда соответствуют современному уровню знаний.

СПЕЦИАЛИСТ ПО ДИЕТЕТИКЕ У. Г. СЕВРЕЛЛ: «Я думаю, что на протяжении жизни следующего поколения человек добьется создания искусственным путем живых организмов, начиная с вируса, чего мы уже почти достигли».

«Мне кажется, что в ближайшем будущем удастся многое сделать в этом направлении. Огромный вклад в дело освоения новых теоретических знаний внесут электронные счетно-аналитические устройства, с помощью которых можно довести конструктивное решение любой машины или сооружения до оптимальных возможностей».

ХИМИЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Современная химия дала миру множество пластических масс, клеев исключительной прочности, искусственных волокон, инсектицидов и гербицидов, высококачественных удобрений и замечательных медикаментов. Декан химического факультета Колумбийского университета Чарльз О. Бекманн считает, что будущее сулит химии еще большие достижения. «За последнее время химия пережила подлинную революцию, — сказал в подтверждение своих слов профессор Бекманн. — Из старомодной стряпни она превратилась в строго научную дисциплину».

В этом процессе решающую роль сыграли два фактора: автоматизация работ в химических лабораториях и применение новейших методов и приборов, заимствованных у физики, в частности использование высокого вакуума и молекулярных пучков при изучении отдельных фаз химических реакций. Раньше химики в основном интересовались только начальными и конечными продуктами химической реакции, теперь они заглядывают значительно глубже. Так например, при изучении молекулярных структур они прибегают к помощи радиолокаторного оборудования.

«Немалую роль в развитии химии играют электронные вычислители, — отметил профессор Бекманн. — Они дают возможность производить сложные вычисления, что в свою очередь помогает нам заранее предсказать свойства соединения, которое будет получено в результате данного химического процесса. Мы добились замечательных результатов в синтезе новых пластиков, смол, клеев и других сложных соединений, обладающих почти любыми желаемыми свойствами: упругостью, хрупкостью, жароустойчивостью и т. д.»

Совсем недавно химики достигли «невозможного». В атмосфере, в числе других благородных газов, имеется ксенон. Наряду с гелием, неоном, аргон и криптоном, ксенон химически инертен, то есть не вступает в соединения с какими-либо другими веществами. Инертность благородных газов, по-видимому, логично объяснялась структурой их молекул. Ныне, однако, удалось получить соединение ксенона со фтором. Так было опровергнуто старое объяснение, и это открывает перед нами большие возможности как в теории, так и на практике.

В последнее время удалось добиться синтеза разновидности пенициллина, что дает возможность создать сотни вариантов удивительного препарата. Четыре варианта синтетического пенициллина уже применяются в борьбе с бактериями, выработавшими иммунитет к обыкновенному пенициллину. Не так давно был впервые произведен полный синтез одного из видов тетрациклинового антибиотика. Экономически производство антибиотиков лабораторным путем не в состоянии конкурировать с обычными процессами ферментации, однако теперь появилась возможность синтеза новых тетрациклиновых антибиотиков, которые не могут быть получены ферментативным способом.

Придаток мозга, или гипофиз, — одна из важнейших желез внутренней

секреции — выделяет ряд ценнейших гормонов. Часть их теперь уже получена искусственным путем. Один из синтезированных гормонов обещает облегчить положение людей, страдающих полнотой, так как он, кажется, контролирует отложение жировых веществ в организме.

«Быстро развивающееся искусство синтеза сложных химических соединений, — сказал профессор Бекманн, — несомненно приведет к созданию новых, поразительных промышленных материалов, более эффективных медикаментов — многие из них будут революционными — и действенных средств борьбы с заболеваниями растений и животных, равно как и средств повышения их продуктивности.

«Химия все больше и больше сливается с биологией. Химические методы оказались в высшей степени полезными при изучении биологических систем. Это привело к новому пониманию органического мира с молекулярной точки зрения».

БИОЛОГИЯ — НАУКА БУДУЩЕГО

Из бесед с профессорами Кушем и Бекманном я убедился, что они многого ждут от биологии, которую теперь все чаще называют «наукой будущего». Выдающийся биолог профессор Теру Хаяши, сотрудник факультета зоологии Колумбийского университета, известен своими изысканиями в области химии и физики мышечной деятельности. Его работы оказались особенно важными для выяснения причин мускульной дистрофии и некоторых других заболеваний, в том числе и ряда сердечных.

«В будущем биология воспитает целое поколение гигантов науки, — восторженно сказал он. — Мы лишь начинаем пожирать плоды применения добытых физикой и химией знаний к изучению органического мира. Возьмем, например, химический микроанализ, с помощью которого ученые сейчас изучают структуру и процессы синтеза биохимических веществ в организме. Он позволяет определить и измерить бесконечно малые количества веществ, и благодаря ему, а также методу рентгеновской дифракции, помогающей распознавать пространственное расположение атомов в молекулах живого организма, удалось установить молекулярную структуру дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК).

«ДНК — носитель „кода жизни“. Как теперь установлено, одна субмикроскопическая молекула ДНК содержит в себе столько информации, что их хватило бы на сто томов. Над расшифровкой этого „кода“, определяющего форму, функции и наследственные характеристики организма, и работают сейчас ученые».

По мнению некоторых ученых, путем анализа ДНК в живой клетке можно будет определить, подвержен ли данный человек раку и другим заболеваниям, равно как установить, что процесс старения организма зависит от происходящих с течением времени изменений генетического «кода» и что такие изменения можно будет предупреждать.

Подобно многим другим биологам, доктор Хаяши верит в возможность контролировать наследственность. «Можно мечтать, — говорит он, — что со временем мы научимся с помощью сверхточных инструментов уничтожать в сперматозоиде нежелательные гены или изменять наследственные признаки путем химического воздействия на молекулу ДНК».

Профессор Хаяши предвидит значительный сдвиг и в другом направлении. Развитие человеческого организма начинается с одной клетки, а в зрелом возрасте наш организм состоит из миллиардов высокоспециализированных клеток. Какие механизмы управляют процессом дифференциации, приводящей, например, к тому, что рука становится именно рукой?

«Механизмы эти, — говорит профессор Хаяши, — будут в конце концов разгаданы. Быть может, удастся достичь искусственной регенерации клеток. За последние пятьдесят лет мы кое-что узнали о происходящих в живой клетке биохимических процессах. Но мы все еще мало знаем о взаимодействии различных химических реакций в клетке. Именно в этом направлении и работают сейчас биохимики. Возможно, что путем регулирования химических реакций удастся создать тот или другой вид клеток».

Профессору Хаяши не дает покоя следующая проблема:

Наседка несколько недель сряду заботливо высидывает яйца и как будто все свое внимание уделяет тому, чтобы время от времени переворачивать их, словно понимает, что иначе ей цыплят не вывести. Можно, конечно, объяснять такое поведение курицы материнским инстинктом. Но присмотритесь к ней внимательней, и вы найдете, что у курицы во время яйцекладки усиливается деятельность гормонов, вызывающая ощущение жара в области грудной клетки. Прикосновение к прохладной поверхности яйца действует успокоительно. Вот почему, прижимаясь к яйцу, курица переворачивает их, когда они нагреваются: она ищет сторону попрохладнее. Конечный результат: развитие оплодотворенного яйца.

«Любая форма поведения, — подчеркивает профессор Хаяши, — имеет биологическую основу. Мы только начинаем это понимать. Только недавно, например, было установлено, что каждый раз, когда реагирует нерв — когда мы что-то услышали, или увидели, или сделали какое-нибудь движение, — в головном мозгу и в центральной нервной системе выделяются гормоны и что эти гормоны, как и гормоны надпочечной и других желез внутренней секреции, влияют на поведение всего организма.

«Биологические факторы, кажется мне, играют чрезвычайно важную роль в той сфере деятельности, что мы называем разумным или эмоциональным поведением. В ближайшие два-три десятилетия, по-моему, надо ожидать важнейших открытий в этой области. Предстоит бурное развитие новой науки — „биохевоистической физиологии“, или „физиологии пове-

дения“; она, быть может, выяснит причины многих душевных заболеваний и возможности их лечения на биохимическом уровне».

УСПЕХИ МЕДИЦИНЫ

Физика оказывает влияние на развитие химии, и обе дисциплины в свою очередь влияют на биологию. А удел биологии, похоже на то, — произвести радикальный переворот в медицине. Ученые-врачи, в том числе доктор У. Г. Себрелл, признают, как велико, по-видимому, будет влияние биологии на медицину. Профессор Колумбийского университета доктор Себрелл занимает ныне кафедру диететики на факультете здравоохранения и возглавляет Институт диетических наук. Он пользуется мировой известностью за основополагающие труды по изучению пеллагры и болезней, обусловленных недостатком рибофлавина. В прошлом, с 1950 по 1955 год, профессор Себрелл занимал пост директора Национальных институтов здравоохранения в Бетезде (пригороде Вашингтона).

Как и профессор Хаяши, он придает огромное значение современным исследованиям в области генетики. «В течение ближайших тридцати лет, — сказал мне доктор Себрелл, — мы, вероятно, научимся расщеплять молекулу и видоизменять ее в целях улучшения врожденных характеристик индивида. Эта область — изменение элементов клетки — представляется весьма многообещающей в борьбе с раком и вирусными заболеваниями.

«Не все раковые заболевания вызываются одними и теми же факторами. Это, вероятно, целый комплекс различных заболеваний. Но некоторые из них бесспорно вирусного происхождения, тогда как другие, быть может, вызываются изменениями структуры генетического материала. Я думаю, что на протяжении жизни следующего поколения человек добьется создания искусственным путем живых организмов, начиная с вируса, чего мы уже почти достигли. Если же можно создать вирус, то можно создать и убивающее его вещество. А это в свою очередь даст возможность пресечь размножение некоторых раковых клеток».

Профессор Себрелл предвидит и другие достижения, которые явятся результатом синтеза вирусов. «Если удастся произвести синтетические вирусы, то можно будет заставить организм реагировать на них путем образования защитных антител. Так мы сможем создавать иммунитет по отношению к любым патогенным вирусам».

Мы перешли к другим отраслям медицины. Профессор Себрелл считает весьма вероятным, что удастся разгадать тайну душевных заболеваний. Причиной шизофрении, например, может оказаться аномальный обмен микроскопически малых и поэтому до сих пор еще не обнаруженных веществ в головном мозгу.

«Вполне вероятно также, — продолжал ученый, — что мы научимся понимать механизм развития отдельных органов. Это даст нам возможность вырастить снова ампутированную конечность. Когда какой-либо орган растет, он увеличивается до определенных размеров и затем рост прекращается. Что останавливает рост? Обратим ли этот процесс? Если оторвать хвост у ящерицы, он, как известно, снова отрастает. А если такой механизм существует в природе, то, очевидно, человек может его расшифровать».

Профессор Себрелл работает над изучением вопросов питания и обмена веществ. По его мнению, здесь перед нами открываются широкие перспективы: «Проникнув глубже в сущность процессов обмена веществ и выработки гормонов, мы научимся, думаю мне, увеличивать продолжительность жизни человека и удлинять активные годы его жизни».

«Мы найдем причину заболевания венечных артерий — инфаркта миокарда. Повышение концентрации холестерина в крови, о котором так много говорят сейчас, является, весьма возможно, симптомом серьезного нарушения метаболизма. Чем больше мы узнаем об обмене жиров — а ныне в этом направлении ведутся интенсивные исследования — тем легче будет найти средства борьбы с инфарктом миокарда. В этом отношении, я уверен, можно рассчитывать на большие достижения».

«Вернемся на минуту к генетике. Мы открываем все новые наследственные заболевания, вызываемые нарушением обмена веществ (их известно уже не меньше пятидесяти). Со временем, думаю мне, — вполне возможно, на протяжении следующих двадцати лет, — нам удастся справиться с подобными заболеваниями путем „исправления“ молекулы ДНК: мы проникнем внутрь клетки и изменим ее механизм. Идеальным решением было бы воздействие медикаментами на отдельные элементы клетки».

«Я ожидаю также, что ближайшие десятилетия станут эрой пересадки органов — почек, сердца и других здоровых органов, заменяющих пораженные или износившиеся. На этом пути предстоит разрешить серьезнейшую проблему: организм не принимает инородные тела. Но над проблемой работает в различных направлениях длинный ряд ученых, и я уверен, что их усилия увенчаются успехом».

Не слишком ли увлекается профессор Себрелл? На это он ответил мне с улыбкой: «Кончил я медицинский факультет в 1925 году. Студентом старшего курса мне приходилось лечить больных сифилисом. Единственное лекарство того времени — сальварсан — требовало двухлетнего курса лечения. Сравните это с одним-единственным впрыскиванием пенициллина, которое сейчас нередко ведет к полному исцелению больного».

«На наших глазах произошел совершенно фантастический сдвиг. Вполне логично ожидать и в будущем не менее блестящих открытий. Возникнут, разумеется, новые проблемы — иначе быть не может: как только вы решаете одну задачу, ее сменяет другая. Но важнейшие проблемы, стоящие сегодня перед нами, несомненно будут разрешены».

Мортон Р. Энгельберг

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Блестяще завершив в университете подготовку по истории и праву, Ян Дейч сумел добиться многого: он стал клерком члена Верховного Суда США Поттера Стюарта.

В библиотеке Верховного Суда Соединенных Штатов сидит, примостившись на высоком стуле, коренастый молодой Ян Дейч. Медленно перелистывая страницы сборника решений Верховного Суда, он время от времени делает заметки в длинном желтом блокноте. День клонится к

вечеру, но Дейчу предстоит провести в библиотеке еще не меньше часа: прежде чем вернуться в свой рабочий кабинет двумя этажами ниже, ему нужно подобрать материал для решения сложного юридического вопроса.

Завтра, ровно в 10 часов утра, в большой об-

лицованный мрамором судебный зал, находящийся в этом же здании, войдет глашатай и объявит: «[Идут] distinguished Главный судья и distinguished члены Верховного Суда Соединенных Штатов!» Все присутствующие встанут и будут стоять, пока судьи не займут свои места.

Фото Роберта Филлипса

Тогда глашатай провозгласит снова: «Слушайте! Слушайте! Слушайте! Всем лицам, дело имеющим к Верховному Суду, надлежит приблизиться и слушать внимательно, ибо Суд ныне заседает! Боже, храни Соединенные Штаты и сей достопочтенный Суд!»

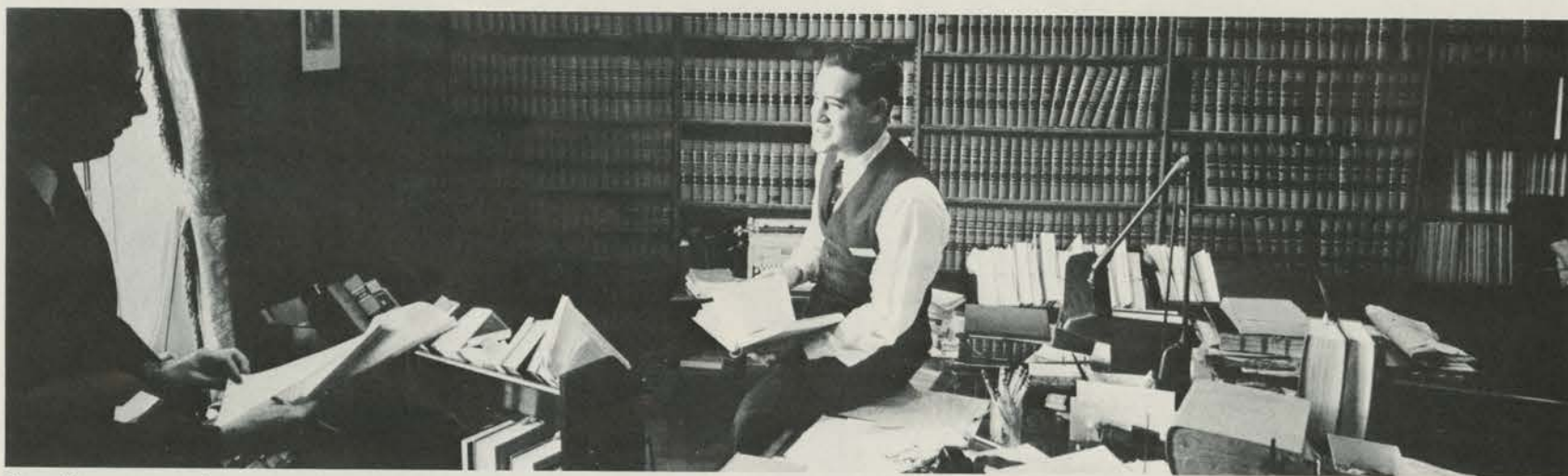
Перед самым выступлением адвокатов обеих сторон, до последнего момента подготавливающих бумаги, в зал незаметно входит Ян Дейч и пробирается к своему месту. Начинается формальное слушание дела. Дейч — само внимание, в особенности когда задает вопрос или вносит свои замечания в аргументы адвокатов Поттер Стюарт, худощавый и моложавый судья, к которому приставлен в качестве клерка Ян Дейч. Многие

Ян Дейч обсуждает с судьей Стюартом материалы по делу, ожидающему решения Верховного Суда.

Не дожидаясь лифта, Дейч спешит по лестнице в библиотеку, чтобы навести нужную справку.

День Яна чрезвычайно загружен, однако ему порой удается урвать минутку и тут же, в заставленном книгами кабинете, поболтать с товарищем по работе.

юридические доказательства, приводимые Стюартом, опираются на обширные материалы, подобранные самим Яном. Когда прения по данному делу заканчиваются, Ян возвращается к себе в кабинет и снова исследует и анализирует материалы, которые потребуются Стюарту на предстоящих сессиях Суда.

Путь, приведший Яна Гинтера Дейча к работе в Верховном Суде Соединенных Штатов, был долгий. Вступил он на него в 1939 году, когда четырехлетним мальчиком вместе с родителями покинул польский город Катовице и переселился в Соединенные Штаты. Успех сопутствовал молодому человеку. Шестнадцатилетним юношей,

одержав победу на всеамериканском школьном конкурсе, он попал в число тех немногих, кому открывалась дорога в колледж прямо из предпоследнего класса средней школы. Когда Яна спрашивают о его ранних академических успехах, он говорит, что обязан ими своим родителям. «Жили родители небогато, — рассказывает он, — игрушками и другими подарками нас не баловали. Но на покупку нам книг родители никогда не скупились».

В 1955 году Ян окончил исторический факультет Йельского университета, получив степень бакалавра. Несмотря на свою молодость — все однокурсники были на несколько лет старше его — он окончил первым. На третьем курсе его приняли в студенческое объединение «Фи-Бета-Каппа» — честь, которой удостоиваются только лучшие студенты последнего курса, — и поручили ему произнести речь на выпускном акте. Получив стипендию, Ян поехал в Англию продолжать образование в Кембриджском университете, откуда вышел через два года со степенью магистра исторических наук.

В 1957 году Ян вернулся в Соединенные Штаты и, отслужив шесть месяцев в армии, поступил работать на кофеупаковочное предприятие, принадлежащее его дяде. Около полугода Ян провел за этой «нудной», по его словам, работой. Тут он случайно вспомнил о длинном разговоре, который он имел, еще будучи студентом Йельского университета, со знакомым адвокатом. Юридические науки, о которых так восторженно говорил адвокат, сильно заинтересовали Яна, но он

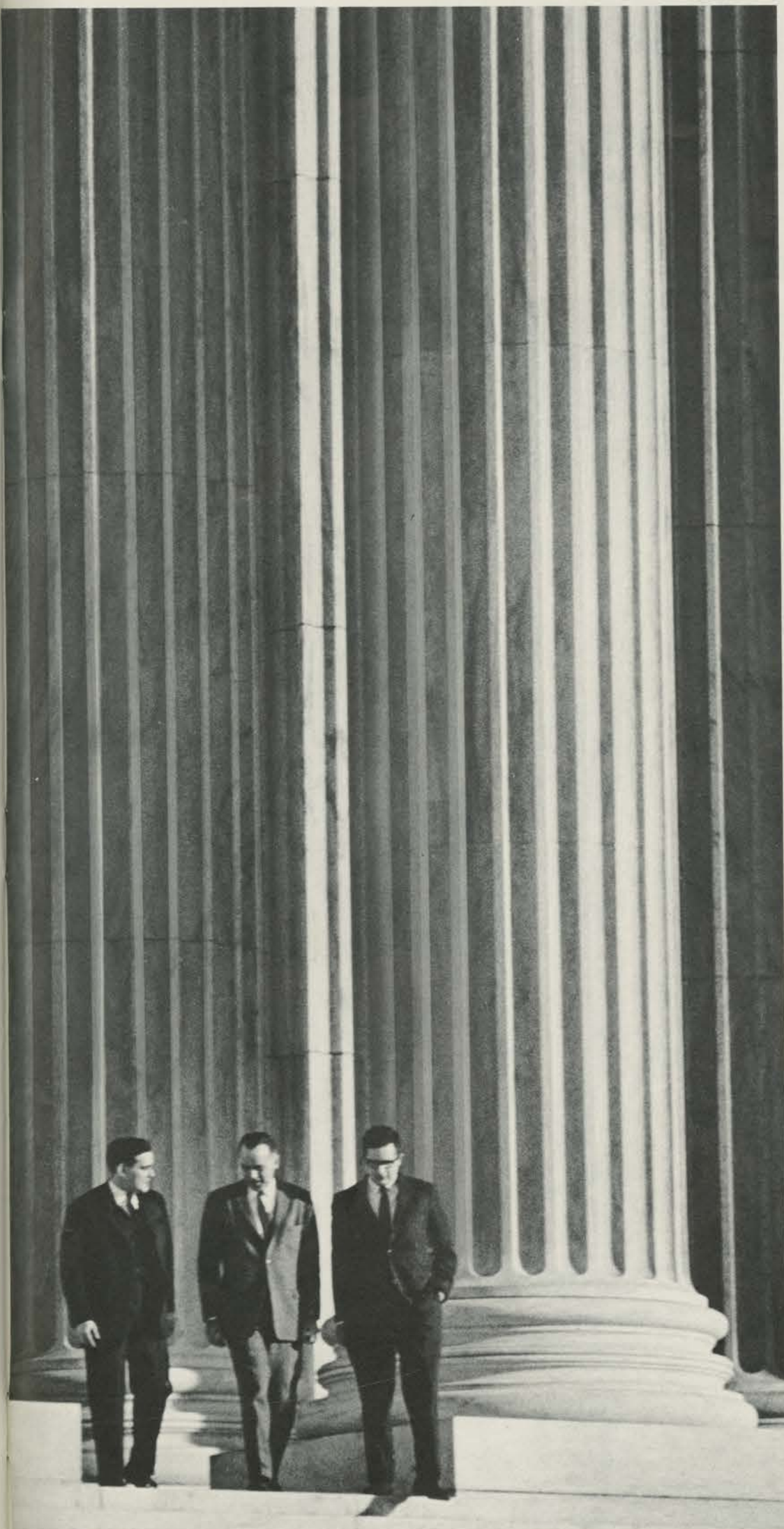
все же решил идти дальше по линии исторических наук. Его влекло, собственно говоря, и к правоведению и к истории. Почему бы не вернуться в университет и не заняться обоими предметами? «Такого прецедента не было за 261 год существования Йельского университета, — рассказывает Ян, — и с кем бы я ни советовался, все меня отговаривали. Мне указывали, что соискание одновременно двух степеней — бакалавра юридических наук и доктора исторических — просто невозможно».

Четыре года спустя на выпускном акте в Йельском университете Ян Дейч достиг «невозможного»: он получил сразу эти две ученые степени. Присутствовавшая на акте публика наградила его громом аплодисментов. Но громче всех аплодировали его мать (отец умер в 1948 году) и хорошенькая студентка юридического факультета Барбара, ставшая за год до того женой Яна. Ян закончил курс учения с отличием. На протяжении всего второго четырехлетия в Йельском университете он был лучшим по успеваемости студентом своего отделения, редактировал авторитетный юридический журнал «Йел лоу джорнал», а на последнем курсе четыре раза в неделю преподавал историю первокурсникам.

В 1962 году ученые степени по юридическим наукам получило в Соединенных Штатах 9200 человек. Одним из них был Ян Дейч. Его будущее зависело от него самого. Разными дорогами идут молодые юристы. Одни сразу поступают в частные фирмы, другие устраиваются в городские, штатные или федеральные учреждения,

За чашкой кофе, газетой и дружеской беседой с женой проходит воскресное утро Яна Дейча.

Кончился рабочий день, и судья Стюарт со своими помощниками покидает здание Верховного Суда.

третьи забывают о дипломе и избирают новую профессию. И лишь очень немногие — не более двадцати в год — удостоиваются почетной должности клерка при Верховном Суде Соединенных Штатов. В августе 1962 года одним из этих счастливых стал Ян Дейч, приступив к исполнению обязанностей секретаря судьи Стюарта — члена Верховного Суда с 1959 года и, как и Ян, питомца юридического факультета Йельского университета.

Должности клерков Верховного Суда были учреждены Конгрессом в конце восьмисотых годов. Клерки исполняли обязанности секретарей и посыльных, иногда просто прислуживали судьям. В 1920-х годах судьи Холмс и Брандейс стали подбирать клерков только из лиц с юридическим образованием, установив этим прецедент, который не нарушается до настоящего времени. С годами должность клерков становилась все более ответственной, пока наконец они не превратились в ценных помощников судей.

Ян Дейч работает с девяти утра до шести вечера по будним дням, с десяти до четырех по субботам и, кроме того, по вечерам занимается дома или в библиотеке. Работает он преимущественно над обширными материалами прошлых судебных решений, исследуя и анализируя юридические вопросы, и делает выборку наиболее важных пунктов из протоколов дел, рассматриваемых Верховным Судом. Результаты изысканий он передает судье Стюарту в форме докладных записок или же просто обсуждает их с ним. Свои заключения судья пишет сам, но Дейч и другие клерки просматривают их, держат корректуру, вносят необходимые поправки, ссылки и примечания и т. п.

Исследовательская работа и опыт в составлении докладных записок юридического характера, по словам Яна, исключительно полезны для таких молодых юристов. Но это далеко не все. «Возможность находиться каждый день в Верховном Суде, видеть и слышать все происходящее, — говорит Ян, — сильно расширяет мои знания в области права. На юридическом факультете все выглядело ясно и просто, в действительности же дело обстоит совсем иначе. Дух захватывает от волнения, когда видишь, как на твоих глазах рождаются принципы, которые впоследствии будут вписаны в законы страны. Нельзя не отметить и взаимоотношений между судьями и клерками. Судье Стюарту совершенно чужд формализм. Когда у меня возникает какой-нибудь вопрос или мне нужна помощь, я запросто обращаюсь к нему. По субботам мы обычно вместе завтракаем. Посидеть и поговорить с человеком его знаний и опыта очень полезно для начинающего юриста».

Годовой оклад клерков — 8300 долларов. Служат они в Верховном Суде обычно не более года. В виде исключения Яна зачислили на два — до июля 1964 года. У него еще нет определенных планов на будущее; он еще не решил, займется ли частной адвокатской практикой, пойдет ли на государственную службу или станет преподавателем. По мнению друзей Яна, университетская деятельность привлекает его сильнее всего. В один прекрасный день, думают они, он вернется в аудиторию, где молодого профессора несомненно ожидают новые лавры.

ТЕЛЕЗАРЯДКА

ПЯТЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ МИЛОВИДНАЯ ГЛОРИЯ РОДЕР И ШЕСТЬ ЕЕ ЖИЗНЕРАДОСТНЫХ ДОЧЕК ПРОДЕЛЫВАЮТ БУРНУЮ ЗАРЯДКУ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ, ПОБУЖДАЯ ДОМОХОЗЯЕК ИЗБАВЛЯТЬСЯ ОТ ТОМНОЙ ВЯЛОСТИ. «ТЕЛО ДОЛЖНО БЫТЬ ГИБКИМ, УПРУГИМ, ЮНЫМ, — ГОВОРIT ГЛОРИЯ И, ПРИЗЫВАЯ ЗРИТЕЛЕЙ СБРОСИТЬ ЛИШНИЙ ВЕС, ДОБАВЛЯЕТ: — НЕ БУДЬТЕ ПАССИВНЫМИ НАБЛЮДАТЕЛЯМИ, БУДЬТЕ ДЕЯТЕЛЬНЫМИ УЧАСТНИКАМИ». ГЛОРИЯ ДАВНО ЗАНИМАЕТСЯ ФИЗКУЛЬТУРОЙ. ОНА НАЧАЛА ПРЕПОДАВАТЬ ДЕТЯМ ГИМНАСТИКУ, ЕЩЕ БУДУЧИ НА ПОСЛЕДНЕМ КУРСЕ КОЛЛЕДЖА В НЬЮ-ХАМПШИРЕ. ПОЗДНЕЕ, В НЬЮ-ЙОРКЕ, РАБОТАЯ ИНСТРУКТОРОМ ПО ФИЗИЧЕСКИМ УПРАЖНЕНИЯМ ПРИ САЛОНЕ КРАСОТЫ, ОНА ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА МОРСКОГО ОФИЦЕРА ЭДА РОДЕРА. ПО ВОЛЕ НАЧАЛЬСТВА, СУПРУГАМ ПРИШЛОСЬ ЧАСТО ПЕРЕЕЗЖАТЬ С МЕСТА НА МЕСТО, НО ГЛОРИЯ ВСЮДУ ОРГАНИЗОВЫВАЛА ФИЗКУЛЬТУРНЫЕ ЗАНЯТИЯ ДЛЯ СОСЕДОК. ЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ НАЧАЛИСЬ В НОРФОЛКЕ (ВИРДЖИНИЯ), А КОГДА ЭДА ПЕРЕВЕЛИ В ФИЛАДЕЛЬФИЮ, ОНА ВОЗОБНОВИЛА СВОЮ ТЕЛЕПРОГРАММУ ТАМ. «ВСТРЕЧАЯ ПОЛНОГО ЧЕЛОВЕКА, Я ВСЕГДА ДУМАЮ: НАДО ЕМУ ПОМОЧЬ», — ГОВОРIT ГЛОРИЯ. ГЛЯДЯ НА СТРОЙНУЮ МОЛОДУЮ ЖЕНЩИНУ, С ЛЕГКОСТЬЮ ПРЫГАЮЩУЮ И ИЗГИБАЮЩУЮСЯ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ, ЗРИТЕЛЬНИЦЫ НЕ МОГУТ НЕ ЗАРАЗИТЬСЯ ЕЕ ПРИМЕРОМ.

Фото Ларри Кили
С разрешения журнала *Сатердэй ивнинг пост*

ГЕТТИСБУРГ

БИТВА И КРЕДО

Карл Сандбург

Гражданская война 1861–1865 гг., если сопоставить потери с числом участников, была самым кровопролитным столкновением в истории Соединенных Штатов: полмиллиона американских солдат, северян и южан, сложили в ней свои головы. Вся страна разделилась на два враждебных лагеря, зачастую не только брат шел на брата, но и сын на отца. Победа Севера решила два исторических вопроса: единство страны было сохранено, рабство уничтожено. Борьба эта, естественно, оставила глубокий след в национальном самосознании и продолжает волновать умы американцев по сегодняшний день.

Геттисбург, сонный городок в штате Пенсильвания, оказался связанным с двумя крупными событиями Гражданской войны: с одним из самых ожесточенных сражений в истории США и с пятиминутной речью Линкольна, этим великим провозглашением демократических принципов. Оба события произошли сто лет назад, в 1863 году.

В своей монументальной биографии Авраама Линкольна Карл Сандбург ярко живописует исторические дни, навсегда прославившие Геттисбург. В июле 1863 года войска южан под командованием генерала Роберта Э. Ли, продвигаясь на север в Пенсильванию, столкнулись с Потомакской армией северян, которой командовал генерал Джордж Мид. «Армия Ли двигалась беспечно и стремительно, предвкушая славные подвиги и легкую победу», — пишет Сандбург. — За семь месяцев южане уже дважды встречались с Потомакской армией, и оба раза разбитый противник только бегством спасался от гибели. Южане не сомневались, что следующая встреча с неприятелем закончится полным его разгромом. Их армия, состоявшая из талантливых офицеров и стойких, неутомимых солдат, могла с блеском провести любую крупную операцию».

Трехдневная битва под Геттисбургом окончилась поражением Юга. Победа обошлась северянам недешево, но она была переломным моментом войны. После нее дела Конфедерации шли все хуже, и в конце

концов война завершилась капитуляцией Ли при Антомаксе в апреле 1865 года.

На кладбищенском холме, на том самом месте, где армия Союза доблестно отразила все атаки южан, семь гектаров земли было выделено под могилы солдат Севера; каждый северный штат получил отдельный участок для погребения своих сынов, павших в битве под Геттисбургом. На торжественном освящении этого кладбища 19 ноября 1863 года, через четыре месяца после сражения, Линкольн и произнес свою памятную Геттисбургскую речь.

Приводим отрывок из труда Карла Сандбурга «Авраам Линкольн. Годы войны» с описанием этих событий.

Проскакав по дороге, змеившейся среди освещенных летним солнцем полей, Ли вдруг увидел перед собой дым сражения, начавшегося не по его плану и без его приказа. Какие-то дивизии его армии завязали на марше перестрелку с колоннами противника, и сражение разгорелось. Ли мог уклониться от боя, мог и продолжать его. Генерал решил продолжать. Войска Ли и выглядели непобедимыми, и доказали свою непобедимость в двух предыдущих битвах. Против Ли выступал неопытный военачальник, окруженный завистливым штабом, далеко уступавшим его собственному. И если сегодня солдаты Ли отличаются так же, как они отличились под Фредериксбургом и Чанселлорсвиллом, то путь на Харрисбург будет открыт. Можно будет расквартировать армию в столице штата, пополнить запасы, затем двинуться на Филадельфию, Балтимор, Вашингтон, наложить руку на деньги, провиант, боеприпасы, добиться признания Европы и выиграть войну.

Ставки были огромные, шансы на успех — неплохие. Новый командующий войсками северян ни разу в жизни не разрабатывал диспозиций и не командовал большой армией в условиях сумятицы боя на широком фронте. Кроме того, пятьдесят восемь полков ветеранов, сражавшихся в армии северян под Антитамом, Фредериксбургом и Чанселлорсвиллом, отслужив свой срок, разошлись по домам, а их место заняли отряды милиции и не нюхавшие пороха новобранцы.

Один фактор был против Ли: его артиллеристам придется стрелять с разбором и беречь боеприпасы, тогда как артиллерия Мида, располага-

неограниченным запасом снарядов, сможет вести непрерывный огонь. И еще одно: Ли уже далеко ушел от Вирджинии, где ему была знакома каждая тропинка, где его окружали земляки, солдаты же Мида сражались на своей земле, за свои дома, за жен, за родные поля, отражая натиск «вторженцев и захватчиков», как совершенно искренне полагал Мид.

— Раз противник перед нами, нужно атаковать его, — обратился Ли к Лонгстриту, заменившему убитого генерала Джексона («Каменная стена»).

— Раз противник перед нами, значит, он хочет именно того, чтобы мы его атаковали. Вот почему от наступления следовало бы, на мой взгляд, воздержаться, — резко ответил Лонгстрит.

Лонгстрит питал в душе сложные и неясные чувства; он догадывался о неразумности атаки, но совет его был отвергнут. Эти разногласия привели к потере нескольких часов драгоценного времени.

В первый день Ли обрушился на левый фланг северян, во второй — на правый. К концу второго дня Мид сообщил Линкольна, что «все атаки противника отбиты». На третий день, 3 июля 1863 года, Ли атаковал центр северян. По приказу Лонгстрита, генерал Джордж Эдуард Пикетт, длинный и прямой как стрела, с усами и козлиной бородкой, с развевающимися по ветру кудрями каштановых волос, поскакал галопом и повел свою пятнадцатитысячную бригаду вверх по пологому, с милой длиной, склону на центральные позиции северян. На прошлой неделе, укутавшись в одеяло и глядя на звездное небо, Пикетт, возможно, размышлял о том, что уже лет двадцать прошло с тех пор, как он, вирджинский юноша, окончивший школу в Ричмонде, обучался юриспруденции в конторе своего дяди в Куинси (Иллинойс) и ежедневно встречался там с людьми, имевшими в суде дело о молодом адвокатом Авраамом Линкольном. Вскоре Пикетт поступил в Уэст-Пойнтскую военную академию и хотя окончил ее последним по списку, но зато в 1847 году, во время войны с Мексикой, первым перепрыгнул через парашют укреплений на холме Чапультепек под Мехико, а еще позднее, в 1859 году, овладел островком Сан-Хуан в заливе Пьюджет-Саунд. Этим рейдом он выполнил деликатную миссию, имевшую целью вовлечь правительство Президента Бьюкенена в войну с Великобританией, дабы таким образом объединить в борьбе с общим врагом обе части расколовшейся надвое страны и избежать назреваю-

шей гражданской войны. Но британским дипломатам удалось добиться совместной оккупации острова войсками обеих наций и избежать столкновения. Войска Пикетта получили прозвище «бригады боевых петухов», а сам Пикетт, хотя и был влюблен, предпочитал военные подвиги утехам любви.

Перед тем как повести своих солдат в атаку на центр северян, Пикетт вручил Лонгстриту письмо для девушки в Ричмонде, на которой собирался жениться, если останется в живых. Лонгстрит кивнул и отдал Пикетту приказ: «Вперед!» Тут Пикетт быстро приписал карандашом на конверте: «Если кивок старины Питера означает смерть, то прощай, и да хранит тебя Бог, девушка». Товарищ-офицер протянул Пикетту флагу: «Выпьем на прощанье. Через час ты будешь либо в аду, либо на вершине славы». Но Пикетт отказался: он обещал «девушке» не пить.

Пятнадцать тысяч солдат Пикетта легко и стройно, почти как на ученье, шли вверх по длинному склону за развевающимся голубым флагом Вирджинии. Артиллерия северян хлестала по их рядам ядрами, крупной и мелкой картечью; подойдя ближе, они оказались и под смертоносным градом ружейных пуль. Семь восьмью милями они шагали, освещенные солнцем, и каждый солдат был идеальной мишенью для укрывшихся за брустверами и каменными оградками стрелков противника. Южане безоговорочно выполнили приказ: «дядя Роберт» (так они называли генерала Ли) говорил ведь, что для них не существует недоступного и невозможного.

Места павших солдат немедленно занимали товарищи, ряды смыкались. Офицеры то и дело валились с лошадей, но и это принималось как должное — на то оно и война.

До позиций северян на Кладбищенском холме дошло, вероятно, не более половины бригады.

Настал черед холодной стали, штыка, приклада. Южане дорвались до последней, сильнейшей позиции противника. «Знамя Конфедерации развевалось над вражескими линиями, — рассказывал один майор южанин, — разгорелся рукопашный бой за укрепления, но, потеряв более половины людей, мы не смогли одолеть противника».

Подскакал побелевший от волнения Мид и, услышав, что атака отбита, воскликнул: «Слава Богу!» Ли сказал о своих бойцах: «Они заслужили победу, насколько ее может заслужить человеческая стойкость и храбрость. От них, возможно, потребовали совершить непосильное». В разговоре с одним полковником Ли потом заметил: «То был грустный день для нас, да, скорбный день. Но нельзя же всегда побеждать».

Под проливным дождем, начавшимся в ночь на 4 июля, Ли стал отводить свою армию к реке Потомак.

В этот день Мид сидел под открытым небом на камне, обхватив голову руками. Он радовался дождю, радовался тому, что им удалось, как он выразился в приказе по армии: «изгнать захватчиков за пределы нашей земли». Три дня и три ночи Мид не раздевался, спал урывками, принимал донесения и отдавал приказы командирам корпусов, руководя самым кровопролитным до того дня сражением в истории войн. По позднейшим подсчетам, северяне потеряли 23 тысячи убитыми, ранеными и пропавшими без вести, южане — 28 тысяч; Пикетт остался в живых и в письме невесте писал: «Твой воин жив и здоров, но скорбит душой. И не будь у него тебя, милая, он предпочел бы — да, тысячу раз предпочел бы — уснуть непробудным сном вместе со своими храбрцами в неизвестной могиле».

В одно дерево, оказавшееся на линии огня, попало 250 пуль, в другое — 110 свинцовых гонцов, не нашедших живой цели. На пастбище фермера Руммела валялись трупы тридцати лошадей. Там же Руммел нашел двух мертвых кавалеристов — видно было, что во время боя они, спешившись, схватились в рукопашную и, поразив друг друга, упали рядом, сжимая в руках окровавленные сабли. Два солдата — вирджинец и пенсильванец — рубились верхом, нанося удары по голове и по плечам; в конце концов они, съехавшись вплотную, вцепились друг в друга и свалились с седел; так и лежали они на поле боя — два мертвеца — впившись друг в друга окоченевшими, залитыми кровью пальцами. Пуля попала в протез одноногого южанина, генерала Юэла, и он весело похвастался своему товарищу, генералу Джону Б. Гордону: «А деревянной-то ноге, оказывается, совсем не больно!»

Военные специалисты осмотрели 27 тысяч заряжавшихся с дула ружей, брошенных на поле боя; 24 тысячи были заряжены, у половины было еще два заряда в запасе, у многих — до десяти зарядов. Очевидно, в пылу сражения, возбужденные собственными криками, многие солдаты в тот день, зарядив ружья, забывали выстрелить, а затем забывали, что ружья у них заряжены. Было подсчитано, что каждый солдат выпустил количество свинца, равное весу его собственного тела, чтобы поразить одного противника.

Ружейная и пушечная пальба грохотала на Кладбищенском холме, там, где надпись на высоких воротах предупреждала, что из уважения к памяти усопших пользование огнестрельным оружием воспрещается. Трупы павших в трехдневной битве так и лежали неприбранными, и 3 июля Фремонтл обратил внимание на «отвратительный запах» разлагающихся тел. «Смертоносный ливень осколков непрерывно обрушивался на ветви деревьев и надгробные памятники», — писал корреспондент газеты «Нью-Йорк уорлд». После одного залпа пушек Конфедерации, он заметил, как отдыхавшие на траве солдаты и офицеры армии Севера вскакивали и умирали — «кто с сигарой в зубах, кто с недоеденным куском, а один бледный молодой немец — с миниатюрой сестры в руках».

Талантливый и храбрый генерал Джон Ф. Рейнолдс, в свое время наотрез отказавшийся от предложенного ему Линкольном командования Потомакской армией, почувствовав, как пуля впилась ему в шею, крикнул своим солдатам: «Вперед! Ради Бога, вперед!» — и свалился на руки стоявшего рядом капитана со словами: «Боже мой, Уилкокс, я убит!»

В битве принимали участие роты, составленные из учащихся Лютеранской богословской семинарии и Пенсильванского колледжа в Геттисбурге. Семидесятилетний Джон Л. Бернс, фермер в долгополом камзоле с медными пуговицами, вступил в Железную бригаду, под обстрелом изумлял молодежь своим хладнокровием и был отправлен в тыл с тремя ранами. Сержант из Висконсина спросил старика, чего это он добровольно ввязался в войну, и тот ответил, что мятежники, дескать, угнали одних его коров и выдоили других, и вот он теперь решил сквитаться с ними. Сын Гарриет Бичер-Стоу получил тяжелые ранения и был увезен в тыл. Джозеф Ревир, внук знаменитого Поля Ревира из Бостона, пал на поле сражения.

Штыковой атакой южане захватили орудие северян, и штыковой же атакой северяне отбили его. Круглая вершина, Круглый пригорок и Кульпов холм дрожали от яростных воплей атакую-

щих, жалобных вскриков раненых. Луга, утопавшие в белых ромашках, были истерзаны конскими копытами. Убитые и раненые лежали рядами, кучками, по одиночке и парами, словно обломки кораблекрушения, выброшенные на берег морским прибоем.

Сливовая аллея, Персиковый сад, Чертова пещера, Зиглерова роща — эти и другие имена наполнились особым, страшным смыслом для тех, кто соприкоснулся с борьбой и страданиями человека в этих мирных краях, где пауки неторопливо плели паутину и безмятежно дремали в лучах летнего солнца. Когда пальба смолкла, корреспондент газеты «Ричмонд энкуайрер» написал: «Одна за другой на тихое небо высыпали звезды, и над залитым кровью полем заструился кроткий свет Плеяд».

Первое сражение этой войны за пределами рабовладельческих штатов окончилось. Ли мог бы провести его лучше. Мид тоже. В обеих армиях разгорелись споры. Лонгстрит утверждал, что в моменты принятия важных решений Ли колебался. Сиклс, генерал из армии северян, жаловался на несправедливое отношение к нему Мида. На другой день корреспондент газеты «Нью-Йорк уорлд» писал на кладбище, где висела надпись, запрещающая пользоваться огнестрельным оружием: «Сидя на походном стуле рядом с развалинами памятника, у которого еще вчера я слушал пение малиновки, я вижу, что совершенно не в состоянии вспомнить во всех подробностях только что закончившуюся беспримерную битву». Дым застилал ему глаза, выстрелы оглушали его: «Во многих случаях, вероятно, от столпотворения на поле боя, я ничего не мог толком разглядеть, в ушах моих перемешались самые различные донесения и оценки офицеров и врачей, а поэтому я не смею высказывать догадки о наших потерях. Знаю одно: они велики».

В приказе по армии Мид благодарил своих воинов за славную победу: «Противник, превосходивший нас силами и упоенный успехами, пытался разгромить и уничтожить нашу армию. Разбитый и потрясенный, он был вынужден ретироваться... Командующий ожидает, что Потомакская армия приложит еще больше усилий, дабы полностью изгнать захватчиков за пределы нашей земли».

У себя в кабинете Линкольн следил по висевшей на стене карте за изменением линии фронта — ее обозначали булавки с разноцветными головками. Вошел Зах Чандлер и заговорил с Президентом о болезненной напряженности минуты, когда судьба нации, казалось, висела на волоске. Впоследствии он вспоминал о беспокойной озабоченности Линкольна: «Президент шагал взад и вперед, читал донесения, о чем-то говорил сам с собой и то и дело подходил к карте, чтобы сверить линии позиций».

Четвертого июля Президент объявил стране, что, судя по поступившим до десяти часов предыдущего дня сведениям, Потомакская армия покрыла себя славой, что Союз стоит накануне больших побед и что сердца наши наполняются скорбью, ибо много храбрцев пало на поле битвы. Посему Президент особенно просит, чтобы в этот день «повсюду вспоминали с глубочайшей благодарностью и благоговением Того, чья воля да исполнится».

Служивший в управлении генерал-адъютанта Фрай отметил, что Линкольн с жадностью набрасывался на все телеграммы Военного министерства с известиями из Геттисбурга о ходе сражения. «Я видел, как он читал приказ, в котором генерал Мид поздравлял солдат своей ар-

мии с победой. Когда Президент дошел до слов «изгнать захватчиков за пределы нашей земли», лицо его выразило разочарование, руки упали на колени, и он с горечью воскликнул: «Изгнать захватчиков с нашей земли! Боже мой! Да неужели же это все?»

ГЕТТИСБУРГСКАЯ РЕЧЬ

Линкольн получил печатное извещение о том, что в четверг, 19 ноября 1863 года, состоится торжественное освящение Национального военного кладбища в Геттисбурге.

Выступить с речью в тот день должен был Эдуард Эверетт. Послужной список родившегося в 1794 году Эверетта был внушительен: сенатор Соединенных Штатов, губернатор Массачусетса, член Конгресса, Государственный секретарь при Президенте Филлморе, посол в Великобритании, гарвардский поэт, член привилегированного студенческого общества «Фи-Бета-Каппа», профессор греческой литературы в Гарвардском университете и затем президент этого университета.

Эверетт всей душой был предан идее единства страны и нерушимости Союза. Отмена рабства стояла у него на втором плане, хотя в бытность президентом Гарвардского университета с 1846 по 1849 год он проявил должное беспристрастие, когда возник вопрос о приеме негра Беверли Уильямса: «Если юноша сдаст вступительный экзамен, — твердо заявил Эверетт, — он будет принят». Впрочем, далеко не всегда Эверетт держал себя так решительно, ибо в общем отличался умением обходить острые углы и сглаживать шероховатости. В свои шестьдесят девять лет он выглядел весьма благообразно, и естественно, что, намечая оратора для предстоящего торжества, устроители остановили свой выбор на нем. Эверетт ответил, что согласен произнести речь на освящении кладбища.

Между тем, в ответ на печатное приглашение, Линкольн тоже сообщил устроителям о своем согласии прибыть в Геттисбург. Перед комиссией возник вопрос: не следует ли предложить и Линкольну выступить с речью? Кларк Э. Карр из Гейлсбурга, представлявший в комиссии штат Иллинойс, вспоминает, что эта мысль, к сожалению, «пришла им в голову с явным запозданием».

Житель Геттисбурга Дэвид Уиллс, действуя в качестве особого представителя губернатора Пенсильвании Кэртина, а также нескольких других штатов, написал Линкольну: «... губернаторы различных штатов уполномочили меня просить вас почтить своим присутствием и участием означенные торжества... Желательно, чтобы по окончании торжественной речи вы, как глава исполнительной власти государства, формально передали эту землю для священной цели, сопроводив акт передачи приличествующим случаю кратким словом». — «Приглашение, — писал впоследствии Карр, — было составлено и послано мистеру Линкольну лишь 2 ноября, то есть через шесть недель после приглашения в качестве оратора мистера Эверетта и лишь немногим больше чем за две недели до освящения кладбища».

Полковник Уорд Хилл Ламон, друг Президента и бывший его компаньон по адвокатской конторе, вспоминал, что часть будущей Геттисбургской речи Линкольн набросал еще в Вашингтоне; он исписал большой лист бумаги, но, прежде чем вынуть ее из своей шляпы-цилиндра и прочесть написанное Ламону, сказал, что далеко не удовлетворен результатами: ему не хватило времени обдумать все как следует.

В недели, предшествовавшие Геттисбургской речи, двое людей приложили все старания к тому, чтобы Линкольн увидел в себе глашатая демократии и народоправства, выразителя чаяний широких масс, противопоставляемых аристократии, классам и различным группировкам. Джон Мэррей Форбс из Массачусетса, ознакомившись с простым и доходчивым письмом Линкольна участникам массового митинга в Спрингфилде (Иллинойс), писал 3 сентября сенатору Чарльзу Самнеру: «Простое письмо Президента простым людям привело меня в восторг». Через пять дней Форбс написал Линкольну письмо, которое Самнер вручил ему в Белом Доме.

В этом письме Форбс указывал, что правит Югом и организует его для войны аристократия. Аристократами он называл «рабовладельцев, владеющих по меньшей мере двадцатью неграми», то есть зачислял в эту категорию примерно 28 000 человек — 1/178 часть пятимиллионного белого населения Юга. Далее Форбс писал: «Стоит толь-

ко людям Севера и Юга ясно увидеть линию, отделяющую аристократию от народа, — и война окончится. Бонапарт, сражаясь во времена республики с европейскими деспотами, добивался своими прокламациями не меньших успехов, нежели штыками. Перед вами, — убеждал Форбс Президента, — открываются такие же возможности. Поэтому я предлагаю вам воспользоваться первым же представившимся случаем, равно как и всеми последующими, и объяснить массам простых людей, прислушивающихся к каждому вашему слову, что в этой войне не Север борется с Югом, а народ с аристократией».

Те же мысли Форбс высказал в письме к Уильяму Эвансу, английскому либералу, собиравшемуся посетить Линкольна. «Сделайте так, чтобы Президент почувствовал, что вы, Брайт и другие представляете демократический элемент Великобритании и что в ваших глазах Президент ведет борьбу за демократические идеалы всего мира! Хотелось бы, чтобы наш народ понял это так же ясно, как понимает ваш!» И 3 ноября, после свидания с Линкольном, Уильям Эванс ответил Форбсу: «Я последовал вашему совету».

Таким образом, во время подготовки Геттисбургской речи у Линкольна не было недостатка в советниках, желавших видеть в нем борца за лучшие идеалы всего мира. Однако некоторые газеты писали, что Президент собирается произнести над могилами Геттисбурга всего лишь агитационную речь с партийно-политическими целями. В Вашингтоне поговаривали, что появление Линкольна на торжестве, устроенном губернатором Кэртином, укрепит связи Линкольна с губернатором и отнюдь не повредит его связям с оппозиционной фракцией Камерона.

Хотя освящение геттисбургского кладбища проводилось под эгидой только нескольких штатов, для Линкольна это событие имело общенациональное значение, ибо в Геттисбурге ожидалось появление губернаторов, поддержка которых была для него чрезвычайно важна. Кроме того, ему нужно было опровергнуть клевету: из уст в уста передавались и даже появлялись в печати рассказы о том, будто год назад, во время посещения поля битвы под Антитамом, Линкольн непристойно громко смеялся собствен-

ным остротам и анекдотам и просил Ламона спеть какие-то шуточные куплеты. Стоило, пожалуй, поехать в Геттисбург, чтобы все воочию убедиться, как на самом деле ведет себя Президент у могил павших солдат.

Линкольн имел ясное представление о Геттисбурге: он поддерживал контакт с этим городом по почте, по телеграфу, через курьеров. Много ассоциаций связывало с ним Президента. Сразу после сражения перед дверью его кабинета появилась какая-то женщина. По словам швейцара, она уже несколько дней слезно молила пропустить ее к Президенту. Ее муж и трое сыновей были в армии. Жила она на часть жалования мужа, но теперь деньги от него перестали приходить. Лишенная средств к существованию, она просила отпустить домой одного сына.

Президент слушал ее рассказ, неподвижно стоя у камина, заложив руки за спину, склонив голову. Женщина, высказавшись, умолкла. Медленно, словно обращаясь к самому себе, Президент произнес: «У меня двое, а у вас ни одного». Он подошел к столу и написал приказ о демобилизации одного сына. Затем на отдельном листе написал подробные объяснения — куда ей надо обратиться, чтобы поскорее вернуть сына.

Через несколько дней швейцар доложил, что женщина пришла опять и с плачем добивается приема у Президента. «Впустите ее», — приказал Линкольн и снова выслушал ее рассказ. Чиновники во всем шли ей навстречу. Она узнала, где ее сын: в каком лагере, полку, роте. И она нашла его — да, нашла: он умирал в лазарете, смертельно раненый под Геттисбургом. Она проводила его в последний путь. И теперь она просила, чтобы Президент вернул ей второго сына.

Как и в первый раз, он выслушал ее, стоя у камина, сложив за спиной руки, потупя голову, не двигаясь. Медленно, словно обращаясь к самому себе, он произнес слова — те же самые слова: «У меня двое, а у вас ни одного». И так же пересек комнату и сел за письменный стол с пером в руке. Она, словно ей больше делать было нечего, подошла, стала рядом с креслом и, положив руку на голову Президента, стала с материнской лаской приглаживать его непокорные вихры. Линкольн подписал приказ о демобили-

зации сына, встал и вручил ей драгоценную бумагу, вымолвив сдавленным голосом лишь одно слово: «Вот!» Он вышел большими шагами, провожаемый ее благодарными всхлипываниями.

Так описал этот эпизод Джеймс Спид из Кентукки, основываясь на рассказах нескольких лиц. Кровавой дымкой был окрашен Геттисбург в представлении Президента.

Линкольн выехал в Геттисбург 18 ноября поездом. Любимый сын Тад, самый близкий его друг, лежал в это время больной; врачи не могли поставить диагноза. Мать, все еще остро переживавшая смерть Уилли, умершего год тому назад, была в отчаянии. Но Президент чувствовал, что долг призывает его в Геттисбург.

Начальник военной полиции генерал Фрай был откомандирован Военным министерством для сопровождения Президента. Он явился в назначенный час в Белый Дом, но Президент замешкался, и экипажу, в котором он собирался ехать на станцию, пришлось дожидаться. Фрай позволил себе заметить, что время не терпит. На это Линкольн возразил, что чувствует себя в положении того приговоренного к смерти, которого везли на виселицу; увидев толпу, спешившую на место казни и запрудившую дорогу, он крикнул: «Эй, дайте проехать, ребята! Не торопитесь: без меня потеха не начнется».

Экстренный поезд Президента из четырех вагонов был разукрашен флагами и красными, белыми и синими полотнищами. В нем ехали три члена Кабинета — Сьюард, Ашер и Блэр, — Николей и Хэй, представители армии и флота, репортеры, дипломатические представители и военные атташе Франции и Италии. Третий последний вагона была отведена под салон, в котором Президент время от времени беседовал почти со всеми пассажирами поезда. Но около разезда Гановер он поднялся и сказал: «Господа, все это очень приятно, но завтра от меня ждут нескольких слов, так что мне необходимо сосредоточиться». С этими словами он удалился в последнее отделение вагона.

В поезд сел пожилой господин и, поздоровавшись, рассказал Президенту, как на Круглом пригорке под Геттисбургом погиб его сын. Президент ответил, что боится, как бы от этой по-

ездки не открылись едва затянувшиеся раны, но что, тем не менее, теперь, когда нашим жертвам приходит конец, «к слезам не может не примешиваться чувство благодарности». Очевидцы рассказывают, что далее, высказывая давно волновавшие его мысли, Президент добавил: «Когда я думаю о всех жертвах, которые еще потребуют от нас эта ужасная война, о всех погибших жизнях, разбитых сердцах и разрушенных семьях, сердце мое наливается свинцом и временами погружается в беспросветный мрак». На одной остановке к открытому окну подняли маленькую девочку с букетом роз: «Чветы для Прежидента», — пролепетала она, подавая букет. Линкольн подошел к окну, нагнулся и поцеловал ее.

На закате поезд прибыл в Геттисбург. Линкольна отвезли в дом Уиллса. В тихом провинциальном городке (3500 жителей) снова кипела жизнь. Частные дома были переполнены почетными гостями и людьми, никому неизвестными. В гостиницах сотни приезжих ночевали прямо на полу. Военные оркестры до поздней ночи исполняли под окнами серенады, приветствуя всех без разбора. Стояла теплая ночь. Для тех, кто предпочитал бродить по улицам, луна светила как по заказу. Несколько поклонников зашли к Президенту и услышали от него: «В моем положении иногда приходится следить за собой, чтобы не сболтнуть лишнего. [Голос: «Если вам это удастся»]. Очень часто это может удалиться только при одном условии: не говорить ничего. И так как сегодня, кажется мне, я нахожусь именно в таком положении, я прошу извинить меня, если наш разговор на этом и окончится».

На данном Уиллсом обеде Линкольн вечером встретился с Эдуардом Эвереттом, губернатором Кэртином и рядом других лиц. Часов в одиннадцать он собрал свои бумаги и удалился в соседнюю комнату для полчасовой беседы с Государственным секретарем. Предложил ли при этом Сьюард какие-либо мелкие или существенные изменения в тексте речи — осталось известным только им двоим. Спать Линкольн лег не раньше полуночи. Спалось ему хорошо: он получил от военного министра телеграмму, сообщавшую, что на фронте ничего серьезного не происходит и что «миссис Линкольн просила пе-

редать, что сегодня вечером сыну стало лучше».

На следующий день на торжественном освящении кладбища присутствовало пятнадцать, а по мнению некоторых очевидцев, даже тридцать или пятьдесят тысяч человек. В десять часов утра из дома Уиллса вышел Линкольн в черном сюртуке, цилиндре и белых перчатках. Он сел на лошадь и, не сходя с седла, беседовал с желавшими поздороваться с ним. В одиннадцать часов кортеж тронулся. Кларк Э. Карр, ехавший вслед за Президентом, рассказывал, что сперва Линкольн держался в седле прямо и даже несколько торжественно, но потом погрузился в мысли — тело его обмякло, руки повисли, и голова склонилась на грудь.

В десять часов Линкольн получил длинную телеграмму от военного министра. В ней говорилось, что о Бэрнсайде, видимо, беспокоиться не приходится, хотя у Ноксвилла противник и угрожает ему, что Грант начал большое сражение под Чаттанугой и что «миссис Линкольн сообщает о значительном улучшении в здоровье сына: сегодня ему позволят встать с постели».

Кортеж медленно двигался. «Под мистером Линкольном был гнедой красавец-жеребец, самый крупный конь во всей Камберлендской долине», — писал лейтенант Кокрейн. Первый раз, вероятно, зритель, увидевший едущего верхом Линкольна, подумал, что наконец-то Президенту подобрали коня по росту.

Четверть часа спустя прибыли на место. Но главного оратора — мистера Эверетта — еще не было. Оркестры не умолкали до полудня. Наконец мистер Эверетт прибыл.

В воцарившейся тишине оратор стоял перед морем людей, готовясь испытать силу и власть своего голоса на всех, вплоть до последних рядов. Вокруг расстилались засеянные пшеницей поля, луга, фруктовые сады, косогоры, а за ними, милях в шести, задумчивые кряжи невысоких гор. Стоя лицом к слушателям, Эверетт охватывал взором весь ландшафт. С него оратор и начал свою тщательно подготовленную речь. «Глядя на эти беспредельные поля, заслуженно отдыхающие от трудов уходящего года, и на величественные Аллеяны, маячащие вдали, и на могилы наших братьев у ног, я не без колебания решаюсь нарушить моим слабым голосом красноречивое молчание Бога и Природы. Но, озирая эту землю, столь недавно орошенную кровью доблестных храбрецов, я с неизведанным доселе волнением понимаю всю справедливость слов древнего поэта: „Нет смерти слаще и краше, чем смерть за отчизну“».

Далее Эверетт в общих чертах обрисовал, как началась война, напомнил основные этапы трехдневного сражения под Геттисбургом, обсудил принцип полной суверенности штатов и осудил его, привел ряд примеров из европейской исто-

рии и процитировал слова Перикла о погибших патриотах: «Снискавшим славу гробницей служит вся земля». Он говорил час пятьдесят семь минут или даже, как утверждали некоторые, два часа с минутами, почти слово в слово повторив текст, разосланный органам печати и занявший две газетных страницы.

Недрогнувшим голосом Эверетт произнес заключительную фразу: «Отныне и до века самой яркой страницей славной летописи нашей родины будет страница, повествующая о Геттисбургской битве». Речь эта была кульминационным пунктом его жизни и воплощала все приемы ораторской школы, к которой он принадлежал. Благодаря своей манере держаться, а главное — благодаря какой-то чувствующейся слушателями искренней доброжелательности, Эверетту удалось приковать к себе внимание большинства.

Хор Балтиморского певческого клуба выступил с одой, написанной для торжественного случая Бенджаминном Б. Френчем. Ознакомившись с речью Эверетта заранее, Линкольн знал, когда наступит его черед. Он вынул из бокового кармана рукопись, надел очки в стальной оправе, уселся на стуле поудобнее, проглядел записи и спрятал их в карман. Пение хора окончилось. Уорд Хилл Ламон, поднявшись с места, объявил: «Президент Соединенных Штатов». Линкольн встал. Держа в руке два листка и время от времени поглядывая на них, он произнес свою речь звонким, высоким голосом. Корреспондент газеты «Цинциннати коммершиал» писал: «Президент медленно поднимается, вытаскивает из кармана бумагу, и, когда волнение среди слушателей успокаивается, читает свои краткие и содержательные замечания немзыкальным, резковатым дискантом». Хэй отметил в своем дневнике: «Уверенно и непринужденно, с меньшей скованностью чем обычно, Президент произнес на освящении свое краткое слово». Корреспондент газеты «Бостон адвертайзер» Чарлз Хейл, официально представлявший губернатора Массачусетса Эндрью, все время держал наготове карандаш и записную книжку и теперь заносил в нее неторопливые слова Президента:

Восемьдесят семь лет тому назад наши отцы создали на этом континенте новую нацию, рожденную в свободе и преданную идее равенства всех людей.

Ныне мы ведем грозную междоусобную войну, исход которой выяснит, насколько жизнеспособна эта нация — или любая другая, рожденная в тех же условиях и преданная той же идее.

Мы собрались здесь на поле великого сражения этой войны. Мы собрались, чтобы сделать гость этой земли

местом вечногo упокоения павших, чтобы посвятить ее памяти тех, кто пожертвовал своей жизнью во имя жизни нации.

Эта цель наша вполне ясна и достойна.

Однако в более глубоком смысле мы не в состоянии ни посвятить, ни освятить, ни погнить эту землю. Доблесть живых и мертвых — всех, кто сражался здесь, — уже осветила ее, и не в наших силах прибавить или отнять что-либо. Мир едва заметит и скоро забудет произнесенные здесь слова, но память об их делах сохранится навеки. Скорее это мы, живые, должны посвятить свою жизнь той незавершенной задаче, которой они так благородно послужили. Это мы должны посвятить себя великой цели, еще не достигнутой нами; у погибших со славой мы должны погертнуть еще большую преданность делу, в борьбе за которое они не пощадили себя; должны торжественно поклясться, что не напрасной была их смерть, что нация наша с помощью Божией вновь возродится к свободе и что власть, созданная волей народа, посредством народа и на благо народа, не исчезнет с лица земли.

Поездка в Вашингтон затянулась до полуночи. Линкольн был утомлен и мало разговаривал. Он прилег на боковом сиденье в салоне и попросил, чтобы ему положили на лоб и на глаза мокрое полотенце.

В тот день Линкольн, величайший из представителей народной власти, заявил во всеуслышание, что за демократию стоит бороться с оружием в руках. Его слова о «возрождении нации к свободе» можно было толковать на тысячу ладов. В его речи выделялись загадочные черты демократии. В ней слышались неясные намеки на приближение каких-то огромных, бурных событий, и намеки эти каждый мог толковать по-своему. В четком ритме его речи звучала древняя песнь о том, что там, где есть свобода, люди сражались за нее и не отступали перед жертвами, что за свободу стоит умереть. Линкольн впервые с тех пор, как стал Президентом, провозгласил в торжественной обстановке служивший лозунгом во времена Американской революции тезис Джефферсона о равенстве всех людей, не оставляя сомнений в том, что считает рабов негров полноправными людьми. Его внешне гладкие фразы внутри были чреваты загадками, порожденными американским экспериментом — созданием новой нации в Западном полушарии. ▼

Фото Фреда Уорда

А ТЕПЕРЬ — ВСЕ ХОРОМ!

В американо-советских взаимоотношениях прозвучал еще один дружеский аккорд: минувшей весной Советское посольство в Вашингтоне устроило праздник песни для юных граждан обеих стран. Встречу эту предложили «Маленькие певцы» — детский хор мэрилендского округа Монтгомери (фото слева), исполняющий песни на русском, польском и даже бенгальском языках. Ученики русской школы при Советском посольстве (фото внизу) восторженно приняли предложение. Продемонстрировав друг другу свое вокальное искусство, ребята, сплотившись в оживленную группу, наслаждались лимонадом и пончиками. Глядя на них, одна из матерей воскликнула: «Не могу отличить русских детей от американских: все ребятишки выглядят совершенно одинаково!»

БОББИ ФИШЕР

на шахматном турнире США 1963 г.

Генри Ф. Стокхолд

Переполненный зал, где происходил шахматный турнир, опустел. В углу одиноко стоял молодой человек, пятый раз завоевавший первенство Соединенных Штатов по шахматам. Это был Роберт Фишер, наконец избавившийся от внимания корреспондентов, интервьюеров, любителей автографов и поздравлявшей его публики. Фишер тоже собирался покинуть зал. Когда его соперник Артур Бисгье совершил в этот вечер непоправимую ошибку, стоившую ему партии, весь зал ахнул. Бисгье немедленно подвергся сокрушительной атаке, проведенной в компетентном стиле лучшего американского шахматиста. «Мне самому непонятно, — жаловался позже Бисгье, — как мог я проглядеть совершенно очевидный ход. Должно быть, нервы не выдержали».

Так закончился самый напряженный за многие годы американский шахматный чемпионат, исход которого оставался неясным даже тогда, когда двенадцать мастеров приступили к розыгрышу финального тура. Гроссмейстер Бисгье — опытный международный шахматист, занявший второе после Фишера место на турнире претендентов в Кюрасао. В начале турнира он шел впереди, и лишь в самом конце Фишер его догнал и перегнал. Интерес к состязанию двух мастеров был огромным. Бисгье играл ровнее обычного. Многие считали, что на сей раз ему впервые удастся побить Фишера. Но, по признанию самого гроссмейстера, напряжение было колоссальным. Он не мог спокойно сидеть у доски во время решающей партии турнира, постоянно вскакивал и нервно бегал по залу.

В 1963 году турнир на приз Лессинга Дж. Розенуолда решал не только вопрос о первенстве страны: трем американским шахматистам, показавшим лучшие результаты, предстояло играть от Соединенных Штатов в следующем межзональном турнире — этом важном событии для отбора претендентов на первенство мира. В острой борьбе на турнире 1963 года принимало участие двенадцать шахматистов, отобранных по американской системе оценки игры.

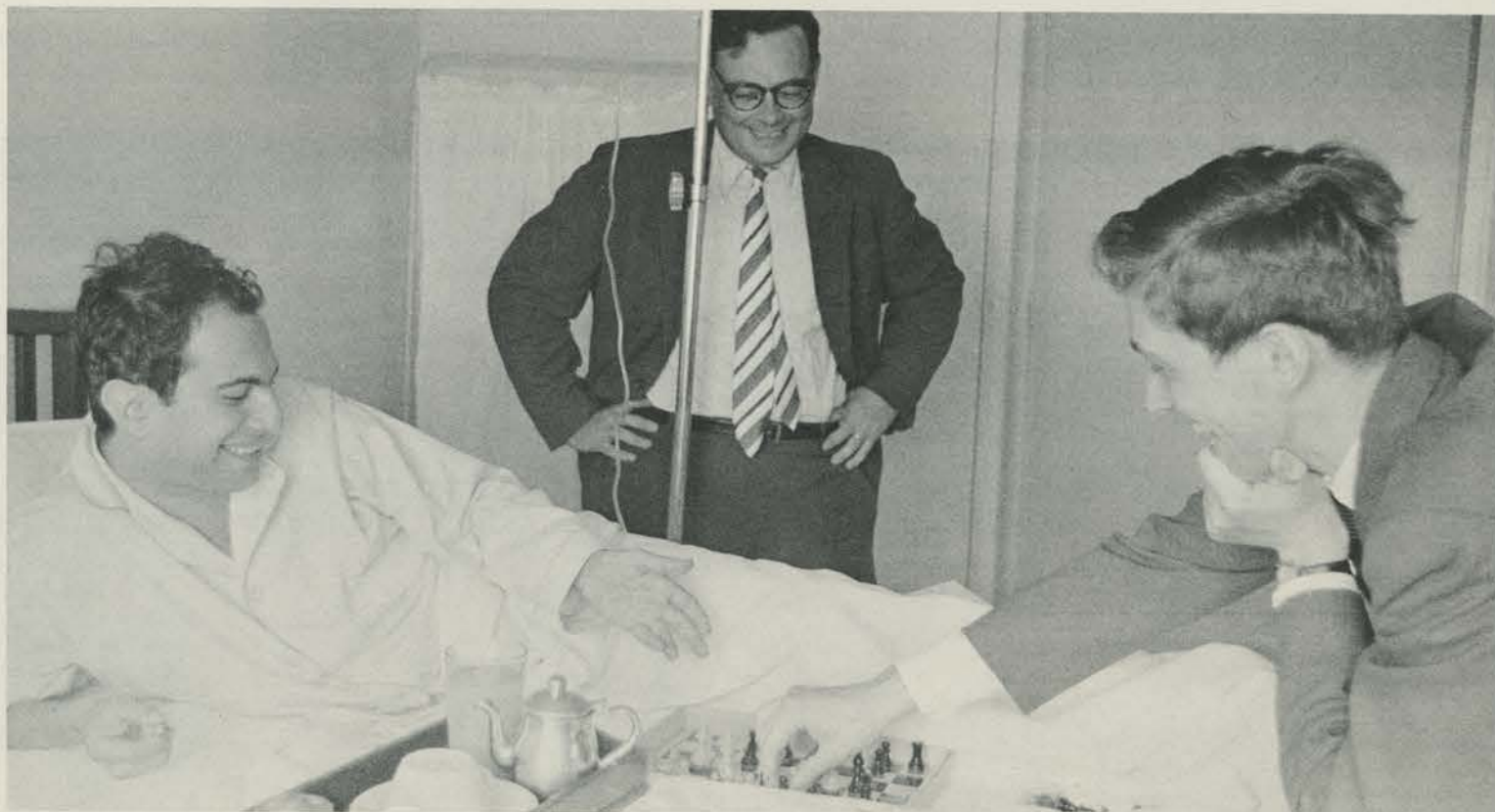
Турнир состоялся в бальном зале нью-йоркского отеля «Генри Гудзон». В турнире было одиннадцать туров, и все участники сыграли друг с другом по одной партии. Порядок партий и кому играть

белыми решал жребий. Игра, происходившая под наблюдением судьи — мастера Ганса Коха, начиналась каждый вечер в 6.30 и продолжалась до 11.30. На первые сорок ходов отводилось по два с половиной часа. Каждый третий день доигрывались отложенные партии. Первый приз составлял 2000 долларов, второй — 1250 долларов, третий — 750 долларов, а занявший четвертое место получал утешительный приз в 100 долларов. Ввиду особой важности соревнования его организаторы приложили все усилия, чтобы создать наиболее благоприятные условия как для шахматистов, так и для зрителей. На стенах висели большие доски, по которым зрители могли следить за ходом игры, а в соседней комнате известные мастера давали пояснения и анализ партий.

В турнире участвовали гроссмейстеры — Бобби Фишер, Самуил Решевский, Пал Бенко, Ларри Эванс, Артур Бисгье и Николай Россоломо, сильные международные мастера — Роберт Бэрн, член американской олимпийской команды Эдмар Меднис, Ганс Берлинер, а также Джеймс Шервин, Уильям Стейнмейер и Уильям Аддисон. Состав шахматистов на турнире 1963 года оказался исключительно сильным. К сожалению университетская работа помешала принять участие в соревновании двум гроссмейстерам — Уильяму Ломбарди и Доналду Бэрну (Ломбарди — студент богословского факультета, а Бэрн — профессор английского языка и литературы в Пенсильванском университете).

Несколько участников считалось серьезными претендентами на первенство Соединенных Штатов. Ларри Эванс должен был отстаивать завоеванное им за год до того звание чемпиона США (Фишер и Решевский в прошлогоднем турнире не участвовали). Палу Бенко в прошлом не удавалось добиться первенства страны, но его отличная игра на Стокгольмском межзональном турнире 1961 года и на турнире претендентов в Кюрасао в 1962 году не оставляла никаких сомнений в его силе и потенциальных возможностях. Артур Бисгье — бывший чемпион США и победитель международных турниров в Саутси 1950 года и в Вене 1952 года. Своими победами на важных региональных соревнованиях в США мастер Уильям Аддисон завоевал в конце концов право соревноваться с нашими лучшими шахматистами: сравнительно недавно он хорошо выиграл у Решевского. Мастер Роберт Бэрн пользуется уважением шахматистов за сильную игру и удачную защиту в оборонительных позициях: из турнира он вышел без единого поражения, выиграв одну партию и сделав десять ничьих.

Николай Россоломо — бывший чемпион Франции. Сейчас он американский гражданин. С 1955 года, когда он вышел на первое место в открытых соревнованиях США, он не принимал участия в турнирах. Возвращение Россоломо на шахматную арену многими было встречено с воодушевлением, но из-за продолжительного перерыва в игре на него не возлагали слишком больших надежд. Опасения эти оправдались — в первой партии первого тура Россоломо был

Во время турнира в Кюрасао Бобби Фишер посетил заболевшего гроссмейстера Талья, и они тайком от врачей разыграли несколько партий.

вынужден сдаться, не заметив в эндшпиле выгодного для себя хода. В самом начале партии с Бисгье он допустил нелепую ошибку и потерял пешку. Из первых четырех партий он проиграл три и лишь одну свел вничью. Но в дальнейшем он показал высокий класс игры, не проиграв ни одной партии. Он выиграл у Бенко и сыграл вничью с Эвансом и Решевским.

Начало турнира показало, что главный интерес будет сосредоточен на двух выдающихся шахматистах — Бобби Фишере и Самуиле Решевском. В последние пять лет американские любители шахмат резко разделились на поклонников Фишера и поклонников Решевского. Среди многих шахматных болельщиков преклонение дошло прямо-таки до фанатизма. Бобби Фишер, конечно, идол молодого поколения. Он стал чемпионом США в четырнадцать лет, получил звание международного гроссмейстера в пятнадцать лет — небывалый случай в истории шахмат. Он вышел на второе место на международном турнире 1961 года в Блэде, не проиграв ни одной партии. На межзональном турнире 1962 года в Стокгольме он блестяще завоевал первое место. Сейчас девятнадцатилетний Фишер — один из претендентов на звание чемпиона мира. Его успехи говорят об изумительном таланте. Еще будучи «вундеркиндом», он считался достойным преемником знаменитого американского шахматиста XIX столетия Поля Морфи. Пять лет подряд Фишер выходил победителем из соревнований в Соединенных Штатах и четыре раза занимал первое место в турнирах на приз Розенуолда. Совершенно естественно, что всех интересовал лишь один вопрос: станет ли Бобби в пятый раз чемпионом страны?

Что же касается Решевского, то, несмотря на некоторое ослабление его игры за последние годы, он по-прежнему остается героем старшего поколения. До появления Фишера на шахматной арене пятикратный чемпион Соединенных Штатов, Решевский двадцать пять лет был самым знаменитым шахматистом Америки. Интересно, что и он в свое время был шахматным вундеркиндом. За все время своей шахматной карьеры в Америке с 1931 по 1960 год, он никогда не опускался ниже второго места. До Второй мировой войны он завоевал славу крупного международного шахматиста в Ноттингэме (1936 г.), Кемере (1937 г.), Хейстингсе (1937-38 гг.), на турнире в Хилверсуме (1938 г.), организованном голландской радиостанцией «АВРО», и так далее. После Второй мировой войны он участвовал в матч-турнире 1948 года на первенство мира и затем в турнире претендентов 1953 года.

В течение нескольких лет Фишер и Решевский соревновались на первенство Соединенных Штатов. Несмотря на то, что на нескольких американских чемпионатах Фишер набирал больше очков, нежели Решевский, было решено вывести окончательное заключение о первенстве на основании шестнадцати партий, которые разыгрывались в 1961 году. К сожалению, этот матч не был доведен до конца, так как Фишер опротестовал расписание розыгрыша партий и после одиннадцатой партии (оба шахматиста набрали по 5½ очков) отказался продолжать игру. С того времени соперники не встречались, и шахматный мир Америки с нетерпением ожидал возобновления единоборства в 1963 году.

Встреча произошла в пятом туре, но до этого оба потерпели неожиданное поражение в сыгранных ими первых партиях: Фишер проиграл Меднису (его первый проигрыш на чемпионате США за пять лет), а Решевский — Аддисону. Вот почему, чтобы сохранить за собой шансы на первый приз, каждому из них было необходимо выиграть эту партию. Развивая собственный вариант сицилианской партии, Фишер поспешно выдвинул пешки королевского фланга. После размена ферзей в начале игры, Фишер получил значительное позиционное преимущество и, наступая пешками, вынудил Решевского к цугцвангу, то есть к такому положению, когда любой ход ведет к материальным потерям. Эндшпиль был разыгран с классической точностью, и на пятьдесят четвертом ходу Фишер выиграл, опередив Решевского на очко. (В розыгрыше для определения третьего места на турнире между Решевским, Эвансом и Аддисоном, победил Решевский; Аддисон и Эванс сыграли вничью, разделив четвертое и пятое место.)

Создается такое впечатление, что Фишер прекрасно себя чувствует при нервном напряжении, которое отзывалось бы на любом другом игроке. Пожалуй, это ключ к стилю его игры: каждую партию он начинает королевской пешкой, так как считает, что ферзевые дебюты лишают игру остроты, необходимой для победы. Во время обеда после одного из туров, Ганс Берлинер пытался убедить Фишера, что начальный ход от ферзя мало чем отличается от хода королевской пешки, ибо оба хода выводят игру на середину доски и в то же время пешка остается защищенной. «Все вы, ферзевые,

на один лад, — ответил Фишер. — Всегда пытаетесь обратить нас в свою веру. Королевская пешка служила мне до сих пор верой и правдой, и я не собираюсь отказываться от хода e2-e4».

Из всех современных мастеров Фишер довольствуется, пожалуй, самым скромным набором первых ходов. Он убежден, что выбирает наилучшее начало из всех возможных. В этом отношении он во многом напоминает Стейнница, которого он ставит вообще выше всех. Бобби, вероятно, единственный гроссмейстер, ни разу не сделавший на турнире хода d2-d4.

В отличие от многих современных мастеров, вся жизнь Бобби сконцентрирована на шахматах: чтобы стать единственным в стране профессиональным шахматистом, он даже отказался от высшего образования. Никогда не забуду нашего первого знакомства. Между ходами случайной партии он читал книгу известного современного знатока теории дебютов. «Смотрите, — весело сказал он, обращаясь ко мне, — вот потеха!» — и указал на анализ позиции после двадцать шестого хода в сложнейшем варианте испанской партии. Заметив, что я не понял юмора ситуации, он удивленно спросил: «В чем дело, разве вы не играете в шахматы?»

Бобби сторонится людей, но сердце у него доброе, и он иногда очаровывает своим мальчишеским шармом. Он очень застенчив и совершенно теряется в присутствии девушек. По мнению Бобби, водить знакомство с девушками — признак слабости, так как они играют в шахматы хуже мужчин. Как-то, желая сказать комплимент жене Бисгье, Бобби, подумав, выдал из себя: «Карол, вы моя единственная знакомая, которая может дать мат конем и слоном». В устах Фишера это была величайшая похвала.

Когда в Кюрасао гроссмейстер Таль вынужден был лечь в больницу, Бобби сейчас же навестил его. На турнире я был в качестве корреспондента «Ассошиэйтэд пресс». Такое посещение могло быть интересным для репортера, и я пошел с Фишером. Мне удалось сделать несколько снимков советского и американского титанов за дружеским разыгрыванием нескольких партий (кстати, шахматы и доску Таль спрятал от врачей под простыней). Когда мы выходили из больницы, Бобби повернулся ко мне и сказал: «Храбрый парень. Он умеет сражаться, и мне это очень в нем нравится».

Шахматы для Бобби Фишера критерий, по которому он судит обо всем и обо всех. Пожалуй, немногие столь совершенно владеют шахматным языком, как он. Бобби так поглощен шахматами, что близких друзей у него не много. У него множество поклонников, но нет настоящих приятелей. Вот почему не было никакого празднования по случаю победы над Бисгье. Кончились обычные поздравления, шахматный король США покинул опустевший зал отеля «Генри Гудзон», зашел в кафетерий, съел бутерброд и затем отправился на вечерний сеанс в кино. Его сопровождали только двое: молодой шахматист Бернард Зукерман и я, газетный репортер. ▼

ПАРТИЯ ФИШЕР—РЕШЕВСКИЙ (турнир 1963 г. на первенство США)

СИЦИЛИАНСКАЯ ПАРТИЯ

Белые: ФИШЕР		Черные: РЕШЕВСКИЙ	
1. e2-e4	c7-c5	28. Лh1-h3	Се7-f8
2. Кg1-f3	d7-d6	29. Ла1-h1	Ле6-c7
3. d2-d4	c5: d4	30. Лh3-h4	d6-d5
4. Кf3: d4	Кg8-f6	31. Лh1-a1	Лс7-c6
5. Кb1-c3	a7-a6	32. e4: d5 +	Кpe6: d5
6. h2-h3	g7-g6	33. Ла1-d1 +	Кpd5-e6
7. g2-g4	Cf8-g7	34. Лd1-d8	Кpe6-f5
8. g4-g5	Кf6-h5	35. Лd8-a8	Лс6-e6
9. Cf1-e2	e7-e5	36. Лh4-h3	Cf8-g7
10. Кd4-b3	Кh5-f4	37. Ла8:h8	Cg7:h8
11. Кс3-d5	Кf4: d5	38. Лh3: h7	Ле6-e8
12. Фd1: d5	Кb8-c6	39. Лh7-f7 +	Кpf5-g4
13. Се2-g4	Се8: g4	40. f2-f3 +	Кpg4-g3
14. h3: g4	Фd8-c8	41. Кpe2-d3	e5-e4 +
15. Фd5-d1	Кс6-d4	42. f3: e4	Ле8-d8 +
16. e2-c3	Кd4: b3	43. Се3-d4	Кpg3-g4
17. a2: b3	Фс8-e6	44. Лf7-f1	Ch8-e5
18. Ла1-a5	f7-f6	45. Кpd3-e3	Се5-c7
19. Фd1-d5	Фе6: d5	46. Лf1-g1 +	Кpg4-h5
20. Ла5: d5	Кpe8-d7	47. Кpe3-f3	Лd8-d7
21. g5: f6	Cg7: f6	48. e4-e5	Лd7-f7 +
22. g4-g5	Cf6-e7	49. Кpf3-e4	Лf7-f5
23. Кpe1-e2	Ла8-f8	50. e5-e6	Се7-d8
24. Сс1-e3	Лf8-c8	51. Cd4-f6	Cd8: f6
25. b3-b4	b7-b5	52. g5: f6	Лf5: f6
26. Лd5-d1	Кpd7-e6	53. Кpe4-d5	Лf6-f2
27. Лd1-a1	Лс8-c6	54. Лg1-e1	Черные сдались

Пересечение двух магистралей в Детройте: имени Джона К. Лоджа и Эдсела Форда. Эти магистрали значительно ускоряют городское движение в часы пик.

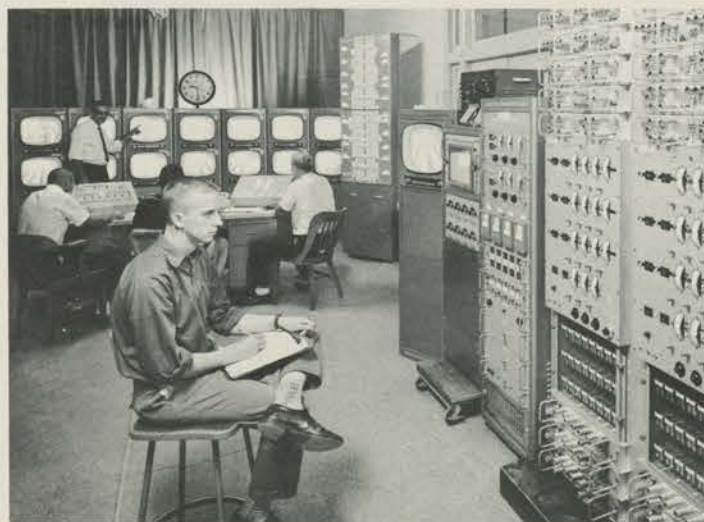
Как инженеры-дорожники пытаются справиться с заторами уличного движения

Четырнадцать телекамер следят за потоком машин на пятикилометровом отрезке магистрали имени Лоджа — самом загруженном участке детройтских шоссе.

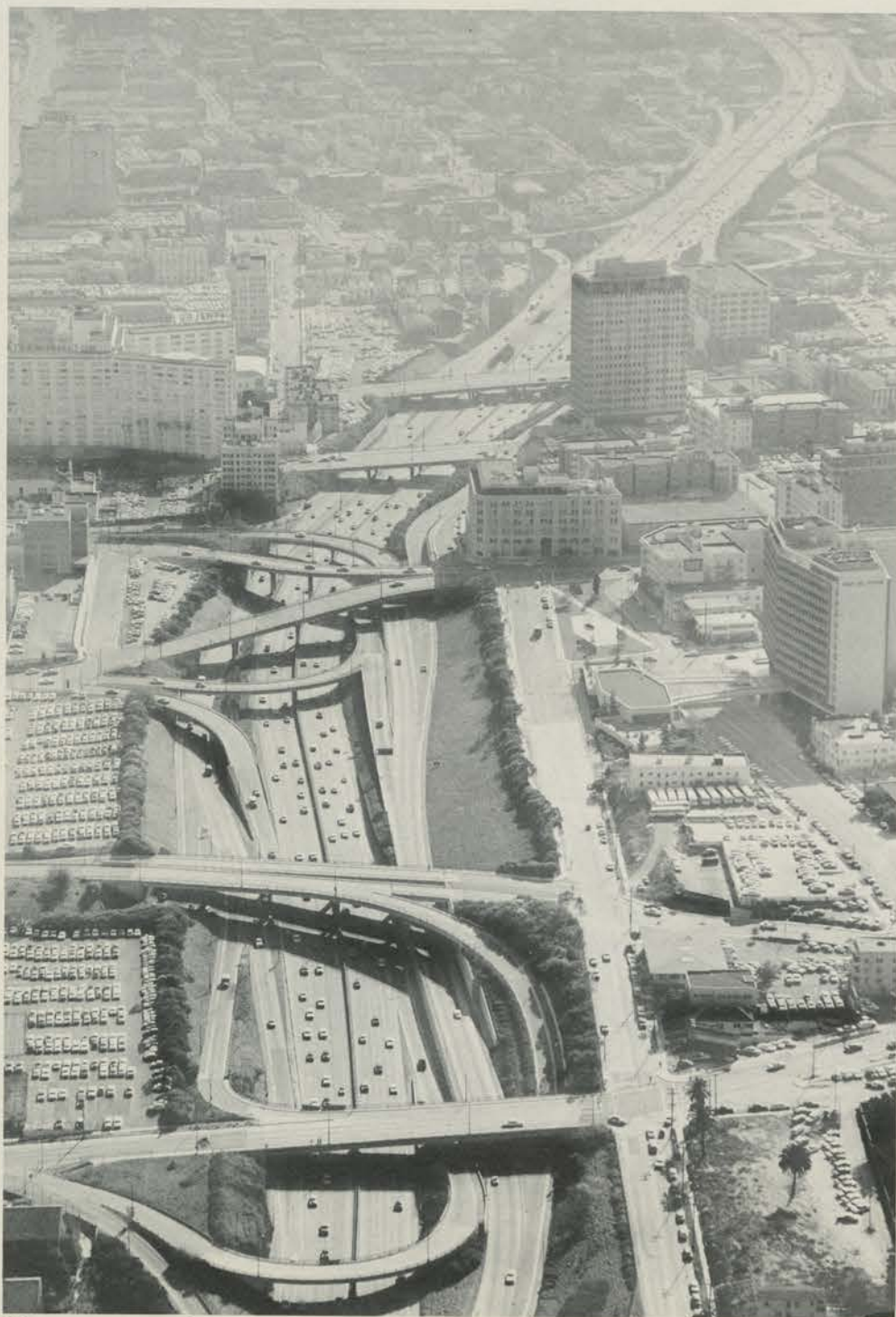
ДОРОГИ И ГОРОДА ЛОРА УИНСЛОУ

Америка поистине страна на колесах: в Соединенных Штатах живет 190 миллионов человек, и около половины из них имеет водительские права, а по шоссе и улицам, протяженностью свыше 5,5 миллиона километров, движется 80 миллионов легковых машин, грузовиков и автобусов, которые в общей сложности покрывают за год 1,3 триллиона километров. Большую часть пути американцы мчатся по шоссе и магистралям, однако всем не раз приходилось проклинать характерное для автомобильного века явление: заторы на улицах. Особой интенсивности движение достигает в крупных городах в утренние и вечерние часы. Кому из загородных жителей не известна такая картина: быстро и плавно мчится поток машин по предместью до черты города, там замирает и дальше движется черепашным шагом. Пытаясь разгрузить уличное движение, федеральные, штатные и городские власти все чаще прибегают к созданию скоростных автомагистралей с ограниченным числом въездов (на фото слева). Благодаря этим дорогам обеспечивается быстрое движение, отпадает необходимость в остановках на световых сигналах и значительно облегчается переход с одной магистрали на другую. Неудивительно, что именно на них инженеры возлагают наибольшие надежды в деле разгрузки городского движения.

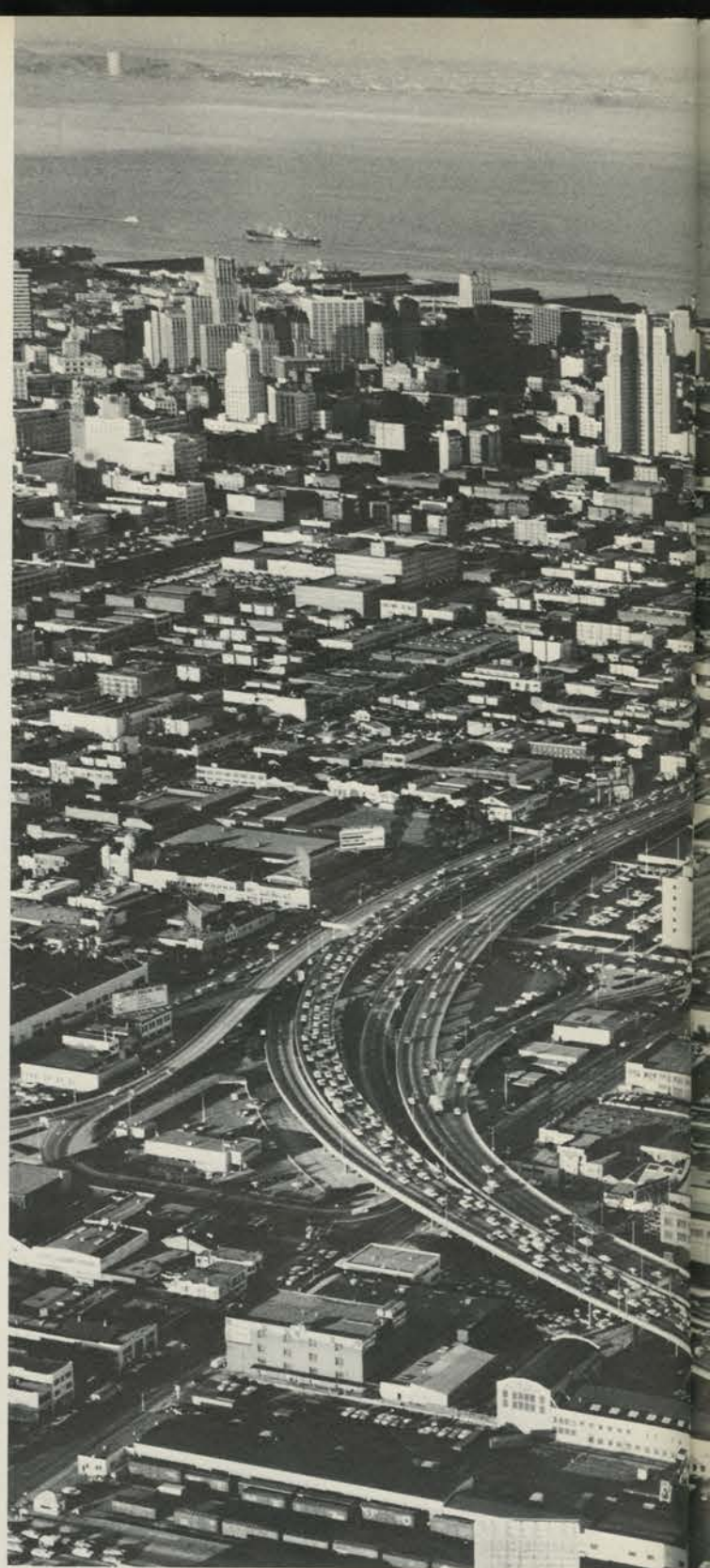

Электроника регулирует движение: сигнализирует ограничение скорости на шоссе и открывает или закрывает полосы движения.

В четырех городах скоростные магистрали пропускают в день до пяти миллионов машин

Гаванское шоссе в Лос-Анжелесе пропускает свыше 170 000 машин (скорость до 100 км/час).

В Чикаго, Лос-Анжелесе, Филадельфии и Сан-Франциско насчитывается в общей сложности девять миллионов жителей и пять миллионов автомобилей. Хотя в Чикаго и Филадельфии имеются прекрасные системы скоростных шоссе, по которым в часы пик проходит 75 процентов машин, там, как и в других городах, на центральных улицах не обходится без заторов. От 60 до 80 процентов автомобилистов — виновников этих заторов — с радостью миновали бы центр города, но большинство из них должно волей-неволей пересечь город, так как другого выбора нет. Во всех четырех городах сейчас идет широкое дорожное строительство: прокладываются и улучшаются магистрали, пересекающие город или охватывающие его кольцом. Дороги эти позволят автомобилям избежать перегруженных центральных улиц. Голливудским шоссе в Лос-Анжелесе ежедневно пользуется 300 тысяч человек; средняя скорость, с которой в часы пик двигаются автомобили по сети магистралей Лос-Анжелеса (их общая протяженность — 160 километров), превышает 50 километров в час. Подобные дорожные системы имеются и в других городах.

Три главные магистрали подведены к Оклендскому мосту, пересекающему залив Сан-Франциско. В часы пик по этому мосту за одну минуту проходит 135 автомашин.

Шоссе Конгресса в Чикаго сократило движение по городу на 45 процентов.

«Скоростной круг» около Филадельфии, где пересекается ряд оживленных артерий.

Как щупальцы расходятся съезды с шоссе № 40 перед мостом около Сан-Франциско.

Сложный узор сплели дорожники у Чикагского аэропорта, чтобы избавить автомобилистов от пересечений в одном уровне с другими шоссе.

Пересекающая страну магистраль № 10 проходит мимо калифорнийского городка.

Растущая сеть скоростных автомагистралей охватывает всю страну

Системы скоростных магистралей в городах — всего лишь отдельные звенья сложной сети автострад, которая строится сейчас по всей стране. Сеть эту, общим протяжением в 66 тысяч километров, предполагается закончить в начале 1970-х годов. Шоссе с шестью и восемью полосами движения свяжут почти все города, в которых насчитывается не меньше 50 тысяч жителей. Используя уже существующие в городах магистрали, автомобилист сможет пересечь всю страну, ни разу не останавливаясь на красном свете. О размахе строительства свидетельствуют следующие цифры: из использованной на дороги стали можно возвести двести стоечных небоскребов, из щебня — построить вокруг Земли вал высотой почти в три метра и шириной в 15 метров, а общая площадь новых шоссе достигнет примерно тысячи кв. километров. Новая сеть составит всего 1,2 процента общей длины имеющихся в стране дорог, но она будет обслуживать 20 процентов всего движения. На сегодняшний день закончено 24 тысячи километров этой сети. Чтобы дать автомобилистам возможность ехать с максимальной, но в то же время безопасной скоростью, магистрали строятся с ограниченным числом въездов и удобными переходами с одного шоссе на другое; необходимость делать левый поворот через полосы встречного движения отпадает.

1948 г.

Днем автомобилист тратил не меньше получаса, пересекая центр Бостона. В утренние и вечерние часы пик автомобили двигались еще гораздо медленнее.

1956 г.

С окончанием строительства автомагистрали им. Джона Ф. Фицджеральда то же самое расстояние в Бостоне можно свободно проехать за три минуты.

